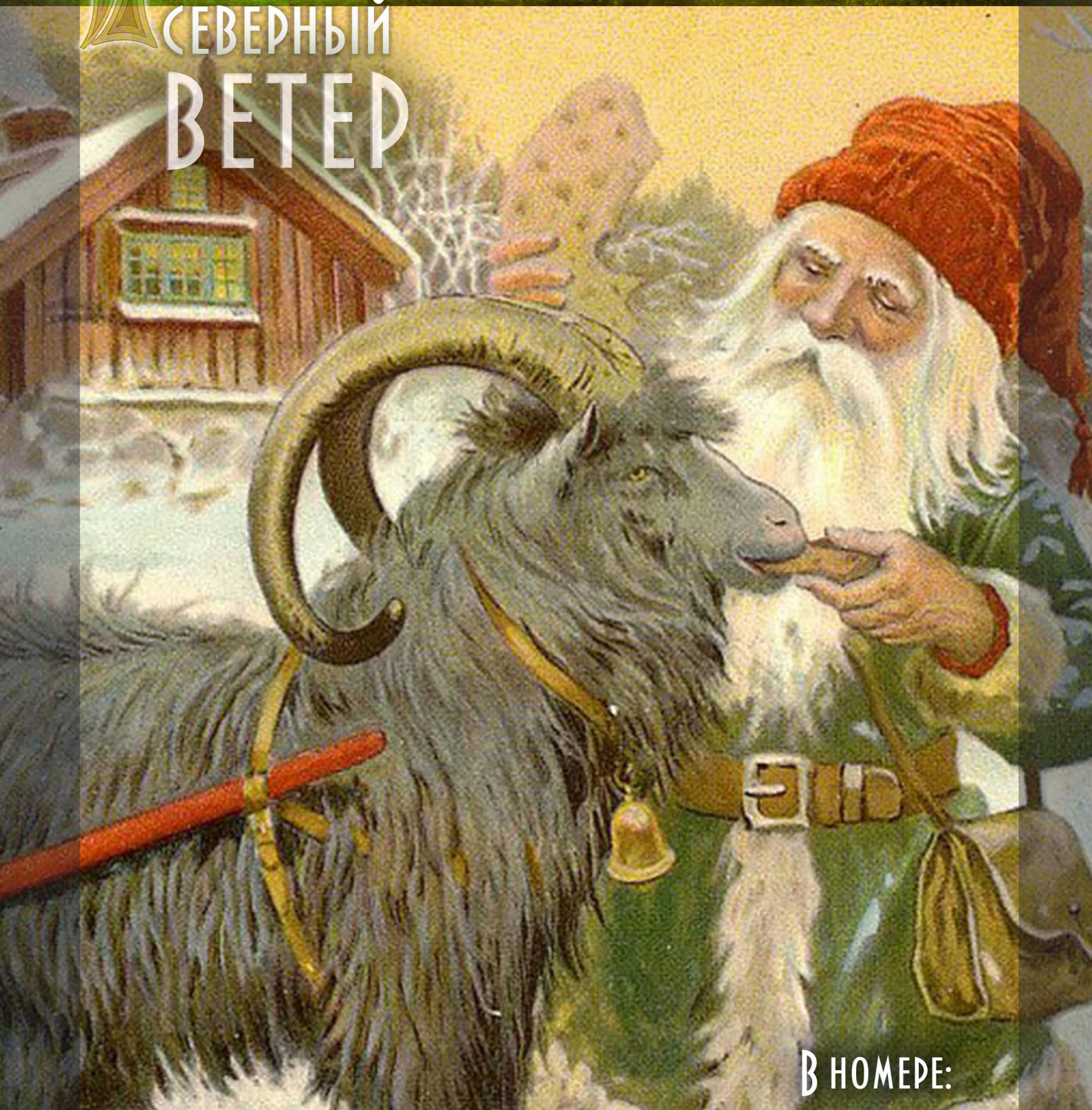

ЙОЛЬ
№ 51

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

В НОМЕРЕ:

СВОЙСТВЕННИКИ И РОДСТВЕННИКИ
СЕМЬЯ ИЗ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ РОДИЧЕЙ
ИСТОРИЯ ЙОЛЯ

БЕРЕМЕННОСТЬ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ
ПРИРОДА ВОДЯНЫХ
ДЕВЯТЬ МИРОВ THERION

СЕВЕРНЫЙ
ВЕТЕР №51

Июль 2025

Главный редактор:

Маша Юлина (Ранхильд),
дом Веретено Фригг
(Минск — Сан-Франциско)

Редакторы:

Алина Петрова (Сигрид),
годорд Иггдрасиль
(Киев — Краков)
Алексей Глазачев (Андвари),
(Москва)
Анастасия Зимова
(Москва-Стурвик)

Верстка:

Анна Пермина

Корректор:

Esgal

Дизайн номера:

Анна и Вадим Пермины

Обложка:

Художник —

© Jenny Nyström

Дизайн — Алина Петрова (Сигрид)

*Редакция выражает благодарность
за помощь при подготовке журнала:*

Ф.Б. Успенскому, Илье Губанову,
Ольге Ясинской, hekkil, Анне Блейз,
О.А. Маркеловой, Оттару Гвюдмюндссону,
Esgal, Дмитрию Даммеру, Тимофею
Ермолаеву, Виталию Гришину, Антону
Малахову, Евгению Папакулю, Соколу Бури,
Александру Андрееву, Артему Эл, Андрею
Gammal, а также паблику «Библиотека
викинга».

Наши контакты:

<http://vk.com/friggerock>

Веретено Фригг

<http://vk.com/nordanvindr>

открытая группа журнала

СОДЕРЖАНИЕ

Новости	6
Люди, с которыми нам по пути	
Интервью с hekkil	17
Интервью с читателями «Северного ветра»	21
Исследования	
Свойственники и родственники <i>Ф.Б. УСПЕНСКИЙ</i>	33
Семья из трех поколений родичей как основная структурная единица древнескандинавского общества и ее этнографические параллели по древнескандинавским и иным источникам <i>Илья Борисович ГУБАНОВ</i>	48
История Йоля, Охота Одина и козёл Тора <i>Анастасия ТИШУНИНА</i>	55
Ветер странствий	
Валун-великан: путешествие к каменному исполину Новгородской области <i>Алексей ГЛАЗАЧЕВ</i>	58
Соловки ... языческие? <i>Ольга ЯСИНСКАЯ</i>	61
Тролли Калифорнии <i>Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)</i>	67
Переводы	
«Тролли, альвы и ветты: младшие духи в северном язычестве» <i>Перевод с английского и комментарии: Анна БЛЕЙЗ</i>	71
Беременность в эпоху викингов как инструмент формирования власти и политического влияния <i>Марианн Хем ЭРИКСЕН</i> <i>Перевод с английского и компиляция: Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)</i>	80
Дорога в Хель <i>Хильда Родерик ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН. Перевод: ESGAL</i>	84
A Book of Troth <i>Эдред ТОРССОН. Перевод: Дмитрий ДАММЕР</i>	88
Музыка ветра	
Девять Миров Therion <i>Андрей ГАММАЛ</i>	90
Волшебные исландские сказки	93
Реконструкция	
Ножны из захоронения Bj967 <i>Андрей МАЛАХОВ</i>	96
Традиционная кухня	
Традиционные лакомства для июльского стола <i>Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)</i>	102
Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов <i>Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ</i> <i>Перевод: Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)</i>	105
Книжная полка	
Герои и помутнение рассудка <i>Оттар ГВЮДМЮНДССОН.</i> <i>Перевод с исландского: О. Маркелова</i>	108
Особенности перевода «Саги о Вэльсунгах» на белорусский язык <i>Евген ПАПАКУЛЬ</i>	116
Творчество	
Стихотворения из книги «Торсхавн. Стихи и очерки о Фарерских островах» <i>Автор: Ольга МАРКЕЛОВА</i>	118
Поэма «Гонка богов» <i>Сокол БУРИ</i>	120
Сага о людях из Хельхейма <i>Артём Эл</i>	123
Стихотворение «Заклинание» <i>Автор: Александр АНДРЕЕВ</i>	126
Арт <i>Алина ПЕТРОВА (СИГРИД)</i>	127
<i>Алексей ЮЛИН</i>	128

Друзья!

Йоль — это точка Колеса, когда при всей громкой суете мира внешнего, внутри наступает особая тишина, время замедляется — и сразу понимаешь, на чем на самом деле построен и держится наш мир. Не на чужих манифестах, не на стремлении заработать все деньги мира, не на своих и чужих амбициях, а на очень простых вещах: дом, семья, близкие.

И мы не боимся обвинения в банальности, так как сама Традиция учит нас в это время возвращаться домой, разделять хлеб и мед с родными, держать отчет перед богами и собой, благодарить за важное, отпускать ненужное и тихо радоваться достигнутому. Традиционно весной и летом люди расходились кто куда, а к зиме все

оказывались под одной крышей: кто-то вернулся с моря, кто-то с ярмарок, а кто-то просто закончил полевые работы. В длинном доме собирался весь род, и у каждого было свое место за столом.

И поэтому мы снова накрываем наш ставший уже традиционным символический стол и приглашаем друзей. На прошлый Йоль к нам в гости заглядывали те, кого вы уже хорошо знаете по страницам журнала. В этом году мы впервые дали слово вам, дорогие читатели, ради кого мы и делаем этот журнал. Интервью с вами получилось очень честным: в нем нет лубочных истин и «идеальной» традиционности, зато есть живой и искренний опыт. И мы обязательно будем продолжать такие встречи.

А сам номер у нас посвящен семье и простым домашним радостям. Он пахнет йольской выпечкой и полон добрых историй. Да-да, журнал о наследии викингов может быть и таким.

...На нашем праздничном столе чуть в стороне стоят три полные чаши.

Первая — для тех, кто был.

Вторая — для тех, кто есть, но не может сегодня быть с нами.

Третья — для тех, кто будет. Чтобы знали: место в этом доме их ждет.

Ибо мы — представители своего рода. О нём будут судить по нашим действиям, и нам должно поступать так, чтобы все, кто был до, есть и будет после нас, — гордились своими родичами. Поэтому никогда не забывайте о трёх чашах на ваших столах — и о тех, кто невидимо сидит рядом с вами.

Светлого Йоля!

Мира и благополучия вашему дому и силы вашему роду!

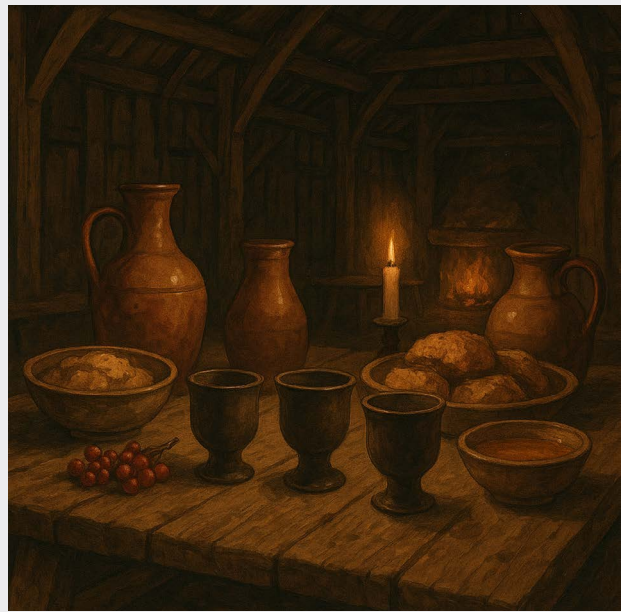
Ранхильд, Сигрид, Андвари, Анастасия

Северный Ветер в Facebook: <https://www.facebook.com/groups/nordanvindr>

Северный Ветер в Instagram: <https://www.instagram.com/nordanvindr/>

Северный Ветер в Telegram: <https://t.me/nordanvindr>

Картотека всех материалов:

Таинственная резьба, найденная в дикой природе северного Онтарио

Источник:

Перевод: Алексей Глазачев

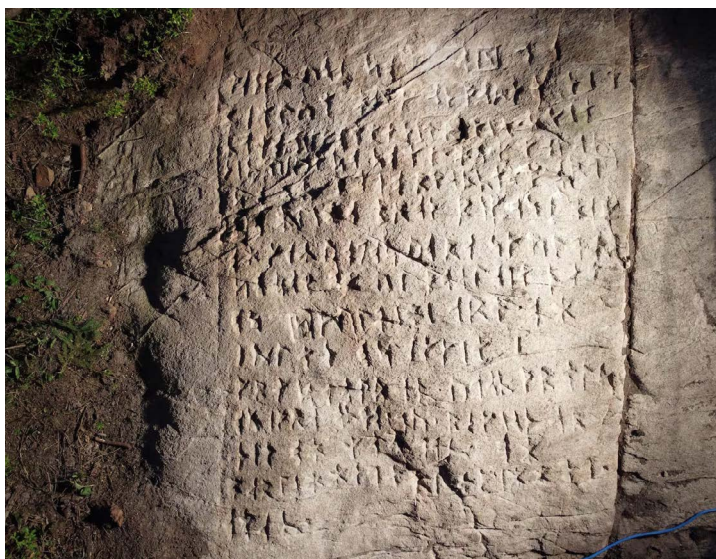
По одной из версий, резьба была сделана в начале 1800-х годов шведом, работавшим в Компании Гудзонова залива.¹

Два директора образовательного археологического центра Онтарио Дэвид Гадзала и Райан Примроуз (слева направо на фото) уже семь лет изучают скандинавский рунический камень, высеченный в скальной породе северного Онтарио возле городка Вава. (Фото предоставлено Райаном Примроузом)

Семь лет назад в лесной глуши северного Онтарио упало дерево. Так и была найдена археологическая загадка, которую исследователи до сих пор пытаются разгадать. На скальной породе нашли резьбу с 255 символами, расположенными квадратом примерно 1,2 на 1,5 метра. Рядом с ней высечено изображение лодки с 16 людьми, а также 14 крестиков. Фотографии находки попали к Райану Примроузу — археологу из Нью-Лискирда, директору Образовательного археологического центра Онтарио. «Ну, это определённо одна из самых неожиданных находок за всю мою карьеру. Просто потрясающе», — говорит он. Примроуз работает над изучением этих резных надписей с 2018 года и только сейчас, в 2025 году, впервые рассказывает о них публично.

250 рунических символов, высеченных в камне, складываются в молитву «Отче наш». Предполагается, что резьба была сделана в начале 1800-х годов, затем засыпана землёй и обнаружилась только после падения дерева в 2018 году. (Фото предоставлено Райаном Примроузом)

¹ Компания Гудзонова залива (Hudson's Bay Company, HBC) – одна из старейших торговых компаний в мире, крупнейшая канадская компания розничной торговли. Прим. пер.

«Мы не хотели делать информацию публичной, пока не сделали всё возможное, чтобы понять, что это такое», — объясняет он. Примроуз быстро понял, что 255 символов — это скандинавские руны, древний алфавит под названием футарк, который использовался в Скандинавии в прошлые века. Он опасался, что кто-то поспешит с выводами, что эти надписи сделаны викингами больше тысячи лет назад и создаст сенсацию на пустом месте. Поэтому он обратился за помощью к Хенрику Уильямсу — почётному профессору Уппсальского университета в Швеции, ведущему эксперту по рунологии.

*Рядом с резьбой молитвы изображена лодка с 16 людьми, а также 14 крестиков.
(Фото предоставлено Райаном Примроузом)*

Шведский рунолог Хенрик Уильямс

Несколько лет назад холодным дождливым октябрьским днём профессор приехал изучать сильно выветрившуюся резьбу. «Я три часа просидел под брезентом с фонариком, изучая руны, а остальные мёрзли снаружи, — вспоминает Уильямс. — И я вышел с расшифровкой».

Он понял, что руническое письмо передаёт слова молитвы «Отче наш» на шведском языке, и отследил её до рунической версии молитвы 1611 года, которая была переиздана в XIX веке. «Эту работу делали долго. Знаки действительно глубоко вырезаны в камне. Кто-то, должно быть, провёл пару недель, вырезая всё это, —

говорит Уильямс. — И это наверняка был швед. А были ли здесь вообще шведы?»

Примроуз рассказывает, что последующие исследования показали: Компания Гудзонова залива действительно нанимала шведов в 1800-х годах для работы на торговых постах в канадской глуши, в том числе на посту Мичипикотен — недалеко от места, где была найдена резьба. По его мнению, судя по степени выветривания, резьба, скорее всего, была сделана в начале или середине 1800-х годов. Уильямс признаётся, что был «немного разочарован» тем, что находке всего около 200 лет, но добавляет: «Загадочность надписи от того, что она моложе, чем мы надеялись, не уменьшается».

«Любой человек начинает задаваться вопросом: «Зачем они вырезали это здесь, в такой глуши, и почему выбрали именно этот текст?» И ответов нет, — говорит он. — Но загадки обычно привлекают людей, и эта точно привлечёт».

Примроуз предполагает, что это место могло быть местом религиозного поклонения — возможно, местом сбора шведов, работавших на торговом посту. Он говорит, что резьба была найдена под несколькими сантиметрами почвы и, вероятно, была намеренно засыпана, что «затрудняет понимание ситуации».

Шведский эксперт по рунам Хенрик Уильямс провёл несколько часов под брезентом в холодный день в северном Онтарио, расшифровывая надписи, прежде чем определил, что это молитва «Отче наш».
(Фото предоставлено Райаном Примроузом)

Работая с владельцем земли, Примроуз подал заявку на аренду участка и надеется получить финансирование для превращения места в историческую туристическую достопримечательность, включая строительство навеса над резьбой для защиты от дальнейшего разрушения.

Он надеется окончательно оформить эти планы к концу лета и затем дать публике возможность лично поразмышлять над таинственной резьбой.

Миниатюрная игровая фигурка эпохи викингов — ключ к моде на причёски X века

Источник:

Автор: Dario Radley

Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

Крошечная фигурка, вырезанная более тысячи лет назад, добавляет штрихи к нашему представлению об эпохе викингов. Артефакт высотой всего три сантиметра изображает мужчину с тщательно уложенной бородой и причёской, и, по мнению специалистов, представляет собой самое близкое к реальности изображение викинга, которое когда-либо удавалось обнаружить.

Уникальная игровая фигурка эпохи викингов, вырезанная из моржовой кости.

Фото: Роберто Фортуна (Roberto Fortuna), Национальный музей Дании

Миниатюрный бюст, вырезанный из моржовой кости, был найден ещё в 1796 году в погребальном кургане в местечке Викен (Viken), неподалёку от Ослофьорда (Oslofjord) на юге Норвегии. Его относят к концу X века — ко времени правления Харальда Синезубого. На протяжении долгого времени он хранился в коллекции Национального музея Дании и был зарегистрирован под номером 589 как один из древнейших экспонатов. Более двух столетий фигурка оставалась затерянной в музейных фондах, пока куратор Петер Пенц (Peter Pentz) не наткнулся на нее, готовя выставку о проризательницах эпохи викингов.

«Когда я наткнулся на него в одном из наших хранилищ несколько лет назад, я был искренне удивлён — он просто сидел там и смотрел прямо на меня, а я никогда прежде не видел такого викинга, — рассказал Петер. Позднее он назвал находку «исключительной» и добавил: Перед нами крошечный бюст, и, вероятно, ближе к подлинному портрету викинга мы уже не подберемся».

Борода фигурки и чётко очерченные черты лица позволяют осторожно предположить, что она изображает не просто типичного викинга, а какого-то конкретного человека

Миниатюрная фигурка представляет собой мужчину с прямым пробором, с одной стороны волна волос открывает ухо, короткая стрижка на затылке. Не менее тщательно проработаны и волосы на лице — густые усы, длинная заплетённая косичкой эспаньолка и чётко очерченные бакенбарды. Видна даже трогательная завитушка над ухом. По мнению Петера, эти детали многое говорят о том, как викинги ухаживали за собой — тема, по которой раньше почти ничего не было известно. *«Впервые у нас есть изображение мужчины-викинга, у которого волосы можно рассмотреть со всех сторон. Это уникально»,* — отметил он.

Изображение словно передает индивидуальность. Борода и проницательные черты лица наводят на мысль, что перед нами не просто безымянный образ. Учёные предполагают, что фигурку использовали в скандинавской настольной игре хнефатафл, где она исполняла роль короля — центральной и самой значимой фигуры. Некоторые исследователи даже высказывают гипотезу, что перед нами портрет реального правителя — возможно, самого Харальда Синезубого.

Внимание к деталям поражает, особенно в сравнении с большинством сохранившихся произведений искусства эпохи викингов, где преобладали животные мотивы и абстрактные орнаменты. Изображения людей встречались крайне редко, и даже на монетах они, как правило, были лишёнными индивидуальных черт. Именно поэтому эта маленькая фигурка столь ценна: она отражает не только моду, но и, возможно, является портретом правителя эпохи викингов.

Несмотря на свои размеры, фигурка явно свидетельствует о богатстве и высоком статусе ее владельца. Моржовая кость была одним из самых дорогих материалов эпохи викингов — её привозили из Гренландии, и она высоко ценилась по всей Северной Европе. Использование такого материала говорит о том, что предмет был создан для человека знатного происхождения, возможно даже, как изображение королевской фигуры, придавая игре, в которой он использовался, символический вес.

Сегодня фигурка выставлена в Национальном музее в Копенгагене и вновь привлекает внимание как исследователей, так и широкой публики. Для Петера Пентца эта находка — не просто артефакт: «До сих пор у нас не было подробной информации о причёсках викингов, — говорит он, — а теперь мы можем рассмотреть все до мельчайших подробностей».

Вид сбоку на игровую фигурку эпохи викингов

Серебро Бейдейла: следы торговых путей в эпоху викингов — от Англии до Ирана

Источник:

Автор: Dario Radley

Перевод: Мария Юлина (Ранхильд)

Новое масштабное исследование клада из Бейдейла (Bedale Hoard) — редчайшего серебряного сокровища эпохи викингов, найденного в 2012 году в Северном Йоркшире, — проливает свет на обширную торговую сеть, связывавшую поселенцев-викингов в Англии с регионами, расположенными на территории современного Ирана и Ирака. Эта находка ставит под сомнение стереотипный образ викингов исключительно как грабителей, показывая их активное участие в международной торговле, простиравшейся на огромные расстояния.

В рамках исследования, проведённого под руководством доктора Джейн Кершоу (Jane Kershaw) — доцента археологии эпохи викингов в Школе археологии Оксфордского университета — в сотрудничестве с Британской геологической службой, было проанализировано 29 серебряных слитков

и несколько богато украшенных шейных колец из состава клада. Геохимический анализ, включая изучение изотопов свинца и микроэлементного состава, выявил три основных источника серебра: западноевропейская монетная чеканка, исламские дирхемы и сплавы металлов смешанного происхождения из обоих регионов.

Хотя большая часть серебра, скорее всего, происходила из переплавленных англосаксонских и каролингских монет, полученных в качестве дани или трофеев от набегов, значительная

доля — почти треть всех слитков — была изготовлена из серебра, отчеканенного в исламском Халифате. Эти монеты, известные как дирхемы, производились в регионах, расположенных на территории современных Ирана и Ирака, и преодолевали тысячи километров по скандинавским торговым путям, известным как Аустрвегр (Austrvegr, «восточный путь»), прежде чем попасть в Англию.

По словам доктора Джейн, сложившийся стереотип о викингах как о безжалостных грабителях монастырей далёк от полной картины. Набеги и грабежи действительно играли важную роль в их экономике, но викинги активно участвовали и в торговых связях, простиравшихся от Северной Европы до исламского Халифата. «Теперь мы видим, что, оседая в Англии, они приносили с собой значительные запасы этого исламского серебра», — отмечает исследовательница.

Клад из Бейдейла, в состав которого входит также англосаксонская гарда меча, относится к концу IX — началу X века. Он наглядно демонстрирует смешение культур и экономик в Англии эпохи викингов — примерно между 800 и 1150 годами, когда богатство в Скандинавском мире измерялось не номиналом монет, а весом серебра. Иностранные монеты нередко переплавляли, превращая их в стандартные слитки или украшения, которые свободно обращались в рамках этой своеобразной «экономики слитков».

Одним из самых значимых предметов клада является массивное ожерелье из нескольких перекрученных нитей серебра, выполненное из сплава восточного и западного серебра — вероятно, отлитое на севере Англии. Исследование также показало, что мастера по металлу эпохи викингов в Скандинавии и Англии иногда очищали серебро с помощью свинца местного происхождения, скорее всего, добытого в районе Норт-Пеннинов (North Pennines), что свидетельствует о высоком уровне их ремесла и о существовании собственной традиции обработки металлов.

Таким образом, викинги выстроили экономическую систему, основанную на сочетании добычи от военных походов и доходов от международной торговли. Их торговые связи простирались по всей Европе, достигая Центральной Азии и Ближнего Востока.

Опубликованное исследование дополняет растущее число свидетельств того, что благосостояние викингов было результатом не только захватов, но и активной внешней торговли. Клад из Бейдейла служит еще одним напоминанием о месте викингов в сложной и взаимосвязанной структуре средневекового мира.

В Тверской области нашли укрепленное поселение эпохи викингов

Источник:

НОВОСТИ

Археологи ИИМК РАН обнаружили под Торопцем (Тверская область) уникальный раннесредневековый комплекс X–XI веков. Укрепленный центр эпохи викингов долгое время был скрыт под трёхметровым валом более позднего городища.

Раскопки на Большом городище показали: в XII–XIII веках здесь велись масштабные фортификационные работы, полностью перекрывшие более ранние слои. Участники экспедиции рассказывают: «Под валом окольного города на глубине 2–3 метра оказался культурный слой мощностью до 1 м. Выделяется несколько жилых горизонтов и как минимум два слоя пожаров. Найдены остатки жилой постройки и хозяйственных сооружений. Интересен фрагмент древнейшей застройки площадки городища, состоявшей из больших домов столбовой конструкции».

Среди находок — стеклянные и каменные бусы, торговый инвентарь, полусферическая костяная фишка для игры в «мельницу»¹, позолоченный перстень, а также скандинавская фибула в стиле Борре. Наряду с престижными предметами, говорящими о присутствии скандинавов, были найдены украшения, характерные для культуры смоленских длинных курганов. Местное происхождение имеет также найденная в большом количестве лепная посуда.

Особенно значимой стала находка последнего часа полевого сезона — фрагмент серебряного позумента, украшавшего одежду знатного жителя Торопца X–XI веков. Почти идентичный образец известен из знаменитого погребения в Бирке (Vj 944), одного из ключевых центров эпохи викингов.

Не менее важна большая коллекция раннегончарной керамики: местами культурный слой буквально состоит из

Позолоченный серебряный перстень X–XI вв. из древнейших напластований Большого Торопецкого городища

Образец раннегончарной керамики, орнаментированной «путаной волной», предположительно X в.

¹ Игра в «мельницу» была популярна как в Средневековой Европе, так и на Руси. Была также известна как «Девять пляшущих мужчин». Изначально эта игра попала в Норвегию из Азии. С IX–X вв. она была распространена в Гокстаде, Старой Ладозе, Новгороде, Пскове, Старой Рязани и других городах.

*Большое Торопецкое городище. Раскоп 1.
Скандинавская миниатюрная дисковидная
фибула in situ в постройке с печью-каменкой*

*Фрагмент позумента,
изготовленного
из серебряной нити*

спрессованных черепков. После работ по реконструкции эти находки можно будет сопоставить с керамикой Гнёздова, Витебска, Усвята, Городка на Ловати.

Археологи отмечают: «То обстоятельство, что ранний культурный слой и ранние укрепления оказались погребены под двух-трехметровой толщей песка, обеспечило уникальную сохранность напластований эпохи викингов. Ни Великая Отечественная война, ни современная хозяйственная деятельность, ни кладоискатели не смогли нанести культурному слою существенных повреждений».

Следующий этап исследований — изучение древнейших укреплений, которые все еще остаются скрыты под валом. Работы продолжатся весной 2026 года. ◆◆

Фото: Усвятская археологическая экспедиция ИИМК РАН

Под растаявшими в Норвегии льдами ученые обнаружили фрагменты единственной известной на данный момент упряжи для вьючной лошади

Источник:

Автор: Dario Radley
Перевод: Дмитрий Даммер

Часть фрагментов археологи нашли более десяти лет назад. Редкая находка была обнаружена в норвежском национальном парке Jotunheimen, где тающие льды продолжают раскрывать перед нами артефакты из далекого прошлого

История с упряжью началась в 2011 году, когда археологи и гляциологи из программы Secrets of the ice заметили в высокогорном пятне льда необычный набор из кусков древесины и кожаных ремней. В дальнейшем они обнаружили следы кожаной сетки, которую привязывали к спине лошади. В таких сетках, как правило, перевозили грузы по горным перевалам Норвегии. Радиоуглеродный анализ подтвердил, что возраст находки составляет примерно 1000 лет, и она явно относится к эпохе викингов. Эксперты охарактеризовали ее как единственный известный нам образец подобного предмета того времени.

С началом сезона полевых исследований та же группа исследователей вернулась к месту раскопок, где обнаружила другие фрагменты сети.

На своей странице в Facebook группа объяснила, что ранее приступить к работе им помешал сильный снегопад: «Последний раз мы работали здесь в 2012 году, но сильный снег свел наши открытия к минимуму. В этом году мы надеемся на более многочисленные находки». Терпение исследователей было вознаграждено, когда они нашли зажатые между скал подтаявшего края ледника новые элементы сетки. На фотографиях видны потертые, но целые кожаные петли и узлы.

Археолог Ларс Пилё из Secrets of the ice отметил, что новые фрагменты, скорее всего, относятся к той же сетке.

Такие артефакты, как эта сеть, считаются очень редкими, поскольку они изготовлены из органических материалов вроде дерева или кожи, которые на открытом воздухе

быстро разрушаются. Лед в этом смысле становится естественной капсулой времени. Благодаря минимальному уровню кислорода и низким температурам предметы из органических материалов сохраняются веками, пока ледники не начинают таять и вновь не выставляют эти вещи на всеобщее обозрение.

Вьючные лошади играли огромную роль в перевозке грузов в эпоху викингов через часто непроходимые горные хребты. Подобными сетями продолжали пользоваться в Норвегии до недавнего времени, что подтверждает гипотезу археологов о предназначении этого предмета.

Эта находка пополнит растущую коллекцию предметов, обнаруженных участниками программы Secrets of the ice в тающих ледниках Норвегии. Помимо охотничьего снаряжения вроде луков, стрел и копий, ученые нашли предметы домашнего обихода, в том числе обувь возрастом 3400 лет, варежки, накидки и даже деревянный венчик для взбивания. Все эти вещи помогают нам лучше понять, как люди путешествовали и выживали в высокогорье.

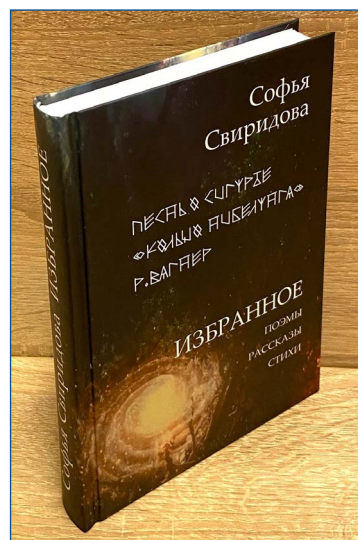
Исследования в национальном парке Jotunheimen продолжаются и археологи ожидают, что под льдом скрыто еще немало сокровищ.

В издательстве им. Сабашниковых вышла книга избранных авторских произведений Софьи Александровны Свиридовой «Избранное: поэмы, рассказы, стихи»

НОВОСТИ

*«Реяли с криком орлы по поднёбесью,
Звезды дрожали, на тверди зажженные;
В море вздымались шумящие воды,
Грозно гремел над бурунами гром:
Витязь великий на свет народился —
Сигурд могучий, Сигмунда сын...»*

Так начинается своя «Песнь о Сигурде» Софья Свиридова (1882 — ок. 1928) — поэт, прозаик, переводчик, филолог и музыкальный критик, яркая и трагическая фигура в истории русской культуры первой трети XX века.

Наследие Свиридовой включает более десяти книг, несколько десятков переводов, очерки, статьи и рецензии, а также стихотворения и рассказы собственного сочинения. В новое издание «Избранное: поэмы, рассказы, стихи» вошли произведения разных жанров, представляющие широту интересов и многообразие талантов автора, среди которых:

- поэма «Песнь о Сигурде» (1912), получившая академическую Пушкинскую премию 1915 года;
- очерк «Трилогия «Кольцо Нибелунга» Рихарда Вагнера» (1907), важно отметить, что Свиридова выполнила и блестящий перевод либретто тетралогии Вагнера;
- переводы нескольких баллад Феликса Дана (1834–1912) — немецкого историка, юриста и литератора (несколько стихотворений готовились к изданию в издательстве «Academia», были отредактированы Николаем Гумилевым, но никогда не были опубликованы, хотя и сохранились в архиве);
- рассказы и стихотворения собственного сочинения;
- письма и библиография.

Книгу можно
заказать здесь:

Вышла книга «Колесо Здоровья»

Алексей Глазачев, редактор журнала «Северный Ветер» и преподаватель школы Северной Традиции «Нордхейм», представил свою новую книгу «Колесо Здоровья».

Слово автору:

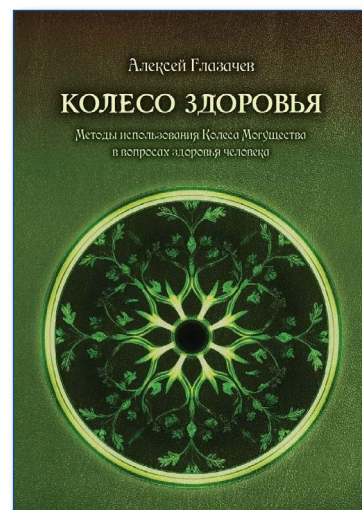
Друзья, рад сообщить, что «Колесо Здоровья» выкатилось из печати. Как бы пафосно это ни звучало, на этот раз у меня получилась не просто книга, а новый способ диалога с собственным телом.

Задолго до появления современной аппаратной диагностики люди распознавали свои и чужие недуги через пульс на запястье, прощупывание живота, через знаки и символы — будь то пар бани, нити разбитого яйца или язык пламени, пожирающего волосы. Эту нить преемственности продолжили мантические системы, ставшие мощным инструментом для целостного взгляда на здоровье.

Я ни в коем случае не призываю отказываться от достижений медицины, а лишь предлагаю ключ к получению глубинного, стороннего мнения, к которому порой так важно прислушаться — особенно когда мнения врачей, их диагнозы и предлагаемые схемы лечения радикально расходятся. Эта книга поможет собрать пазл из разных симптомов, диагнозов и предчувствий в единую картину.

Метод основан на системе Колеса Могущества Антона Платова, которую продолжаем развивать мы, его соратники и ученики.

*С уважением,
Алексей Глазачев*

Важное примечание: Книга предлагает философско-прикладной взгляд на здоровье, а не медицинскую диагностику. Автор не несёт ответственности за принятые вами решения в области лечения, принятые на основе содержания книги. Не является медицинской услугой.

Где приобрести:

Книга доступна на «ЛитРес», «Wildberries», а также непосредственно в школе «Нордхейм».

По вопросам приобретения через «Нордхейм»

обращайтесь к администратору школы **Александру Аринушкину:**

- **Email:** aar.65@yandex.ru
- **Телефон/мессенджеры:** +7 (903) 790-57-24
- **ВКонтакте:** https://vk.com/snorri_nordheim

Интервью: hekkil

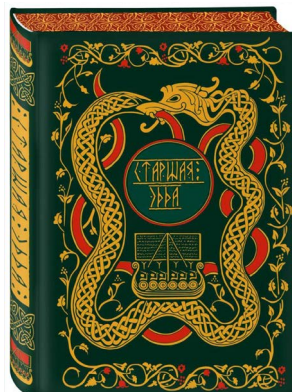
Беседовала
Анастасия ЗИМОВА

Друзья, сегодня к нам на посиделки за йольским столом заглянула иллюстратор коллекционного издания Старшей Эдды и невероятно талантливая художница, работающая под псевдонимом hekkil.

§ Привет! Большое спасибо, что согласились на интервью с нами. Первый вопрос: как начался ваш путь в художественном творчестве?

Здравствуй! Спасибо большое, что позвали! Не буду оригинальной, если скажу, что рисую с детства. Наверное, всерьез все началось чуть ли не со школы — прекрасные и вдохновляющие педагоги в студии недалеко от дома, участие во всевозможных конкурсах, олимпиадах и выставках. Мысль о том, что с этим можно связать свою жизнь, наверное, поселилась именно тогда. Собственно, так и вышло, потому что высшее образование у меня по итогу — художник книги, так прям в корочках написано. К книгам же любовь во мне взрастили мама и бабушка. Одна привезла огромную библиотеку с собой через весь Союз в город, где в будущем родилась и я, а вторая с детства окружила замечательными иллюстрированными книгами, которые и покупались, и брались в библиотеке. Книгам в нашем доме отведено очень много места, так что тут было без шансов (улыбается)

§ Как и когда впервые у вас появился интерес к скандинавским мифам?

В детстве! Как я уже рассказала ранее, мама активно покупала и заказывала книги. В девяностые она собрала почти всю серию книг «Зачарованный мир», богато изданную и наполненную как классическими образцами живописи, так и работами более современных западных иллюстраторов. Книги серии представляли собой сборники пересказов легенд и фольклора народов мира по различным тематикам, будь то мифы о драконах, любви, сотворении мира и так далее, и, конечно же, Скандинавии там было уделено очень много внимания.

§ Расскажите, пожалуйста, всё, что можно, про готовящееся издание «Старшей Эдды» с вашими

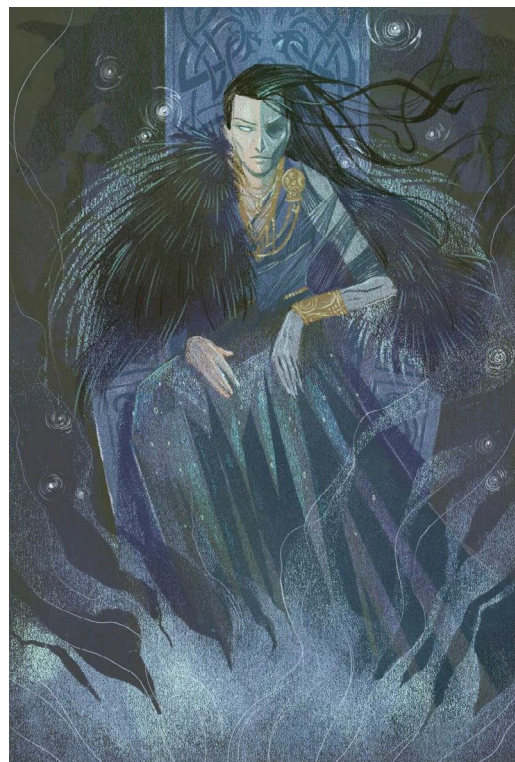

иллюстрациями. Как появилась эта идея, вы сами предложили издательству проиллюстрировать этот памятник литературы, или редакторы сами каким-то образом вышли на вас?

Издательство «Бомбора» в лице многоуважаемого редактора книги Ульяны вышло на меня само. Я уже долгое время существую в интернете как иллюстратор-фрилансер, стараюсь вести свои соцсети, собирать портфолио. Редакции очень понравилась одна из ранее проиллюстрированных мною книг, мрачная сказка для взрослых «Чудовище» Марии Покусаевой, поэтому они и выбрали мою кандидатуру для этого издания. Для меня это было невероятно заманчивое предложение, несмотря на все возможные трудности я, конечно же, согласилась. Для меня это был проект мечты — сделать иллюстрации к тексту настолько известному и знаковому. Это казалось и привлекательным, и страшным одновременно. Я даже упустила из виду тот факт, что издание будет не простым, а подарочным, с роскошным переплетом и качественной печатью. Поняла это, уже когда доделала последние иллюстрации и наткнулась на карточку книги в сети.

С *Если можно, раскройте какой-нибудь секрет работы над иллюстрациями. Может быть, вы как-то специально выбираете цветовую гамму или стилистику? Будут ли все иллюстрации в издании объединены какой-то общей концепцией, или же они будут максимально разноплановыми? Будут ли в них спрятаны какие-то «пасхалки»?*

Прежде всего стиль иллюстраций определили сроки. У нас было очень ограниченное время на работу, поэтому я выбрала цифровую иллюстрацию взамен традиционным техникам, в которых также работаю. Я всегда стараюсь придерживаться единой задумки и концепции в книге, именно поэтому работала над всеми сорока картинками единолично. Для меня очень важно, чтобы книга являла собой единое гармоничное пространство, макет с рамками и декоративными элементами уже был сделан дизайнером «Бомборы» и очень мне понравился, поэтому моей задачей было поддержать этот визуальный ряд. Все картинки получились в сложных, неярких цветах, силуэты стилизованы и по моей задумке, и немного напоминают

в некоторых сценах скульптурные изваяния. Определенная угловатость фигур и условность образов тоже присутствует — мне хотелось подчеркнуть масштаб, нечеловеческое происхождение персонажей и при этом не перегрузить все совсем уж фантастическими элементами. Дополняют визуальный ряд орнаменты, превращающиеся то в волосы прекрасных героинь, то в пену морскую, то в трещины на камнях. Не обошлось и без неожиданностей даже для меня. В иллюстрациях трижды появляется Локи, и трижды он неуловимо меняет что-то во внешности даже вопреки моим планам. Кто-то посчитает это случайностью, кто-то — особым знаком, но наш всеми любимый трикстер сменил цвет волос на одной из картинок уже после того, как я проверила и отправила на утверждение все иллюстрации. Слой с нужным цветом просто выключился и пропал. Так что хотим мы этого или нет, на одной из картинок он все же будет похож на свою современную голливудскую версию из киновселенной Марвел.

С *Есть ли среди всех сюжетов или героев Эдды какой-то особенно важный для вас? Если есть, то почему именно он?*

Помимо вышеупомянутого Локи (не будем далеко отходить от него), очень нравится образ Хель. Не только внешняя мрачная составляющая,

но и какая-то абсолютно человеческая и земная его сторона: странная, пугающая девочка-изгой, которая все же обрела свое призвание и, скажем так, вполне себе неплохо устроилась. Даже самому странному из нас найдется дело по плечу и по вкусу, так мне это виделось в детстве. Из того, чем я прониклась уже больше во время работы над книгой, — гибель Гуннара в яме со змеями из «Саги о Вельсунгах». Иллюстрация вышла очень символичной и трудоемкой, каждую змею в этом огромном клубке я решила свернуть в орнамент, совместить их в одну сплошную темную массу, обволакивающую светлый, искаженный силуэт Гуннара, играющего на арфе в последний раз.

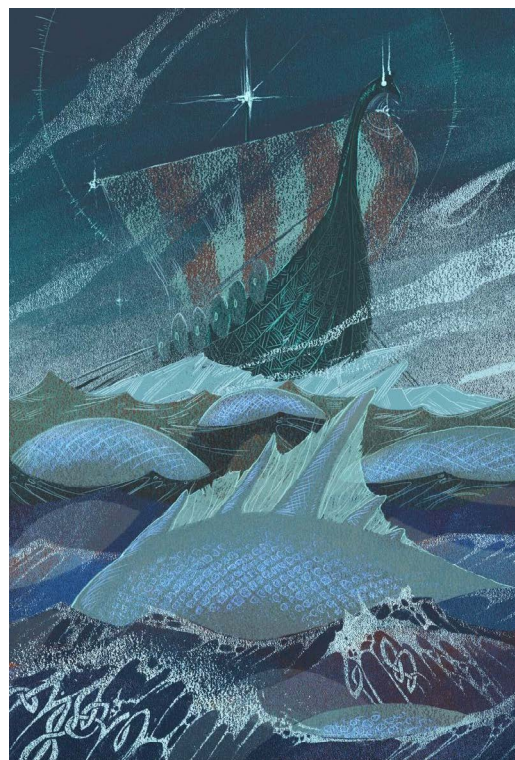
С Относите ли вы своё мировоззрение к языческому? Присутствуют ли каким-нибудь образом языческие практики в вашей повседневной жизни? Например, вы гадаете на рунах или проводите какие-то обряды на праздники Колеса Года?

Я интересуюсь мифологией скорее в исследовательских целях. Мне очень нравится читать фольклор разных народов, находить пересечения, очевидные или предполагаемые, выделять какие-то уникальные черты, характерные для того или иного края земли. Ритуалы в моей жизни скорее носят бытовой характер: выбрать откликающееся

украшение на день, прочитать случайную строчку в случайной книге, в надежде найти ответ на вопрос. У меня много знакомых, увлеченных рунами или, к примеру, Таро, но я остерегаюсь гаданий и всяческих заглядываний в будущее. Пускай лучше оно будет от меня скрыто, даже если это не серьезный обряд, а шуточное предсказание. Праздники Колеса Года меня привлекают скорее своей визуальной составляющей, складывающимися новыми традициями, сплоченностью людей вокруг этих идей и образов. Сама я не праздную, но если вдруг кто зовет, не отказываюсь принять участие. Почему бы и нет, если это возможность провести время в кругу друзей или просто интересных людей.

С Какую нишу может занять художник, интересующийся мифологией и историей Эпохи викингов и желающий использовать и развивать эти темы в своём творчестве? Есть ли у вас какие-то советы начинающим?

Сейчас велик интерес к современному фэнтези, основанному на скандинавской тематике. Скандинавия, Русь, другие, менее крупные регионы, — все это представляет огромный интерес для современного читателя, несмотря на то, что тенденция держится уже довольно долгое время. Помимо художественной литературы выходит

большое количество нонфикшена, посвященного не только мифологии, но и быту, культуре, кулинарии северных народов. Все это нуждается в красивых и качественных иллюстрациях, в достойном оформлении. Поэтому стоит не ограничиваться только мифологической составляющей в своих работах, но и обращать внимание на материальную культуру, исторических личностей, реальные события.

§ *Не можем не спросить вас как творческого человека про нейросети и то, как люди ими пользуются для создания картинок и постов в соцсетях, для изготовления мерча и так далее. Как вы относитесь к этой тенденции? Не боитесь ли за свою профессию? Как вы считаете, останется ли настоящий художник востребованным в будущем?*

Вы знали, кому задавать этот вопрос, определенно (*улыбается*). Я с большой тревогой наблюдаю за растущей популярностью нейросетей в нашей художественной сфере и не только. Сразу оговорюсь, я имею в виду только нейросети, генерирующие медиа-контент: изображения, видео, тексты. Специфичные ai-агенты для анализа данных и т.д. оставим в стороне. Речь идет именно о творческих профессиях. Многие могут назвать меня луддитом XXI-го века, мол, не стоит этого бояться, человечество такое уже проходило, и всем стало только лучше. Посмею не согласиться с подобным, ведь еще никогда мы не сталкивались с тем, что технология замещает не физический и умственный труд, а творческий процесс. Что же останется человеку, если его лишит радости соприкосновения с процессом созидания с нуля? Процесс работы с нейросетью не равен возможности реализации своего замысла из головы, человек лишь ознакомливается с результатами, созданными на основе придуманного им промпта, и решает, насколько это подходит под его задумку. Надеюсь, я поясню достаточно понятно. Можно бесконечно рассуждать на тему «полезно ли использование сгенерированных изображений, к примеру, для бизнеса», но я уже за собой замечаю, что отдергиваю в магазине руку от товаров с сгенерированными изображениями на этикетках, различаю узнаваемый почерк той или иной «сетки» и негодующе фыркаю, когда вижу

ИИ-обложку книги, которую мог бы нарисовать кто-то из моих коллег-иллюстраторов.

§ *И традиционный вопрос, которым мы всегда завершаем наши интервью: что бы вы пожелали читателям «Северного Ветра», особенно учитывая, что наш номер выходит в канун завершения года?*

Стабильности и надежды на лучшее. Это уже традиционно мое пожелание всем, наверное, уже лет пять точно. Стабильность — это вовсе не скучно. Стабильное, хорошее здоровье, стабильный прогресс, стабильное исполнение желаний — согласитесь, звучит очень даже привлекательно? А надежда на лучшее — как дополнение, щепотка чуда, то, что может разбавить хорошую, но одинаковую рутину. Ну и маленький символ того, что за долгой зимой всегда приходит весна и колесо не стоит на месте!

*Спасибо огромное за интервью!
Мы с большим интересом продолжим следить за вашим творческим и желаем благополучия и благосостояния вам и вашему дому.*

Страничка художницы:

Интервью с читателями «Северного ветра»

Беседовала
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Друзья, как же мы рады, что на наше приглашение к Йольским посиделкам у символического костра откликнулось столько интересных собеседников. Давайте знакомиться!

© фото: pxhere.com

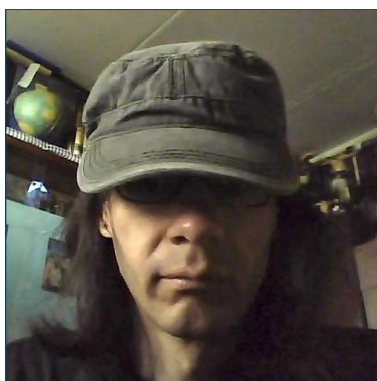
Хельги Змеиный Язык,
Москва

Расскажите несколько слов о себе. Сколько лет вы уже в Традиции, с чего начинался ваш Путь?

Вряд ли можно сказать, что я — в традиции. У меня не было учителя в индоевропейском языке, я не был никем инициирован. Так что, перефразируя известный афоризм эллинов, моя традиция начинается с меня самого.

А мой путь — с Пушкинского музея (в Москве так называют ГМИИ им. Пушкина) изобразительных искусств. В дошкольном возрасте, в 70-х гг. прошлого века, я занимался в детской изостудии. Античные залы, белые слепоглазые статуи богов и героев, Гомер в пересказе нашей незабвенной наставницы Нины Николаевны Кофман — всё это произвело сильнейшее впечатление. Потом я прочитал Гомера самостоятельно. А былина про Вольгу в книжке с классическими иллюстрациями Ивана Билибина перепахла меня, пятилетнего, насквозь.

В 1979 году в «России», главном кинотеатре Советского Союза, неожиданно показали

«Викингов» с Кирком Дугласом. Фильм вышел в мировой прокат на двадцать один год раньше, но в СССР случалось и не такое. Гобелен из Байё, текст в прологе про «мечтавших умереть с мечом в руке» и огненное погребение в море в финале — всё это, на огромном экране, привиделось мне невероятным. Тогда. Пересматривать сейчас не хочу, ибо эффект заранее предсказуем. Фильм был сине-серым, с проблесками стали и золота, северный. Удивительно, но я каким-то образом уловил связь этого северного мира с мраморно-бронзовым, солнечно-южным Гомером.

Всерьёз же на скандинавскую тему меня подсадила друг моей юности, В.И. Новодворская, на десяток лет позже. Она была рьяной норманно-филкой, хотя и христианкой меневской фракции РПЦ. О Северном мужестве, Рагнарёке и свобо-

де Норманнской Руси она вещала так, что не влюбиться во всё это было невозможно — особенно тому, кто уже и так был готов и имел неплохую прокачку на греко-римском материале. При этом я считал себя атеистом.

Лишь в двадцать лет я понял, что это не так: мифы для меня не интересная выдумка (как я объяснял их себе раньше), а подлинная

реальность, боги действительно существуют, и только потому существует мир, а я, по сути, — натуральный язычник. Не знаю, как оценить этот момент. С одной стороны, это один из всего трёх серьёзных мировоззренческих поворотов в моей жизни (причем остальные два случились раньше). С другой — я просто перестал себя обманывать и принял то, что давно знал.

Факторами, разбившими мою матрицу «научного материалиста», стали книги К. Кастанеды, «Диалектика мифа» Лосева и сибирский панк. Позже — силовая поддержка Инклингов¹ и Вагнера, великих европейских мифотворцев.

Значит, если считать с того момента, — получается, уже четвёртое десятилетие.

§ Есть ли у вас имя в Традиции, и если да, как оно стало вашим?

Да. Однажды мне понадобился псевдоним (что называется, «партийная кличка» для «экстремальной» политики). Составился он сразу, без умственных усилий, из трех компонентов:

Имя Убийцы Хундинга, глубоко мною почитаемого.

Прозвание Гуннлауга я позаимствовал потому, что оно было в точности про меня тогдашнего, и потому, что змея — мой тотем. Это я знал еще до Гомера: сколько себя помню, змея была одним из самых корневых впечатлений моей жизни, сопровождавших меня с раннего младенчества.

Третье — в честь всех Ольг в моей жизни, на которых мне везет (как утопленнику).

«Эльга, Эльга!» — звучало над полями,
Где ломали друг другу крестцы
С голубыми, свирепыми глазами
И жилистыми руками молодцы.

«Ольга, Ольга!» — вопили древляне... — ну, я отменно их понимаю.

И за дальними морями чужими
Не уставала звенеть,
То же звонкое вызванивая имя,

Варяжская сталь в византийскую медь. — вот, Николай Степанович тоже был о некоторых вещах отменно осведомлен.

Все забыл я, что помнил ране,
Христианские имена,
И твое лишь имя, Ольга, для моей гортани
Слаще самого старого вина.

Год за годом все неизбежней
Запевают в крови века,
Опьянен я тяжестью прежней
Скандинавского костяка.

Древних ратей воин отсталый,
К этой жизни затая вражду,
Сумасшедших сводов Валгаллы,
Славных битв и пиров я жду. — всё-таки накли-
кал, дождался, да совсем вскорости после написа-
ния (ноябрь 1920-го).

Вижу череп с брагой хмельною,
Бычи розовые хребты,
И валькирией надо мною,
Ольга, Ольга, кружишь ты.
Николай Гумилев. «Ольга»

§ Что для вас руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используете ли вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических (мантических) целях или изучаете исключительно с академической точки зрения?

Всё это вместе. Согласитесь, предложенные вами варианты не исключают один другого и третьего. Использую руны по минимуму, ибо отношусь к ним очень серьезно и не считаю себя настолько компетентным, чтобы руками хвататься за этот высоковольтный кабель. Поэтому в основном изучаю их с академической точки зрения. Но всё же не только с нее, надо же все-таки знать, что изучаешь.

§ Что для вас Традиция? Считаете ли вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в первоизданном виде, или к нововведениям следует относиться

¹ Инклинги — литературное объединение, существовавшее в Оксфорде в 1930–1950-е годы; в него входили Дж.Р.Р. Толкин, К.С. Льюис и их соратники по перу. Участники посвящали встречи обсуждению мифологии, философии и литературных проектов, многие из которых впоследствии легли в основу их известных произведений.

философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?

В первозданном виде она никогда не существовала: эпоха викингов, многими полагаемая образцом той Традиции, на самом деле была временем её распада. О стадиях более ранних мы обладаем сведениями слишком отрывочными, но, конечно же, и там всё менялось. Всего 11 тысяч лет назад не было Северного моря, а часть предков будущих скандинавов жила на его дне, вы в курсе? Нововведения как раз не специфика современного мира.

Но, разумеется, в мире компьютерного интеллекта и межпланетных миссий попытка буквально воспроизводить ритуальные комплексы, в основном ещё доземледельческого происхождения, — ведёт либо в сумасшедший дом, либо к кровавой уголовщине, от которой вас самих стошнит ещё на стадии планирования.

Зато у нас полно того, о чём древние не подозревали, но что им бы наверняка понравилось; того, что поняли бы и оценили водители драккаров, первооткрыватели океанских «гипертрасс» Гренландии и Винланда.

*«Но, границы и сферы собой круша,
горят в облаках тела.
Опознай звезду над ручкой ковша,
загадай на её дела.
Не ищи замены ледяным островам,
дыханье побереги.
Север теперь находится там,
где Армстронг считал шаги».*

Елена Михайлик

Однако у всего вышесказанного есть и обратная сторона. Вы можете адаптировать к вашим потребностям (в т. ч. продиктованным особенностями вашей эпохи) только то, что знаете. Поэтому, прежде чем относиться философски к нововведениям, выясните, во что именно вы вносите новое. Иначе говоря, безусловная обязанность практикующего язычника наших дней — знать всё, что он может вместить, о язычестве традиционном.

Поэтому изучение профильных культур древности ему — категорический императив, важнейший и несравнимый ни с чем приоритет. Как и популяризация результатов такого изучения.

И может тогда оказаться: что-то менять вовсе не надо.

Так как быть? Да ясно как. Ищите неубиваемое ядро, вечный смысл — в реальности прошлого, которую вы изучаете, и в собственной жизни. Это и будет Традиция с большой буквы, и только она и достойна вечного сохранения.

Ну и третье. Есть то, что заведомо никакой правке не подлежит. Помните, что язычество во все времена — дорогое удовольствие. Что люди прошлых эпох очень дорого оплачивали свои ритуалы и духовные практики. Что, по их мнению, человеком, а не двуногим недоразумением является только «приносящий жертву». Речь в нашем случае не о деньгозатратах (они — один из вариантов, но в ряду иных возможностей). Скотину вам резать нет надобности (хотя некоторые пробуют; только, ребята, вы ведь не скотоводы, зачем ерунду творите?), но вложиться придётся всерьез. Обеспечив той скотины равноценный эквивалент. Если хотите результата. И не потому что боги жадны и меркантильны, это не так. Но им ресурс нужен, он в жесточайшем дефиците, и тратить его на халявщиков и паразитов, которые, видите ли, к ним «воззвали», они не могут. Ресурс нужен — для нашего общего с ними дела миростроительства. Участвуйте. Вот это — безусловно, не отменяемо.

§ Почитаете ли какого-либо бога более остальных?

Да. За светлую Госпожу Павших я пасть порву (улыбается). Хотя ясно, что не она нуждается в моём покровительстве, а как раз наоборот (улыбается). Про неё я знал задолго до того, как впервые услышал о мифологии норманнов. Всё то же, что со змеями и Ольгами: первообразы.

§ Отмечаете ли праздники Колеса Года (и если да, то как)? Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для вас?

Да. Когда-то был опыт групповых ритуалов (до десятков участников; 90-е гг.). Результатом сам не был доволен, но, смею заметить, получалось гораздо лучше, чем, например, разработки уважаемого мною Э. Торссона по Троту. Честно говоря, даже сравнить нельзя, настолько у нас было интереснее и, между прочим, веселее. Ныне только индивидуально, камерно. Домашний небольшой

алтарь (на кухне, т. е. «у очага») + культурная программа, + интеллектуальный труд в резонансе.

Но праздники Колеса Года отмечаю обязательно, без них никуда. Они оплетают и формируют, пересобирают заново жизнь. Да, вероятно, я и жив до сих пор только благодаря тому, что — отмечаю. Руны, см. п. 3, всего лишь один из путей (хотя и огромной силы), но язычник, игнорирующий Колесо, — это, ну не знаю, как христианин без исповеди и причастия (пребывает вне обеспечиваемого церковью процесса коммуникации с их богом).

Особенно значимые праздники для меня менялись со временем. Это медленные тектонические подвижки в самой структуре личности.

С *Какие перспективы развития, на ваш взгляд, существуют в наших странах у язычества вообще и асатру в частности?*

Ответом на вопрос о существовании перспектив будут короткие: Да, Нет и Если.

Да. Человечество вступило в очередную эпоху перемен. Это открытый горизонт для всех «желающих странного». Конкуренция, правда, выйдет изрядная. Это сейчас пока еще мейнстримовая тишина, а скоро такая толкотня локтями начнется на том горизонте!

Нет. У неоязычества как игровой, досуговой субкультуры — перспектив никаких. Ну или как считать — «замечательные». Как у них всех. Где-то между анимэшниками и байкерами места хватит, можно получать удовольствие поколениями (они то получают). Но ни у одной из них нет перспектив прорыва из гетто. Каждый такой «маня-мирок» уверен, что он расположен где-то в ближних окрестностях пупа земли, и еще немного — и все это оценят, но это не так, за пределами маня-мирка он никому не интересен (там свои маня-мирки, и несть им числа).

А теперь «Если». Если найдутся язычники, которых их религия, их частное дело, сподвигнет на достижения в большом мире, значимые для всех, — в культуре, в бизнесе, в политике, в социальных и вполне материальных технологиях, если они станут задавать внешнему миру стандарты — тогда их версия мироописания станет вдруг очень убедительной. Для очень многих. Хотите — пробуйте. Пути открыты, время — благоприятствует. Спрос на что-то новое или хорошо забытое старое,

но работающее — скоро будет огромный. «Работающее» тут — ключевое слово. Потому что системы модерна и постмодерна обветшали и вот-вот посыплются, погребая под собой. Покажите ваше язычество в работе. Создайте второй SpaseX с языческой подоплёкой или новую «Шинн Фейн»² для вашего народа. Научное или художественное исследование самого язычества или же его популяризация, если кого-то занимает именно это, — тоже годно, когда выполнено на профессиональном уровне; а если вы сотворите равное братьям Гримм или Фрезеровой «Золотой ветви»³, то это будет стоить любого СпейсЭкса.

Что касается именно асатру и в наших странах, ответ: безусловно, да. Где же еще, как не здесь? Для восточно-славянского региона норманнское наследие — родное, он был когда-то неотъемлемой частью этой цивилизации и отторгнут от ее наследия лишь прямым насилием врагов. В потенциале асатру мы уступаем только самой Скандинавии. Восточнославянское пространство в обозримой исторической перспективе будет переформатировано до неузнаваемости: нигде, наверное, перемены глобальные не явят себя столь наглядно и страшно, как здесь. В этих обстоятельствах обращение к собственному корню — одно из естественно возможных решений.

Вот только дистанция дотуда для нынешних скандинавопаганских персоналий и групп может оказаться колоссальной и непроходимой, и то лишь при условии, что они вообще распознают направление, что вовсе не факт. А может — напротив — оказаться внезапно короткой, буквально на два такта, в зависимости от того, что это за группы и персоналии и попадут ли они в резонанс с мировым ритмом.

Ну, известно, на всё — Судьба. Потому удачи журналу.

2 *Sinn Féin — ирландская политическая партия, возникшая в начале XX века как часть республиканского движения; исторически связана с борьбой за независимость Ирландии, в настоящее время действует как легальная парламентская партия (прим. редакции).*

3 *«Золотая ветвь» — фундаментальное исследование мифологии и древних верований, созданное британским антропологом Джеймсом Джорджем Фрезером (опубликовано в 1890–1915 гг.) (прим. редакции).*

Екатерина Сергеевна (Хейти),

59 лет

Расскажите несколько слов о себе. Сколько лет вы уже в Традиции, с чего начинался ваш Путь? Есть ли у вас имя в Традиции, и, если да, как оно стало вашим?

На моем пути есть несколько отсечек, потому что принадлежность моя определена заведомо, вопрос только в степени осознания этой принадлежности мною на протяжении жизни. Опущу момент, когда дедушка мой (немецкий) выносил новорожденных детей на рассвете на горушку, опущу и мою странноватую неуязвимость в отчаянных детских драках. Тогда я ещё была недостаточно осознанной.

Пожалуй, поставлю отсечку начала на момент 1983, когда я «нечаянно» дала обет служения. На тот момент я была в состоянии вдохновения, ощущала присутствие Высокого, но... не знала совершенно, Кто за этим стоит.

Всё началось с творческой игры. Сочиняли мы с подружкой сказку. Сейчас её определили бы в фэнтези, но сами мы её назвали «ненаучно-фантастическим романом». Были персонажи с яркими характерами, каждый из которых получил от нас значок на форму. Которые совпали с некоторыми Рунами Старшего Футарка по смыслу и начертанию. Только тогда я о том не знала ничего от слова совсем. Говоря светским языком, вытолкнуло из бессознательного на вдохновении. В том же творческом процессе я дала обет верности, и именно после этого пошли стихи совсем другие, отличные от детско-подростковой рифмованной писанины.

Даже имя почти совпало, потеряв только одну фонему. Обет был дан Тому, чьё присутствие я чувствовала, не обладая рациональными знаниями. С некоторыми странными вещами столкнулись мы тогда, и подруга испугалась, бросила сказку, а я пришла в восторг. Воспитана я была в рамках неагрессивного научного атеизма, и мои воспитатели (физики) сделали очень хорошую прививку от мракобесия любого разлива. С другой стороны, именно это воспитание дало мне открытость к принятию нового и необычного. И много позже, больше тридцати лет спустя, я смогла не только признать свою «принадлежность», но и понять то, что произошло в 1983. Вторая отсечка — ориентировочно 2007. Когда я после некоторых событий уже осознанно начала знакомиться с историко-литературной частью Традиции.

Когда знать хотелось, как есть в голодный год, я запуталась и в отчаянии обратилась к миру с просьбой о наставнике. Это был вправду крик отчаяния в момент обрушения привычной картины мира: «совпадений» мистического характера накопилось столько, что отрицание наличия закономерности стало попахивать идиотизмом. На следующий день в книжном магазине я выбирала что-то из канцелярии, и мне с полки на голову упала книга. Не эзотерическая, нет. Такую бы я с негодованием отмела. Научно-популярная с упоминанием магической стороны Рун. И их изображением — с эффектом моего узнавания. И с пониманием того, как же я ступила, наставник-то уже есть. И именно Емю я «дала присягу» в 1983, потеряв только одну фонему в имени.

Вот с этой точки я могу говорить об осознанной принадлежности, которая позволила мне в том числе и проанализировать предыдущие события. И понять, что моя «принадлежность» представляет собой просто понимание того, из какой ёлки меня сбуратинили.

Только с этого момента я стала читать историческое и иными глазами взглянула на литературное. С Юнгом я заведомо была знакома, психологическая сторона происходящего тоже осознавалась.

И именно в это время я получила имя, которым подписываю свои работы.

Имя пришло «само». Когда я банально регистрировалась на Стихире, я просто поняла, что я — Хейти.

Что для вас руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используете ли вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических (мантических) целях или изучаете исключительно с академической точки зрения?

Руны для меня — единая система представлений. Система смыслов. Способ восприятия, основа мировоззрения. Каркас «языка матери». Инструментом назвать их считаю принципиально неправильным. Даже если бы я ничего не знала о самих знаках, думала я все равно всегда в рамках этой системы. А ещё Руны для меня — тайны, чьё постижение для человека возможно только в бесконечном приближении. И это исследование самоценно, оно вдохновляет и увлекает — вне зависимости от наличия на данный момент практических целей.

Да, магия. Есть такое дело. Но я не «использую» Руны. Я обращаюсь к ним. Так же, как к русскому языку, когда пишу. Никто ведь не «использует» правила языка, когда пишет: они просто есть, и есть твоя степень владения ими. И есть степень твоей вовлеченности в их творение. А есть еще закономерности, по которым язык изменяется. Так вот, по смыслу Руны ближе всего к соотношению этих закономерностей.

§ *Что для вас Традиция? Считаете ли вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в первоизданном виде, или к нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?*

Философски. Традиция есть непосредственная передача наследия со всей ее изменчивостью. Считаю важным сохранение культурных кодов и связи с корнями, именно они определяют допустимый уровень и допустимые виды изменчивости. Форма этой передачи порою больше говорит о сохранности традиции, нежели о ее содержании, ибо она определена «языком матери». Но для вовлеченности, безусловно, важно обращение к источникам, историческим и литературным. И наличие критичности.

§ *Почитаете ли какого-либо бога более остальных?*

Почитаю того бога, чье влияние на данный момент чувствую или просто понимаю, но влияние Одина я чувствую и понимаю всегда. Получается, что «больше всего» почитаю Одина.

§ *Отмечаете ли праздники Колеса Года (и если да, то как)? Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для вас?*

«Внутри» себя отмечаю и периоды, и праздники Колеса Года всегда. Ритуально и в обществе — ситуативно, в эти дни мне более хочется тишины и слушания, нежели формального празднования. Не потому, что бабушка, так было всегда. И живу я на земле, лес рядом. И море, и исток реки. И Роща, которая выросла на месте отчаянных боев середины прошлого века.

§ *Какие перспективы развития, на ваш взгляд, существуют в наших странах у язычества вообще и асатру в частности?*

Перспективы развития общин напрямую связаны с состоянием общества в целом. Радужных

надежд не испытываю, поскольку болезнь всего общества будет отражена в любой из его структур. И имя болезни — всеобщая злокачественная профанация.

§ *Немного отсебятины, тезисно.*

Правильные имена приходят сами.

Знания — не каша, которой кормят с ложечки: должно собрать зерно в дорожной пыли, почистить от мусора и мышиного помета и самостоятельно сварить кашу.

Мы никогда не знаем, какую форму примет дарованное нам оружие, но понять, что даровано именно оружие, жизненно необходимо.

И вместо фотографии:

*За спиной — волшебный остров,
впереди — разбег дорог.
По открытым перекрёсткам,
через Север на Восток ...
Не всегда бываешь узан,
не «для всех» твоё «добро».
Но, покуда буду юзать лист
обгрызанным пером
(Образ, жалко, старомодный —
но не лезет «клава» в рот), —
Значит, Вещему угодно. Сколь угодно —
столь нальёт
В кружку черепа пустого крови Квасира
хмельной.
Может быть, подскажет Слово Он,
Стоящий За Спиной?
Как вести вперёд героев,
чем чеканить сказки жесьть?
...
Так подскажет он порою,
что потом три дня не сесть.
Или в собственную лажу моськой
ткнёшься от души...
А потом опять прикажет,
словно выстрелит: «Пиши!»
Только снова — в россыпь строки,
как перловая крупа...
...
Полконя Тебе, Высокий! И, конечно, полкомпа!*

Наталья (Эйдис),
г. Киров-Челны

Расскажите несколько слов о себе. Сколько лет вы уже в Традиции, с чего начинался ваш Путь?

Мой Путь начался с момента знакомства с Лавегой (Екатериной Чесноковой), и, собственно, обучение у неё послужило отправной точкой. В целом знакома с рунами с 2019 года.

Есть ли у вас имя в Традиции, и, если да, как оно стало вашим?

Получила имя Эйдис, выбор был осознанным. Прошла обряд имянаречения.

Что для вас руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используете ли вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических (мантических) целях или изучаете исключительно с академической точки зрения?

Изучала руны с разных точек зрения, использую в гадании, ритуалах, создании амулетов.

Что для вас Традиция? Считаете ли вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в первоизданном виде, или к нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?

Считаю, что при любом раскладе важно знать историю: изучать первоисточники и понимать, что и как работает как внутри Традиции, так и за её пределами.

Почитаете ли какого-либо бога более остальных?

Являюсь жрицей Норны Верданди, с почтением отношусь ко всем богам, присматриваясь к Фрейе и к Хель.

Отмечаете ли праздники Колеса Года (и если да, то как)? Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для вас?

Я скорее отдаю дань отдельным богам в их дни.

Какие перспективы развития, на ваш взгляд, существуют в наших странах у язычества вообще и асатру в частности?

Считаю, что сейчас самое время для язычества, поскольку многие разочарованы в существующих религиях и ищут то, что близко их ценностям и жизненным принципам. То есть осознанно выбирают свой Путь.

Олег (Helgþólmr),

29 лет, остров на краю земли

Сердечно приветствую Северный ветер и его читателей! Меня зовут Олег, мне почти 30 лет, живу на прекрасном острове на самом краю земли.

В Традиции я около пяти лет... Сложно сказать, с чего все началось. Наверное, наиболее точным будет выражение «с кризиса»... С профессионального кризиса, с личного, с мировоззренческого. 25 лет своей жизни я «плыл по течению», Хель знает куда. И в какой-то момент, судя по всему, Судьба намекнула, что пора бы уже взять жизнь в свои руки. Но человеческие руки, как по мне, без Божественной поддержки могут не многое. Поэтому внутренний выбор пал на Асов. На Богов не столько «всемогущих», «всемиловитых» или «всёпрощающих», сколько Живых. Настоящих.

И выбор оказался весьма верным... Сложности, конечно, были, есть и будут. Ужасно не хватает места вне зависимости от города, куда бы

ты мог прийти и в кругу единоверцев, открыто (!) поразмышлять над множеством теологических, а скорее, мифологических вопросов. Порой не хватает Воли разглядеть в груде камней Имировы кости, а в тапающем хомяков хомо-сапиенсе потомков тех, кому Трое на берегу моря даровали жизнь...

Тем не менее то Бытие, которое разворачивается передо мной со временем появления Традиции в моей жизни, завораживает куда более, чем любой прогресс, эволюция и монотеизм вместе взятые! И, конечно же, Руны — часть этого мистического Бытия. Да и разве может быть иначе, если знаки эти не вымучивались в уме человеческого, но дарованы были Мудрейшему из Богов в ответ на Его жертву? Однако, вне зависимости от применения Рунных знаков, каждый постигающий их — через науку ли, магию или личное проживание — достоин одобрения Богов, ведь таким образом и живёт Традиция сегодня. Мы и есть Традиция. И чем чаще мы смотрим на небосвод, чем чаще видим или как минимум стараемся увидеть в нем вечную погоню Сколя и Хати, чем дольше замираем в предчувствии чего-то особенного в дни Солнцестояний и Равноденствий, тем живее наша Традиция, Асатру и германо-скандинавский политеизм в целом! А уж вопросы на тему: какой календарь использовать для определения таких дней, как их отмечать, во что наряжаться и чем закусывать, мне кажется, нужно оставить на растерзание Йотунам.

Благо всем читающим!

Благо всем думающим!

Благо всем верящим!

*От Helgþólfur, с наилучшими пожеланиями
«Северному ветру»!*

Андреева Марина
(Марина Мирная, Рунестафф),
Москва, Россия

Расскажите несколько слов о себе. Сколько лет вы уже в Традиции, с чего начинался ваш Путь?

Я в традиции больше 30 лет.

Я психолог с опытом клиентской работы почти 20 лет. Карл Густав Юнг выбран был мной как

наиболее соответствующий магической парадигме и пути психологии от доказательного и дифференцированного к всеобщему и надреальному. Экзистенциальный анализ — один из инструментов работы. А мой путь в рунах и с рунами начался с книг о Севере, которые мне дарил отец, и с журнала «Наука и религия», который выписывала много лет. Робкие шаги в новой для себя реальности были подкреплены обширной практикой на фоне растущего интереса друзей и коллег. Поэтому учеба шла быстро. Хотя учусь до сих пор.

Есть ли у вас имя в Традиции, и, если да, как оно стало вашим?

Изначально взяла себе псевдоним Марина Мирная, под ним некоторое время работала в онлайн, потом надоела эта глупая вебинарная суэта и вернулась в оффлайн, «на землю», где работаю с псевдонимом Рунестафф, имеющим широкий спектр переводов — от рунного посоха до главной, ведущей в рунах, и, собственно, рунного става.

Что для вас руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используете ли вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических (мантических) целях или изучаете исключительно с академической точки зрения?

Руны для меня и инструмент, и магия, и поводыри, и точка начала творчества. Некое знание, которое вне зависимости от нашей веры в него есть, работает, изменяет жизнь. Рунная законная система гибка, тяжела; обратная связь постоянна и бесконечна. Академическая точка зрения в моей работе — это древняя традиция диких азиатских просторов, откуда пришел Один и привел свой народ, это их письменность, культура, сохранившаяся донныне в некоторых странах. Говорить об этом можно бесконечно.

§ *Что для вас Традиция? Считаете ли вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в первозданном виде, или к нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?*

В сохранении Традиции сложно опираться на первозданность — мы её не знаем, нет источников, дающих академическую трактовку и фиксирующих её каноны. Есть субъективные мнения конкретных исторических персонажей о проявлении рунных обрядов в тех или иных народах. На мой взгляд, приоритетно обобщение, развитие, в том числе в рамках собственных изысканий (общие в целом и различные в опыте, инструментах, обрядовой деятельности и магии). Мы не можем отвечать за весь рунный мир, и в тоже время каждый мантик приоткрывает какое-то свое пространство — свой край огромного полога рунной мудрости. И тут как раз господин Юнг вступает с темой коллективного бессознательно, или как принято называть — высшего знания, хроник Акаши и тд.

§ *Почитаете ли какого-либо бога более остальных?*

Почитаю и работаю с Хель. С её заботой о тех, кто ушел, чтобы вернуться, переродившись. С валькириями, Фрейей. Это гибкие женские архетипы. Я бы даже сказала — половинки целого.

Есть урочище в подмосковном лесу, где алтарь, вода (небольшой родник), овраг, густой лес вокруг. Я там работаю. Это мой храм служения на протяжении 20 лет. Там проходят все обряды, службы и жертвы. Я люблю работу в лесу и ценю возможность, предоставленную мне миром. Всё же свой овраг — свой храм и алтарь. Полное погружение в энергию, процессы и состояния.

§ *Отмечаете ли праздники Колеса Года (и если да, то как)? Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для вас?*

Отмечаю праздники Колеса года, классические восемь и промежуточные, также — блоты, проводимые по конкретным темам в работе с клиентами. Рунная мудрость прекрасно коррелирует с психологией, и это даже не удивительно. Второе выросло из первого. Если позволяет погода — выезжаю в лес, о котором написала выше. Если условия

неподходящие — провожу обряды в городе. Из любимых праздников — блоты на Самайн и на Йоль.

Весна также почитается но — большей частью — обширным «субботником» по уборке оврага, который за зиму засыпается листвой, ветками, и его, как и любой другой дом, надо чистить. И потом приступать к освящению и обрядам.

Особое место в работе — это сопровождение умирающих и поддержка тех, кто остается.

§ *Какие перспективы развития, на ваш взгляд, существуют в наших странах у язычества вообще и асатру в частности?*

Не знаю, есть ли перспективы развития этой мудрости именно в России, поскольку с некоторых пор считается, что это нетрадиционные ценности для россиян, делая уклон в православие, также исторически не являющееся материнской религией.

Думаю, что каждый для себя решает этот вопрос.

Есть на моей родине — в Калининградской области — городище Кауп⁴. Вот они — жители, защитники и воссоздатели — как никто на собственной «шкуре» могут рассказать и показать, как сейчас обстоят дела, а главное, аргументированно объяснить перспективы. «Болею» за их труд, сопереживаю судьбе и радуюсь всем их задумкам.

Также я рада фестивалям и магическим ярмаркам, где работают маги и мантики, распространяя без обширной рекламы наше сокровенное знание. Поскольку считаю рунную мудрость частью культурной и идеологической всемирной доктрины, я приветствую её развитие и внутри себя, и вокруг. Пишу стихи про руны, богов.

Начала роман, повествующий о жизни одного молодого скандинава, прошедшего путь мытарств от сына ярла, погибшего за Старых Богов, до жреца одного из последних храмов древней веры. Там много событий, героев; главная идея — каждый выбирает свой путь. Очень надеюсь, что он увидит свет в скором будущем.

⁴ Кауп — это прусско-скандинавское городище VIII–XIII веков, один из крупнейших торговых центров южной Балтики, памятник европейского масштаба, находящийся сегодня под опекой местных энтузиастов. Сегодня это место стало центром исторической реконструкции и проведения фестивалей, посвященных эпохе викингов (прим. редакции).

Да скажут руны правду!
И в качестве послесловия делюсь с читателями своим стихотворением.

Ещё не бог

На запад двигалась орда —
Парящий ворон над равниной.
Пред ней склонялись города
И превращалась в кровь вода
По мановенью властелина.
Пред ней склонялись племена
Степных детей в потоках лавы —
И целовали стремяна,
Вспять обращая времена,
Своей непобедимой славы.

Их Один вёл, еще не бог
Чертогов воинских незримых,
Он даже знать еще не мог,
Что предначертан Рагнарёк
Его детей непобедимых.

Не серебрила седина
Его годов чело младое,
Вся жизнь его была — война,
А впереди ждала страна
Непобедимого героя.

Асгард торжественно сверкал,
Своих хозяев принимая
Сиянием злата среди скал,
И ворон в высоте играл,
Хозяйский рок определяя.

До самых до краёв земли
Трава под ними полыхала,
Топтали кони ковыли,
На копьях славу принесли
Под своды светлые Вальхаллы.

25.09.2020

Георгий (Эйвинд)

Расскажите несколько слов о себе. Сколько лет вы уже в Традиции, с чего начинался ваш Путь?

Интересуюсь Северной традицией очень давно, с детства. Начинался интерес с книг про

викингов и скандинавской мифологии: мне дарили красочные книги с мифами, адаптированными для детей. А более осознанно в Традицию начал входить относительно недавно.

Есть ли у вас имя в Традиции, и, если да, как оно стало вашим?

Эйвинд. Долгое время «копался» в различных именах, пробуя их на вкус, ища значения. Дойдя до имени Эйвинд, понял, что всё, мое.

Что для вас руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используете ли вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических (мантических) целях или изучаете исключительно с академической точки зрения?

Для меня руны — и алфавит, и магические знаки. В зависимости от того, кто, как и зачем их применяет.

Что для вас Традиция? Считаете ли вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в первоизданном виде, или к нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?

Северная Традиция — это сочетание веры, культурных и нравственных элементов. Сохранение необходимо, но не максималистичное, а с адаптацией к современным реалиям. Например, сейчас сложновато, особенно городским жителям, давать йольские клятвы на щетине кабана, но ведь принести другую жертву и дать те же клятвы ничем не хуже, хоть и не столь антуражно. К слову, антураж и «та самая» атмосфера, я считаю, очень важны, но опять же без крайностей.

Почитаете ли какого-либо бога более остальных?

Почитаю всех, большую тягу испытываю к Фрейе и Хеймдаллю.

§ *Отмечаете ли праздники Колеса Года (и если да, то как)? Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для вас?*

Неумело начал отмечать в прошлом году, в этом буду стараться по уму встретить Йоль.

§ *Какие перспективы развития, на ваш взгляд, существуют в наших странах у язычества вообще и асатру в частности?*

Перспективы вполне себе неплохие, но для этого будет требоваться единство людей, намерений и помощь богов, разумеется.

**Сенина Виктория (Ведьма340лет),
Санкт-Петербург**

§ *Расскажите несколько слов о себе. Сколько лет вы уже в Традиции, с чего начинался ваш Путь?*

Я Сенина Виктория, также **Ведьма340лет** (это мой некоммерческий проект, который я пытаюсь сделать просветительским, но пока не очень получается).

Сколько лет я в традиции? Наверное, 340. Дело в том, что для меня «традиция» — это не история, культура, верования и техники ритуалов какого-то конкретного народа или социума (и даже не язычество как таковое), а сбор информации (какой возможно), её анализ и встраивание в свою систему взглядов.

Мне тесно находиться в какой-либо одной традиции. С одной стороны, результат этого — довольно поверхностные знания и отсутствие глубокого фундаментального подхода к изучению. С другой стороны, мне думается, попытка обобщить и найти какие-то основополагающие законы бытия — тоже дело важное.

В данный момент, например (и с приближением Йоля всё чаще), я слушаю Errilaz и прямо получаю удовольствие, но это не значит, что я не могу наслаждаться прослушиванием индийских раг.

Когда мне было 12, я первый раз попала в Швецию и там, в Гётеборге, посетила выставку художника Йона Бауэра (который уделял очень большое внимание национальному

фольклору). Его картины были полны троллей и прочих персонажей.

В 13 я побывала на острове Готланд, и там воочию наблюдала — хотите верить, хотите нет — «косички» на гривах лошадей, сплётённые явно нечеловеческой рукой, а также маленькие босые следы. Это произвело на меня в детстве очень большое впечатление, и, пожалуй, общение со скандинавской «традицией» берёт начало именно отсюда.

§ *Что для вас руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используете ли вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических (мантических) целях или изучаете исключительно с академической точки зрения?*

Предсказаниями на Рунах я занимаюсь почти 30 лет. Ставы стала делать позже. Но не потому, что хотела приобщиться именно к этой системе, а просто потому, что в доме имелаась книга, очень доступно объяснявшая основные принципы работы с Рунами.

§ *Что для вас Традиция? Считаете ли вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в первоизданном виде, или к нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?*

Нововведения неизбежны, и бороться с этим — всё равно что идти против законов природы, а стало быть, и самой Магии. Но помнить и стараться сохранять историю тоже важно.

© Фото: Антон Максунев

§ *Отмечаете ли праздники Колеса Года (и если да, то как)? Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для вас?*

Точки Колеса года — очень значимые моменты, которые я всегда отмечаю, хотя бы мысленно, если не получается справить полноценный Ритуал. Лично для меня важнее, конечно, астрономические дни, а остальные, не привязанные ко времени, могут «плавать».

§ *Какие перспективы развития, на ваш взгляд, существуют в наших странах у язычества вообще и асатру в частности?*

Перспективы вижу в коллаборации. Не так давно, кстати, в Петербурге открылось пространство Мидгард, с которым я общаюсь и сообщаюсь.

Благодарю за внимание и за ваше Дело!

P.S. Имя своё в «традиции» я, конечно же, оставлю тайным.

**Андрей,
Амстердам**

§ *Расскажите несколько слов о себе. Сколько лет вы уже в Традиции, с чего начинался ваш Путь?*

Мифологией (в том числе германо-скандинавской) интересуюсь с раннего детства, но полноценно пришёл в северную традицию и стал верным Асам около 6 лет назад, после долгих лет «скитаний» по различным религиям и философским течениям.

Было несколько личных событий, произошедших в короткий период времени, которые привели именно сюда и ясно дали понять, что это и есть то, что я так долго искал.

§ *Есть ли у вас имя в Традиции, и, если да, как оно стало вашим?*

Имя есть, получил его во время инициации в общине 4 года назад.

§ *Что для вас руны — алфавит, древние магические знаки или инструмент, способный влиять на реальность? Другими словами, используете ли вы руны (и любые другие гальдраставы) в магических*

(мантических) целях или изучаете исключительно с академической точки зрения?

Руны широко использую, но они для меня, в первую очередь, алфавит. Алфавит сакральный, который в сочетании с правильными словами, правильным языком и другими действиями может творить действительно сильные вещи.

Считаю, что невозможно эффективно использовать руны в «магических» целях без знания языка и правил составления заговоров.

§ *Что для вас Традиция? Считаете ли вы, что главная задача — это максимальное её сохранение в первоизданном виде, или к нововведениям следует относиться философски, считая их неотъемлемыми аспектами современного мира?*

Традиция, как и любая сфера, не может существовать без развития. С другой стороны, всё в этом мире повторяется (с учётом реалий определённого временного периода), и очень интересно наблюдать параллели между прошлым и настоящим.

§ *Почитаете ли какого-либо бога более остальных?*

Наиболее почитаемый для меня — Хеймдалль. Также на алтаре стоят Один, Тор и Фрейр — как отвечающие за наиболее важные для меня сферы жизни.

§ *Отмечаете ли праздники Колеса Года (и если да, то как)? Есть ли среди них какие-то особенно значимые лично для вас?*

Отмечаю 8 раз в год согласно традициям московской общины, членом которой я до сих пор являюсь (несмотря на переезд).

Свойственники и родственники

© Ф.Б. УСПЕНСКИЙ

Связи через женщин в обиходе и в языке¹

НЕВОЗМОЖНО представить себе описание скандинавского общества эпохи саг без использования понятий «культ рода», «родовое сознание», «родовые традиции», «родовая этика». Как кажется, роль рода, родопочитания в жизни человека той эпохи никем не оспаривается, переоценить ее и в самом деле трудно. Между тем, до сих пор обозначено не так уж много явлений, в которых культ рода мог воплощаться в повседневной практике. В сущности, мы имеем дело с феноменом столь всеобъемлющим и всепроницающим, что практически невозможно указать те области, где его нет, но из-за этого нелегко выявить и те конкретные сферы, где он представлен во всей своей полноте.

Как правило, говоря о родопочитании, в первую очередь имеют в виду такое универсальное и характерное для разных традиций явление, как культ умерших предков. Для описания этой грани родового сознания сделано немало. Исследованы языческие похоронные обряды, порядок имянаречения в семье в честь умершего предка, генеалогические, поминальные перечни как характеристика жанра и способ порождения текста. Иными словами, диахронические аспекты культа рода изучены относительно подробно. Я же хотел бы обратиться к описанию одной из его черт, относящейся, скорее, к области «синхронии», хотя, конечно, в основе родопочитания лежит связь всякого явления в настоящем с прошедшим. Культ рода в некотором смысле весь «диахроничен» по определению.

Ниже я собираюсь обсудить вопрос о значении термина и о границе понятия *mágr*, *mágar*, которое чаще всего переводится как «свойственник» или, соответственно, «свойственники». Сразу же отмечу, что я не хотел бы обсуждать здесь этимологию терминов родства в германских языках². Речь пойдет, прежде всего, о том, как в Скандинавии XI–XIII вв. самые разнообразные отношения между людьми могли рассматриваться в понятиях родства, подверстываться под родовые категории.

Родовые отношения были не просто важны для скандинава того времени, точнее было бы сказать, что для него не существовало никаких других отношений, кроме родовых. Разумеется, в такой формулировке есть определенная доля преувеличения, однако важно подчеркнуть, что вся совокупность отношений между людьми и в самом деле рассматривалась через призму родства. Характер той или иной связи между людьми нередко обусловлен тем, каким термином — родства или свойствá — он определен в культуре. Можно сказать, что человеческие отношения

*УСПЕНСКИЙ Фёдор Борисович,
доктор филологических
наук, член-корреспондент
Российской Академии Наук,
профессор, специалист по
русской антропонимике,
филолог-скандинавист.*

¹ Глава из книги «Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии» / Ф.Б. Успенский — М.: ФОРУМ : НЕОЛИТ, 2015. — 256 с. Печатается с разрешения автора.

² Этимология интересующего нас термина *mágr* (гот. *mēgs* «зять, муждочери», др.-англ. *mæg*, др.-фриз. *mēch*, др.-сакс. и др. верх.-нем. *māg*) неполно установлена. См. подробнее: [de Vries 1977, 375].

упорядочиваются и организуются при помощи именно этих обозначений. Родовой мир определяет или даже вызывает к жизни довольно сложные отношения, подбирая для каждого участника предельно строгий или, наоборот, предельно нестрогий термин родства.

Обозначение человека по его родству или свойству — это, несомненно, та область, где явления поэтического языка смыкаются с общеязыковым узусом. Например, при встрече с перевозчиком в «Песне о Харбарде» Тор, обменявшись с ним бранными репликами, называет себя следующим образом:

*Назову свое имя,
хоть я среди врагов, и о роде скажу:
я Одина сын, Мейли я брат
и Магни отец;
ты с владыкой богов беседуешь — с Тором!*³

*Перевозчик отвечает на это более чем лаконично:
Харбард зовусь я,
редко скрываю я имя!*⁴

Иными словами, Тор называет свое настоящее имя и при этом действует, на наш взгляд, так же, как и всякий человек, принадлежащий родовому миру: сперва он сообщает информацию первостепенной важности — свои родственные связи — и лишь затем собственное имя, которое в определенном смысле становится информацией второстепенной и избыточной. Персонаж же, называющий только свое личное имя, стремится не открыть, а скрыть, кто он такой, и потому подозрителен и опасен.

Постепенно становится общим местом утверждение, что в генеалогизирующем прозаическом описании родовые связи человека во многом определяют его судьбу и личные качества. Сага, как правило, сообщает в первую очередь, что некто является «сыном такого-то», «внуком такого-то» и «правнуком такого-то». С точки зрения современного читателя саги все эти характеристики являются второстепенными по сравнению с упоминанием этого человека, описанием его личных свойств и поступков. С точки зрения же родового сознания составителя саги первичная информация как раз и заключается в описании этих родственных связей. Они-то и определяют характер человека, его поступки, а в сущности, и его имя. Разумеется, его не всегда называют в честь одного из перечисленных прямых предков, но тогда он, как правило, оказывается наречен в честь брата отца или прадеда. Словом, если так или иначе охарактеризованы родовые связи персонажа, о нем сказано почти все, и в некотором смысле название, прямое упоминание референта уравнивается здесь с перифрастическим описанием его по родству.

До некоторого предельного воплощения эта модель доходит в поэтическом языке, где перифрастическое описание канонизируется как одно из принятых обозначений референта. Действительно, здесь мы можем опираться как на целый ряд скальдических и эддических примеров стандартного образования кеннинга по термину родства, так и на описание Снорри такого способа построения кеннинга:

«Существуют обозначения, которые применяются вместо имен, их называем мы «видкеннингами», или «заменой имени». Видкеннинги создаются, когда что-то называют своим истинным именем, а того, кого подразумевают, именуют «владельцем» названного, либо «отцом», его «дедом», либо, в-третьих, — «прадедом». Он зовется еще «сыном», «преемником», «наследником», «ребенком», «дитятей» и «потомком», «отпрыском». Зовется он также «братом», «единокровным», «единоутробным», «братцем» и «братаном». Зовется человек и «родным», «племянником», «родичем», «потомком», «близким», «сородичем», «потомством», «родственником», «отпрыском», «коленом»,

3 *Segja mun ek til nafns míns, // þótt ek sekr síak, // ok til allz øðlis: // ek em Óðins sonr, // Meila bróðir, // en Magna faðir, // þrúðvaldr goða: // við Þórr knáttu hér dæma!* [Hrbl., 76; СЭ, 45, строфа 9]. Перевод А.И. Корсуна

4 *Hárbarðr ek heiti // hylk um nafn sialdan* [Hrbl., 76; СЭ, 46, строфа 10].

«родовой ветвью», «единоплеменником», «отродьем», «роднею», «кровным родичем», «родником». Он зовется и «зятем», «свойственником», «свояком»⁵.

Одним из примеров построения кеннинга по модели, указанной у Снорри, является довольно распространенный в скальдической поэзии скальдов кеннинг Тора — «*mágr* Улля» (*Ulls mágr*)⁶. *Mágr*, как уже отмечалось, означает родство по браку. Хорошо известно, однако, что Тор и Улль не были женаты на сестрах и не приходились друг другу тестем или зятем. Как известно, Тор был мужем богини Сив, матери Улля, но при этом не являлся его отцом. То есть, иными словами, Тор был отчимом Улля. В других кеннингах эти отношения отразились более привычным для нас образом: так, Тор мог называться у скальдов, например, «другом Сив» (*Sifjar rúni*) или «отчимом Улля» (*Ullar gulli*). Снорри, соответственно, предписывает называть и называет самого Улля «пасынком Тора» (*stjúpr Þórs*, *stjúpsonr Þórs*) [SnE, 31, 84; МЭ, 64, 30].

Вообще говоря, такие примеры, когда «отчим» и «пасынок» называются *mágr*'ами, известны по сагам, причем отношения эти полностью симметричны: не только отчим является *mágr*'ом своему пасынку, но и пасынок может обозначаться как *mágr* по отношению к своему отчиму. Отметим сразу же, что речь идет, как правило, о взрослых и совершеннолетних людях, а не об отношении взрослого и ребенка. То есть связь, обозначаемая термином *mágr*, действительно симметрична.

Так, в целом ряде саг *mágr*'ом Олава Святого обозначается известный конунг Хрингарики — Сигурд Свинья, за которого, как известно, вышла замуж Аста Гудбрандсдоттир после гибели Харальда Гренландца: «И тогда Олав стал править Норвегией... Большую часть зимы он провел в Уппленде с Сигурдом Свиньей, своим *mágr*'ом»⁷.

Случаи, когда термин *mágr* применяется к пасынку, есть и в рассказе о том, как датский конунг Свейн Вилобородый посылает посольство к Олаву Шведскому, своему *mágr*'у:

«Рано по весне Свейн конунг послал людей в Швецию к своему *mágr*'у, Олаву конунгу свеев»⁸.

Напомним, что мать Олава, Сигрид Гордая, вышла замуж за конунга датчан после смерти своего мужа Эйрика Победоносного, отца Олава Шведского. Таким образом, Олав, вне всякого сомнения, приходился Свейну Вилобородому пасынком.

В тех же выражениях описываются в древнеисландской традиции события более поздней датской истории XII в. Так, Рикица — дочь польского князя Болеслава III и русской княжны Сбыславы — вышла замуж за Магнуса, сына датского конунга Нильса. От брака с Магнусом Нильссоном у нее был сын по имени Кнут. Полька Рикица побывала замужем трижды. Следующим после Магнуса ее мужем стал, по-видимому, минский князь Володарь Глебович, от которого Рикица родила дочь — Софью — будущую королеву Дании и жену Вальдемара Великого. После развода с Володарем Глебовичем Рикица была замужем третьим браком за шведским конунгом Сверкиром.

Именно Кнут Магнуссон — сын Рикицы от первого брака с Магнусом Нильссоном — в «Саге о Кнютлингах» характеризуется как *mágr* дважды: в одном случае как *mágr* конунга Вальдемара Великого, поскольку тот был женат на единокровной сестре Кнута, Софье Володаревне⁹, а в другом случае — как *mágr* шведского конунга Сверкира, поскольку тот приходился Кнуту Магнуссону отчимом:

5 *Enn eru þau heiti, er menn láta ganga fyrir nöfn manna; þat köllum vér viðkenningar eða sannkenningar eða fornöfn. Þat eru viðkenningar, at nefna annan hlut réttu nafni ok kalla þann, er hann vill nefna, eiganda eða svá, at kalla hann þess, er hann nefndi, föður eða afa; ái er enn þriði. Heitir ok sonr ok arfi, arfuni, barn, jóð ok mögr, erfingi; heitir ok bróðir, blóði, barmi, hlýri, lifri; heitir ok niðr, nefi, áttungr, konr, kundr, frændi, kynstafr, niðjungr, ættstuðill, ættbarmr, kynkvísl, ættbogi, arfkvæmi, afspringr, höfuðbaðmr, ofsköpt. Heita ok mágar, sifjungar, hleyta-menn...* [SnE, 144, § 65 (67); МЭ, 95].

6 Этот кеннинг встречается, в частности, у скальда Эйстейна Вальдасона [Kock, I, 73, строфа 3] и в поэме «Хаустлэнг» Тьодольва из Хейнира [Kock, I, 11, строфа 15].

7 *Enn þá tók inn helgi Óláfr við Nóregs ríki... Hann var enn fyrsta vetr lengstom með Sigurði magi sínom á Upplöndom* [Ágr., 26, гл. XXIV]. Ср. также: «...в ту зиму скончался Сигурд Свинья, его *mágr*» (*þann vetr andaðiz Sigurðr syr magr hans*) [SÖH, 63, гл. LVIII].

8 *Snimma vm varit sendi Sveinn konvngr menn i Sviðioð a fvnð Olafs Sviakonvngs mags sins* [CF, 158].

9 «Тогда они были оба помазаны в конунги, Вальдемар и Кнут конунг, его *mágr*» <= шурин. – Ф. У.>» (*Þeir létu þá vígja sik báðir til konunga, Valdimarr ok Knútr konungr, mágr hans*) [Knytl., 245, гл. CXI].

«Конунг Кнут нашел в Гаутланде Сверкира Карлссона, своего *mágr'a* — тот был женат на Рикице, матери Кнута конунга — и попросил у него подкрепления» <военной помощи. — Ф. У.>¹⁰.

Итак, *mágr* довольно регулярно обозначает отчима или пасынка. Строго говоря, связь между ними целиком и полностью подпадает под определение отношений, приобретенных благодаря браку, так как они возникают из-за того, что мать одного из участников ситуации выходит замуж за другого участника ситуации. Именно так, в частности, дело понимается в исландском судебнике «Серый Гусь», где среди близких родственников человека по браку (*ná mágar*) упоминаются не только муж дочери или сестры, но и отчим (муж матери) (см., например: [Grg., I/1, 47, § 25, 62, § 35, 158, § 89, 201, § 113]; ср.: [Grg., I/1, 160, § 89]). Подобная «дефиниция», однако, совершенно чужда многим системам родства за пределами скандинавского мира и, в частности, русской. Здесь невозможно представить себе обозначение отчима или пасынка как свойственника. Ни в древнерусской, ни в современной русской обиходной системе родства принадлежность связи «отчим — пасынок» к какой-то более общей категории, как кажется, попросту не отрефлектирована: отчим не причисляется у русских ни к родственникам, ни к свойственникам.

У скандинавов же любое некровное родство между мужчинами может быть обозначено с помощью термина *mágr*, и этим оно явно противопоставлено кровному родству. Показательно при этом, что внутри категории *mágr* позиции участников крайне слабо дифференцированы. Для позиций «пасынок ↔ отчим», которые в пределах этой категории все же занимают не центральное место, есть специализированные термины *stjúrfaðir*, *stjúpsonr*, *stjúgr*¹¹. Что же касается таких важных отношений, как «муж дочери» (в русской терминологии «зять»), «отец жены», (т.е. «тесть»), или «брат жены» (т.е. «шурин»), то для них, в сущности, специализированных терминов в языке не обнаруживается. Они передаются либо общим словом *mágr*, либо, как в законодательных текстах, описательными, перифрастическими конструкциями типа «отец жены».

Таким образом, древнеисландская категория свойствá отчетливо противопоставлена категории кровного родства, внутренне относительно однородна и с логической последовательностью включает в себя все связи, которые мужчина может приобрести благодаря собственному или чуждому браку.

Рассмотрим теперь в свете всего вышесказанного те кеннинги, с которых начинался наш рассказ. Напомним, что бог Тор может обозначаться у скальдов кеннингами «*mágr* Улля», «супруг Сив», в то время как сам Улль, если верить Снорри, может быть назван «сыном Сив». При этом никакой родной отец Улля и никакие его кровные родичи, кроме матери, нигде не упоминаются. С моей точки зрения, они в известном смысле и не должны упоминаться. Такое странное, на первый взгляд, утверждение подкрепляется внутренней формой имени матери Улля — Сив, которое обозначает собственно «родственник, родственница». При этом множественное число от этого слова, как правило, применяется по отношению не к кровным родственникам, а к родне, приобретенной через брак [Cleasby & Vigfusson, 526]. То есть *sifjar*, или *sifjungr*, может обозначать и часто обозначает именно ту категорию родства, принадлежность к которой описывается словом *mágr*, *mágar* (ср. цитированное выше определение видкеннинга в «Младшей Эдде»). При этом имеющиеся тексты позволяют утверждать, что понятия *sifjar* и *mágar* близки, но не полностью тождественны.

В первую очередь обращает на себя внимание, что слово *sif* женского рода, и в единственном числе оно употребляется только как имя богини. Таким образом, *Sif*, о месте и функции которой в пантеоне богов известно сравнительно немного, можно рассматривать как воплощенное, олицетворенное понятие некровного родства, родства через женщину, родства по браку, родства по

10 *Hann fann í Gautlandi Sörkvi Karlsson, mág sinn — hann átti Rikizu, moður Knúts konungs — ok beiddi hann liðsafa* [Knytl., 237, гл. CVIII].

11 *Особняком стоит термин gullr, встречающийся, насколько мне известно, лишь у одного скальда, Эйлива Годрунарсона. В хвалебной песне, посвященной Тору, содержится кеннинг gullr Ullar* [Kock, I, 78, строфа 18], который, исходя из этимологии [de Vries 1977, 182] и стандартных кеннингов Тора «*mágr* Улля» (*Ulls mág*), исследователи скандинавской поэзии переводят как «отчим Улля» [LP, 208; Meissner 1921, 253].

договору¹². Тогда становится более понятным, почему ее сын не является кровным родичем ни для кого из богов своего пола. Ульв — сын Свойственницы и остается в положении вечного Свойственника, пасынка, не имеющего родного отца. Термин же мужского рода *tágr* дополняет в мифологическом сюжете имя-термин женского рода *sif*.

Не исключено, что имя богини Сив может служить своеобразной точкой слияния языка и мифа, местом их прорастания друг в друга. Элемент языка порождает мифологический сюжет, и относительная скудость этого сюжета как раз и позволяет проследить его языковую природу. Иными словами, в нем нет ничего, кроме некоторого олицетворяющего пояснения значений, содержащихся в слове. Есть богиня, которая может быть женой и иметь сына, но само ее имя таково, что ее сын — не сын, а свойственник для ее мужа.

Возможно, эта ипостась богини Сив наиболее архаична. Во всяком случае, Снорри приводит в качестве одного из кеннингов земли «свекровь Сив» (*sværa Sifjar*) [SnE., 92, § 22 (24)]. Немаловажно, в частности, что подобный кеннинг отсутствует в дошедших до нас скальдических текстах, и при этом сам термин «свекровь» не встречается ни у скальдов, ни в родовых сагах¹³. Мы обнаруживаем его лишь в эддической поэзии, где он употреблен в «Гренландских речах Атли». В сцене перебранки с Гудрун Атли, в частности, говорит:

«Свекровь твоя часто слезы роняла»¹⁴.

Интересующий нас термин «свекровь» спорадически встречается также в тулах [LP, 555], поздних агиографических сочинениях [HMS, I, 24, 195], и, кроме того, появляется пару раз в древнеисландском переложении отдельных глав «Ветхого Завета» XIII в. [St., 343, 421]. Упомянут он и в сочинении Снорри, причем автор «Младшей Эдды» счел в данном случае необходимым пояснить значение рассматриваемого слова:

«Жена сына зовется «снохою»: «свекровью» называют мать мужа»¹⁵.

Итак, «свекровь» обозначается словом *sværa*, обладающим достаточно надежной общегерманской и общеиндоевропейской этимологией [de Vries 1977, 571]. Это слово сохраняется, как мы знаем, и по сей день во многих языках. Таким образом, мы можем наблюдать, как в древнегерманских языках явно проводилась привычная для нас дифференциация родственных отношений внутри категории свойства и как со временем эта дифференциация в значительной степени стирается в древнеисландском.

Сходным образом дело обстояло и с редким словом *snög* (*snog*) «сноха, жена сына». Оно употребляется в крайне ограниченных контекстах, ровно в тех же ученых текстах, в которых нам встречалось и слово *sværa* «свекровь» (тула [LP, 525], «Младшая Эдда» [SnE, 145, § 66 (68)], переложение Ветхого Завета [St., 420, 421, 426], жития континентальных святых [HMS, I, 195]). Кроме того, так же, как и *sværa*, слово *snög* фигурирует в «Старшей Эдде». В своем терминологическом значении оно употребляется однажды в «Подстрекательстве Гудрун»¹⁶, а в другой раз оно встречается в качестве имени собственного. В последнем случае *snög* является как бы ожившим олицетворением родовых отношений. На это недвусмысленным образом указывает сам сюжет, в котором *snög* употребляется как личное имя. Мы имеем в виду «Песнь о Риге», где сказано, что мужчина (*Karl*) привел в родительский дом жену по имени Сноха (*Snög*):

12 Ср. характеристику, данную богине Сив в «Прологе» к «Младшей Эдде»: «В северной части света он повстречал прорицательницу по имени Сибилла – а мы зовем ее Сив – и женился на ней. Никто не ведает, откуда Сив родом» (*fann hann spákonu þá, er Síbil hét, er vér köllum Sif, ok fekk hennar. Eigi kann ek segja ætt Sifjar; hon var allra kvinna fegrst; hár hennar var sem gull. Þeira sonr var Lórríði, er líkr var feðr sínum; hans son var Einridi...*) [SnE, 6; МЭ, 11]. Для нас существенно, что здесь специально подчеркивается отсутствие родословной у персонажа, являющегося своеобразным воплощением некровного родства.

13 «Свекровью (*sværa*) Нанны» Снорри предписывает называть и богиню Фригг [SnE, 90, § 19], которая была матерью Бальдра и женою Одина. У скальдов этот кеннинг также не зафиксирован.

14 *Sværo létstu þína sitia opt grátna* [Am., 256; СЭ, 151, строфа 96].

15 *Snög heitir sonar-kvæn; sværa heitir vers móðir* [SnE, 145, § 66 (68); МЭ, 96].

16 «Нем со мной ни снохи, ни дочери, что дали бы Гудрун дары драгоценны» (*Sitr eigi hér snög né dottir, sú er Guðrúnu gefi hnossir*) [Ghv., 261; СЭ, 154, строфа 18].

*В дом привезли
с ключами у пояса
в одежде из козьей шерсти
в жены Мужлану <Карлу>
Сноха <Снёр> ее звали¹⁷.*

Таким тождеством имени и родовой функции в мифопоэтической традиции обладает не только Сив (= «Свойственница»), но Снёр (= «Сноха»). По-видимому, еще в XIII в. образованный человек, знающий, в частности, «Старшую Эдду», вполне понимал значения слов *svæga* и *snög* и при необходимости мог ими воспользоваться для архаизации или стилизации текста в рассказе о событиях, происходящих вне Исландии.

Почему же слово «свекровь» появляется у Снорри именно в том кеннинге, в котором задействовано имя Сив? Возможно, Снорри, так сказать, припомнил слово *svæga* и сам сконструировал этот кеннинг. Тогда это означает, что он стремился подчеркнуть различные отношения свойства, обволакивающие Сив и исходящие от нее.

С другой стороны, не исключено, что Снорри использовал какой-то существующий, но не дошедший до нас скальдический кеннинг, что едва ли не более ценно, поскольку помещает Сив в весьма архаический пласт культуры — архаический с точки зрения языка и с точки зрения мифа. Любопытно, что в «Прологе» к «Младшей Эдде» интересующая нас семейная ситуация выглядит несколько иначе: Сив и Тору здесь приписывается сын Лорриди, ставший родоначальником асов-людей, но Уллу в этой генеалогии, характерным образом, не остается никакого места:

«В северной части света он <Трор или Тор. — Ф. У.> повстречал прорицательницу по имени Сибилла — а мы зовем ее Сив — и женился на ней. Никто не ведает, откуда Сив родом. Она была прекраснейшей из женщин, волосы у нее были подобны золоту. Сына их звали Лорриди, он походил на своего отца. У него был сын Эйрриди...»¹⁸

Улль не брат Лорриди и не основатель какой-либо ветви рода. Он вообще несовместим с подобным эвгемеристическим видением мира и обитает в другом мифологическом пространстве. В этом мифологическом пространстве у Сив и Тора есть дочь Труд [SnE, 80, 186; МЭ, 62, 68]. Замечательным образом она, с одной стороны, нигде не называется «сестрой Улля» и, с другой стороны, это именно дочь, а не сын Тора и Сив, т.е. она носитель еще одной «валентности» для образования мужского родства по браку, а не по крови.

Итак, роль Улля в родовом счете — *mágr*, а его родственные отношения с другими мужчинами сводятся к свойству. Отметим, что термином *mágr* вообще чаще всего обозначаются родственные (но не кровные!) отношения между мужчинами, т.е. родство между мужчинами, приобретаемое через женщин. Как мы уже убедились, круг таких связей несколько шире, чем это привычно для современного человека.

***

Унифицирующая сила интересующей нас категории проявляется не только в тех случаях, когда речь идет о мифологических персонажах. Можно сказать, что мифологическое и бытовое восприятие понятия *mágr* устроено более или менее симметрично. Иными словами, язык организует мифологическое и повседневное пространство некровного родства сходным образом. Выше уже упоминалось об употреблении *mágr* в сагах. Встречается это слово и в надписях, выполненных младшими рунами. Здесь особенно наглядно проявляется недифференцируемость отношений,

17 *Heim óko þá // hanginluklo, // geitakyrtilo: // gipto Karli; // Snör heitir sú [Rp., 279; СЭ, 162, строфа 23].*

18 *Í norðrhálfu heims fann hann <Trór/Þór. — Ф. У.> spákonu þá, er Síbil hét, er vér köllum Sif, ok fekk hennar. Eigi kann ek segja ætt Sifjar; hon var allra kvinna fegrst; hár hennar var sem gull. Þeira sonr var Lórríði, er líkr var feðr sínum; hans son var Einrídi... [SnE, 6; МЭ, 11].*

которые обозначались этим термином. Как правило, из-за лаконичности текста и его формульности не только современный исследователь, но и средневековый читатель надписи едва ли могли установить, в каких именно отношениях свойствá состояли тágr'ы, упомянутые в той или иной надписи. Ср., например:

«Кетиль воздвиг этот камень по Финну, своему тágr'у»¹⁹

«...воздвиг этот камень по ..., своему тágr'у»²⁰

По-видимому, это обстоятельство несколько не смущало тех, кто заказывал эти рунические надписи. Для них слово тágr очевидно несло всю необходимую и достаточную информацию о связи с умершим.

Возвращаясь к сюжету «пасынок/отчим», можно отметить все же, что мы располагаем одним руническим текстом, который позволяет утверждать, что упомянутый в нем тágr приходился заказчику надписи именно отчимом. Речь идет о датской надписи из Гундерупа (Gunderup), относящейся к эпохе викингов:

(сторона А) «Токи воздвиг этот камень и сделал этот памятный знак по своему тágr'у <отчиму. — Ф. У.> Аббе (Эббе), доброму человеку, и (сторона В) по своей матери Тове. Они оба лежат в этом кургане. Аббе / Эббе оставил Токи свое добро после себя»²¹.

Специфика скандинавского понятия тágr не ограничивается, однако, тем, что тágr'ами могли считаться пасынок и отчим, — эта категория оказывается гораздо более обширной. Прежде всего, для того чтобы люди уже считались тágr'ами, зачастую достаточно было не брака, а лишь помолвки, договора о браке²². Это обстоятельство весьма существенно, так как отношения, обозначаемые термином тágr, связывающие взрослых полноправных мужчин, — вообще отношения договорные. Они существуют постольку, поскольку отвечают интересам участников. И именно поэтому многие коллизии в родовых сагах построены на том, что отношения тágr перестают отвечать интересам кого-либо из действующих лиц.

В этом отношении очень выразителен эпизод из «Саги о Курином Торире», где отец девушки занимается помолвкой своей дочери с сыном знатного исландца Кетилия Сони. Незадолго до описываемого в саге сватовства Кетиль Соня был сожжен у себя в усадьбе. Далеко не все участники ситуации уже знают об этом. Сын Кетилия Сони по имени Херстейн приезжает ночью со своими друзьями и людьми к некоему Гуннару и с ходу, ничего не объясняя, просит руки его дочери.

Описание ночного сватовства в саге больше напоминает шантаж — сваты садятся по обе руки от Гуннара и, ведя деловой разговор, сидят на его плаще. Гуннар дает согласие, и девушку заочно обручают с Херстейном, сыном Кетилия Сони. Лишь после этого Гуннару, отцу девушки, сообщают, что Кетиль Соня был только что сожжен в своем доме. Гуннар остается крайне недоволен случившимся и на следующее утро, взяв с собой жениха и его друзей, едет к приемному отцу девушки, Торду Ревуну, у которого она и живет.

Не говоря ни слова о сожжении Кетилия Сони, Гуннар рассказывает Торду Ревуну о сватовстве Херстейна и настаивает на том, чтобы приемный отец обручил девушку. Поначалу Торд отпирается, поскольку это не входит в его полномочия, но отец девушки уговаривает его все настойчивее, и, в конце концов, Торд Ревун вторично обручает девушку с Херстейном сыном Кетилия Сони. Сразу же после вторичного обручения Торду Ревуну сообщают, что отец жениха был недавно сожжен в своем доме. Торд отнесся к услышанному крайне отрицательно: «Не решилась бы эта помолвка

19 *ketil setti stein þena ebtir fin mak sin [NlyR, IV, 6, № 272].*

20 *...ri(st)j s(t)inþinsi iftir... ma[k] s(i)n [NlyR, III, 196, № 237]. Ср. также: [DR, №№ 289, 69, 324].*

21 (A) : tuki : raisþi : stini : þqisi : auk : karþi : kub(l) [.] þausi : aftaba : mak : sin : þaikn : kuþan : auk : (B) : tufu : muþur : sina : þau : lika : bapi : i : þaum : hauki : \abi : uni : tuka : fiaR : sins : aft : sik [DR, 180, № 143].

22 *В чем-то сходная ситуация имела место в Древней Руси, где порой между отцами жениха и невесты — сватами — достаточно было договоренности о браке, чтобы в летописи по отношению к ним упреждающим образом применялся соответствующий термин свойствá (см. подробнее: [Литвина & Успенский 2013-а, 312–315]).*

так скоро, если б я знал обо всем заранее, и вы можете считать, что в этот раз намного превзошли меня хитростью и умом. И все же мне неясно, вправе ли вы решать все по своему усмотрению», — говорит он. На это Гуннар, настоящий отец невесты, отвечает, явно испытывая облегчение от разрешения столь запутанной ситуации:

«Вполне можно рассчитывать на поддержку, когда имеешь дело с тобой, к тому же ты теперь обязан помогать своему тágrу, ведь все слышали, как ты обручал девушку, и все это было сделано с твоего ведома»²³.

Кроме того, договор и, соответственно, отношения тágr могли касаться не только законного брака: тágr'ами считались и родственники женщины, сделавшейся с их согласия чьей-либо наложницей. Как мы знаем, подобная практика наиболее широко была распространена в Исландии в эпоху Стурлунгов (ср.: [Байок 2000, 36–37; Литвина & Успенский 2013]). Именно в это время и в таком способе приобретения тágr'ов наиболее полно отразилась, так сказать, договорная сторона рассматриваемой категории. Девушку могли отдать в наложницы ради заключения некоего альянса, но ее положение было столь же неустойчивым, как и такой альянс. В изменившейся ситуации она могла вернуться к родителям и выйти замуж за другого человека. В любом случае ее дети, рожденные вне брака, не располагали полнотой родовых прав в семье отца. Институт наложничества был, в определенном смысле, институтом свойствá, никогда не переходившего в кровное родство.

С другой стороны, как мы увидим несколько позже, отношения тágr иногда возникали и без всякого договора и, тем не менее, становились неотъемлемой частью родовых связей человека. Оговоримся еще раз, что термин тágr объединял, а не дифференцировал все обозначаемые родовые связи через женщину, в частности, и те из них, которые ни на каком этапе не были скреплены добровольным договором. «Семантическая вместительность» слова тágr создавала возможности для языковой игры, построенной на лавировании между, так сказать, respectable и нере respectable его значениями. Поясним, что мы имеем в виду.

В королевских сагах рассказывается, по крайней мере, о трех исторических персонажах, которые носили прозвища «тágr конунга» (konungs t́agr). В одном случае речь идет о муже дочери Сверрира (т.е. о зяте конунга), Эйнаре Конунговом тágr'e, который известен также под другим прозвищем, Эйнар Поп ([Sv., 190; ССв., 180, гл. CLXXVIII; CF, 387; Вр., I, 498; Flat., II, 697; III, 3; An. IV, 122 sub anno 1205]; ср.: [An. VIII, 325 sub anno 1205]). Еще один носитель такого прозвища в сагах — Грегориус Андрессон, зять конунга Хакона Хаконарссона, живший в XIII в. [An. IV sub anno 1246]. Однако для нас наиболее интересен третий случай, когда соответствующее прозвище получает знатный норвежский бонд, Арни из Стодрейма [CF, 337, 343; Flat., II, 573, Fms., VII, 230].

Арни женился на Ингирид, вдове знаменитого норвежского конунга Харальда Гилли, который был убит заговорщиками в объятиях своей наложницы. Сама Ингирид происходила из шведского королевского рода и была внучкой конунга Инги Стейнкельссона Старого. В браке с конунгом Харальдом Гилли она родила сына, который был назван Инги в честь прадеда по материнской линии. Это был единственный законнорожденный отпрыск своего отца, который, естественным образом, унаследовал титул конунга после его смерти. Новый же муж его матери — Арни из Стодрейма — носит прозвище «тágr конунга» (konungs t́agr).

Возможно, это прозвище подчеркивает его связь с Инги, которому Арни приходился отчимом. Именно так, по-видимому, понимается дело в переводах «Круга Земного»:

«Ингирид, конунгова мать, вышла замуж за Арни из Стодрейма. Его потом звали Конунговым Отчимом»²⁴.

23 Gunnar mælti: "Þar er gott til trausts at ætla sem þú ert enda er þér nú skylt at veita magi þínum en vér erum skyldir at veita þér fastnaðir konuna ok þetta var allt við þitt ráð gert [HP, гл. XI; ИС 2000, 30–32].

24 Ingiriðr dróttning var gift Arna á Stoðreimi; hann var síðan kallaðr konungsmágr [Hkr., III, 371; K3, 525]. Ср. "Königs Stiefvater Arni" [Niedner 1965, III, 341].

Как мы уже видели, термин *mágr* охотно используется для описания родственной связи между отчимом и пасынком. В частности, Арни был не первым отчимом Инги Горбуна — до Арни его мать была замужем за Оттаром Кумжей. У Снорри упоминается, что Инги был ему *mágr*’ом, но этот термин не входит в состав прозвища Оттара Кумжи:

«Сигурд конунг <внебрачный сын Харальда Гилли, единокровный брат Инги. — Ф. У.> недолюбливал его <Оттара Кумжу. — Ф. У.>. Он считал, что тот всегда держит сторону Инги конунга, своего mágr’a <пасынка. — Ф. У.>»²⁵.

Что же касается Арни «Конунгова *mágr’a*», то здесь возможно и иное, точнее, дополнительное истолкование этого прозвища.

Родство, приобретаемое мужчинами через женщин, могло осмысляться в древнеисландских текстах не только рационально прагматически, но и иронически. Во-первых, как уже говорилось, сделаться *mágr*’ом какого-либо мужчины можно было и без его воли и ведома. Этим термином мог обозначаться не только человек, вступивший с чьей-либо родственницей в законный брак, но и в свободные, не санкционированные ее семьей и родом, сексуальные отношения. Приведем здесь всего лишь два примера из «Саги о Ньяле».

В одной из глав саги рассказывается о планах очередного нападения на Гуннара из Хлидаренди. Враги Гуннара просят, в частности, поехать с ними нескольких норвежцев, которые остановились на хуторе Песчаный Овраг. Норвежцы отказываются, и тогда хозяйка говорит, обращаясь к одному из них:

«Жаль, что моя дочь Гудруд не пожалела своей чести и спала с тобой, а ты боишься поехать со своим хозяином и mágr’ом» <тестем? — Ф. У.>²⁶.

Подчеркнем, что в саге до сих пор не рассказывалось ни о браке Гудруд с норвежцем, ни о планах такого брака. Не случайно норвежец отвечает на это: «Я поеду с твоим мужем, но ни он, ни я не воротимся назад»²⁷, — и в его ответе актуализированы не те отношения, которые связывают его с участниками ситуации, а лишь те, которые связывают хозяина усадьбы по имени Эгиль и хозяйку, его жену. Тем не менее норвежец вынужден подчиниться и отправиться в бой против Гуннара.

В бою, когда Гуннар убивает Эгиля, норвежец опять слышит упрек в свой адрес:

«Жалкий ты человек, Торир Норвежец, если можешь сидеть, сложа руки, когда убит твой хозяин и mágr <тесть? — Ф. У.> Эгиль»²⁸.

После этого упрека в несоблюдении социально-родовой этики норвежец бросается в бой и погибает от руки Гуннара. Девушка же по имени Гудруд, из-за которой разыгрался весь этот эпизод, благополучно выходит замуж за другого норвежца, оставшегося дома и не поехавшего убивать Гуннара из Хлидаренди.

В другом эпизоде из «Саги о Ньяле», призванном подтвердить, что сделаться *mágr*’ом какого-либо мужчины можно было и без его ведома, рассказывается история Храппа Убийцы. Попав с некоторым скандалом в Норвегию, Храпп принял за девушкой по имени Гудрун, дочь весьма влиятельного норвежца, Гудбранда из Долины. Узнав об этом, отец девушки приставил к ней своего надсмотрщика. Однако влюбленным удалось все же встретиться в орешнике, и когда надсмотрщик стал искать их, то обнаружил уже лежащими в кустах. Между Храппом и телохранителем девушки произошла стычка, в результате которой надсмотрщик был зарублен.

²⁵ *Sigurðr konungr var ekki mikill vinr hans ok þótti hann alt hallr undir Inga konung, mág sinn [Hkr., III, 369; K3, 525].*

²⁶ *Ílla hefjir Guðrún dóttir mín brotit odd af oflæti sínu ok legit hjá þér, er þú skalt eigi þora at fylgja bónda þínum ok mági [Nj., 138; IC, II, 154, зл. LXI].*

²⁷ *Fara mun ek með bónda þínum, ok mun hvárgi okkar aprt koma.*

²⁸ *Alls vesall ert þú, Þórir austmaðr! er þú sitr hjá; nú er veginn Egill húsbuandi þinn ok mágr [Nj., 142; IC, II, 157, зл. LXIII].*

Уговаривая Храппа бежать после совершенного им убийства, Гудрун призналась ему, что она беременна. Тогда Храпп отправился к Гудбранду, отцу девушки, и между ними состоялся следующий диалог:

«Гудбранд спросил: Отчего у тебя секира в крови? — Я вылечил Асварда от боли в спине. — Вряд ли от доброго сердца, — говорит Гудбранд, — ты, видно, убил его. — Верно, — говорит Храпп. — За что же? — спрашивает Гудбранд. — По-вашему, это, наверное, мелочь, — говорит Храпп, — он хотел отрубить мне ногу. — А что же ты такое сделал? — спрашивает Гудбранд. — Что я сделал, его вовсе не касалось, — говорит Храпп. — Все же скажи, что это было. Храпп сказал: — Если уж тебе так хочется знать, то я лежал с твоей дочкой, а ему это не понравилось. Гудбранд сказал: — Люди! Схватить его и убить! — Мало же ты чтешь меня, твоего зятя, — говорит Храпп»²⁹.

Храппу удается скрыться, он прячется в окрестном лесу, поджигает капище Гудбранда и на обратном пути встречает своего, так сказать, «шурина». В стычке он наносит Транду, брату девушки, смертельную рану и вновь подчеркивает отношения свойства, существующие между ними:

«Я мог бы сейчас убить тебя, однако не сделаю этого. Я окажу тебе, моему шурина, больше чести, чем вы с отцом оказали мне»³⁰.

В этих случаях (особенно во втором из них — истории о Храппе Убийце) речь, в сущности, идет не о родстве, приобретенном через брак, но, так сказать, об ироническом осмыслении фактического положения дел. Любопытно, что во всех примерах подобного рода отношения *mágr*’ов не договорные, какими они бывают, как правило. Это тот достаточно редкий случай, когда свойство, по сути дела, приравнивается к кровному родству по своей, так сказать, обременительности независимо от осведомленности. Проще говоря, человек может быть чьим-то отцом или братом, не подозревая об этом, и его незнание не отменяет факта кровного родства. Точно так же сексуальная связь с женщиной делает человека *mágr*’ом ее кровных родичей, даже если те не подозревали до какого-то времени о случившемся.

Кроме того, иронически идеи родства через женщину и свойства без уведомления могли обыгрываться и доводиться до своего логического завершения. Двое мужчин могли титуловаться *mágr*’ами, если вступали в брак или сексуальную связь с одной и той же женщиной. Все предыдущее длинное отступление понадобилось нам для того, чтобы продемонстрировать, что Арни из Стодрейма мог именоваться «*mágr* конунга» не только потому, что был отчимом конунга Инги Горбуна, но еще и потому, что сумел жениться на вдове конунга Харальда Гилли. Подобное насмешливое именование *mágr*’ами двух мужчин, находящихся в одинаковых отношениях с одной и той же женщиной, зафиксировано даже в правовом источнике.

Вот пример такой своеобразной и довольно редкой иронии в древненорвежском праве. Речь идет о праве свободных людей и вольноотпущенников на убийство мужчины, если они застанут того в постели у своей родственницы — дочери, племянницы, сестры и т.д. Таким правом люди обладали во всех скандинавских странах, однако только в «Христианском праве Боргартинга» сказано, что надлежит в такой ситуации делать рабу:

*«Раб обладает правом на смертоубийство за свою жену или свою дочь. Если он застал с ней мужчину, то он должен пойти к колодцу, достать полное ведро воды и вылить на них, пожелав хорошенько опочивать своему *mágr*’у»³¹.*

Не исключено, таким образом, что прозвище *konungs mágr* изначально носило издевательский характер, и в глазах людей Арни был *mágr*’ом не только пасынку Инги, но и первому мужу своей

29 *Allítt lætr þú mik njóta mágsemðar* (букв. «Мало же ты чтешь во мне свойство») [Nj., 191; ИС, II, 194, гл. LXXXVII].

30 *Kosti á ek nú at vega þik, ok vil ek eigi þat; skal ek meira virða mágsemð við þik en þér virðir við mik* (букв. «Я буду больше чтить в тебе свойство, чем вы с отцом чтите его во мне») [Nj., 193; ИС, II, 195, гл. LXXXVIII].

31 *Nv a þræll vigh vm kono sina ok dottor sina. Ef han tækr man i hia henni, þa skal han ganga til brundz ok taka span fult vatz ok slætta a þau ok biðia hæilan sofua magh sin* [BK, 66, § 15].

жены — конунгу Харальду Гилли³². Возможность обыгрывания этого термина в родовом мире, пространство для насмешки или любой другой культурной игры создается, на наш взгляд, благодаря тому, что категория *mágr*, как уже отмечалось, внутренне однородна и в то же время под нее подверстываются с неожиданной, почти слепой последовательностью любые отношения между мужчинами, устанавливающиеся через женщину. Еще одной иллюстрацией к однородности категории *mágr* может служить то обстоятельство, что, в принципе, Арни мог бы называться *mágr*’ом по отношению к еще одному конунгу — деду его жены Ингирид, шведскому конунгу Инги Старому. Как уже упоминалось, категория *mágr* не только однородна (т.е. в ней никак не выделяются специальным образом «тесть», «шурин» или «зять»), но обозначаемая этим термином связь, благодаря этой однородности, двунаправлена. Если X приходится *mágr*’ом Y, то Y, соответственно, приходится *mágr*’ом X, в то время как если X является «тестем» Y, то в такой родовой модели их связь несимметрична, и Y приходится X «зятем».

Скандинавская модель свойства устроена принципиально иным образом, чем модель кровного родства, и в то же время иначе, чем, например, модель свойства у русских в эту эпоху. Действительно, если модель кровного родства подразумевает прежде всего четкую иерархию поколений, то в модели свойства у скандинавов она совершенно утрачивается. Если исходить из того, что предлагает язык, то взрослые мужчины вступают в отношения *mágr*’ов, так сказать, на равных, независимо от старшинства по возрасту или от своей принадлежности к тому или иному поколению. При этом свойство является одним из важнейших средств освоения родового мира.

Так, в частности, у нас есть относительно чистый пример того, как человек без кровного родства внедряется в пронизанный родовыми отношениями мир Исландии эпохи саг. Речь идет о Кари, сыне Сельмунда, одном из главных персонажей «Саги о Ньяле». Кари — выходец с Гебридских островов³³, и в Исландии, по-видимому, у него не осталось близких кровных родственников. Тем самым он оказался вынужденным как можно интенсивнее эксплуатировать и актуализировать именно отношения свойства³⁴. Сперва он становится *mágr*’ом самого Ньяля и его сыновей, а затем, спустя долгое время после сожжения Ньяля, вступает в отношения свойства со своим главным противником — Флоси. Любопытно, что одного из сыновей от второго брака с племянницей Флоси Кари Сельмундссон называет Флоси — в честь своего новоприобретенного друга и *mágr*’а [Nj., 422; ИС, II, 370, гл. CLIX].

* * *

Ясно, что подобная недифференцирующая терминология свойства может порождать определенные трудности при описании родственной связи между людьми, причем эти трудности возникают не только у современного читателя, но и у «стороннего наблюдателя», принадлежавшего к той же эпохе. В частности, до нас дошли лишь довольно противоречивые и отрывочные сведения о конунгах, сменявших друг друга на шведском престоле в XI в., и о родственных связях между ними. Некоторые из этих противоречий явным образом связаны с непрозрачностью для западно-европейских хронистов древнескандинавского исчисления родства по браку.

Так, определенно можно утверждать, что после Олава Шведского, или Шётконунга, страной правили его сыновья — сперва законный, Анунд Якоб, а затем побочный сын конунга, Эймунд. Далее, однако, следует довольно темный отрезок шведской истории. По-видимому, после Эймунда на престол взошел человек по имени Стейнкель³⁵. Казалось бы, с точки зрения династической преемст-

32 По-видимому, издевательское прозвище, содержащее элемент *mágr*, зафиксировано в «Пряди о курганном жителе» [Кр., 129]. Здесь некий Хёскульд, женатый на женщине по имени Стейнвер, носит прозвище *mágrsefni*, которое может быть переведено как «будущий *mágr*; почти *mágr*; без пяти минут *mágr*». Судя по всему, свое прозвище Хёскульд получил в насмешку, поскольку в «Пряди...» рассказывается, что Торстейн Торвардссон соблазнил жену Хёскульда и она родила от него ребенка (*Þorsteinn Þorvarðsson mágr Þorfinns á Bakka er átti Helgu Þorgeirsdóttur systur ábóta; hann fjfildist at Steinvöru konu Höskulls mágrsefnis, hann átti við henni eitt barn*). Следует отметить при этом, что в других древнеисландских и древноревежских текстах термин *mágrsefni* употребляется как совершенно нейтральный (см., например: [St., 122; DN, VI, 65, № 69 sub anno 1307]).

33 Хотя отец его, Сельмунд, сын Торбьёрна Ярлова Воина, был исландцем, а дед — норвежцем, переселившимся в Исландию с Оркнейских островов [Lnd., 120, 227].

34 О выгодах, извлекаемых из отношений свойства, см., в частности: [Джаксон 2001; Джаксон 2003] и указанные здесь работы.

35 Сведения о происхождении и личности Стейнкеля см., например, в: [Beckman 1912, 30–32; Schück 1914, 7–9, 20–21, 31; Toll 1933].

венности очень важно, кем он приходится предыдущему конунгу, и являются ли его наследники продолжателями рода Эйрика Победоносного и Олава Шведского. Однако показания источников на этот счет расходятся. Сведения об этом периоде шведской истории мы черпаем в основном из «Саги о Хервёр и конунге Хейдрике» и из «Деяний архиепископов гамбургской церкви» Адама Бременского. Многое зависит, естественным образом, от способа обозначения родства и свойства в этих текстах. В «Саге о Хервёр», например, династическая ситуация, сложившаяся после смерти Эймунда Олавссона, описывается следующим образом: Стейнкель, будучи знатным человеком и, как гласит сага, первым ярлом в Швеции, занял королевский престол, женившись на дочери Эймунда (предыдущего конунга) [Herv., 70, гл. XVI]. При этом в другой редакции саги, где рассказ о Стейнкеле в целом близок основной версии, он оказывается женат на дочери Анунда-Якоба, а не Эймунда³⁶. Кроме того, существует указание ученой шведской генеалогии XIV в., где Стейнкель назван мужем сестры Олава Шётконунга (т.е. тётки Эймунда и Анунда-Якоба) [Bolin 1931, 198].

Так или иначе, Стейнкель в любом случае приходился *mágr*ом трем предыдущим конунгам, хотя в текстах этот термин по отношению к нему не применяется. При этом необходимо учитывать, что «Сага о Хервёр», равно как и шведский перечень королевей были записаны в достаточно позднее время, не ранее XIV в. Вероятнее всего, до их составителей дошло само определение *mágr* или *konungs mágr*, применяемое к Стейнкелю. Как мы увидим, это предположение полностью подтверждается текстом Адама Бременского.

Сведения Адама, от которых мы вправе были бы ожидать большей достоверности, достаточно противоречивы. Говоря о смерти Эймунда Старого, он сообщает, что тому наследовал Стейнкель, или, как он его иногда называет, Стинкель. При этом Адам, писавший ок. 70-х годов XI в., отмечает, что Стейнкель приходился *peros*’ом или *privignus*’ом предыдущему конунгу:

«...после того как свеоны таким образом изгнали посланников, тех, говорят, со слезами проводил не то перос <племянник? — Ф. У.>, не то пасынок короля, смиренно доверивший себя их молитвам. Имя его — Стинкель»³⁷.

Чуть ниже Адам еще раз упоминает Стейнкеля и называет его все-таки *peros*’ом предшествующего короля:

«В то самое время умер король свеонов Эмунд, после которого к власти в королевстве пришел его перос <племянник? — Ф. У.> Стинкель, о котором мы говорили выше»³⁸.

Какие же скандинавские обозначения родовых отношений могли передаваться с помощью этих латинских терминов? Латинское слово *peros* могло означать, как известно, целый ряд младших кровных родичей — «правнука», «внука», «племянника» и, наконец, «потомка» вообще. Откуда в описании Адама берется термин «пасынок» (*privignus*), более или менее понятно из всего вышеизложенного — за ним со всей очевидностью стояло слово *mágr*, употребляемое его скандинавскими информантами. Это тем более очевидно, если мы вспомним, как в разных редакциях саги он назван то мужем дочери конунга Эймунда, то мужем дочери Анунда-Якоба, а в генеалогическом перечне фигурирует как муж их тетки, сестры Олава Шётконунга. Иными словами, Стейнкель находится со всеми конунгами в отношениях, подпадающих под категорию *mágr*.

Судя по расплывчатой конструкции с *an* в латинском тексте, информанты Адама не отличались абсолютной осведомленностью, и потому едва ли они употребляли узкие и конкретные термины *stjúpsongr* или *stjúrg* для обозначения пасынка, поскольку использование этих слов исключало бы всякую неопределенность и делало невозможным допущение о кровном родстве. Вообще средневековая ученая традиция склонна выделять в обширном семантическом поле *mágr* какое-либо одно значение, делая

36 Вообще говоря, имена Анунд / Энунд (*Önundar*) и Эймунд / Эмунд (*Emundar*) нередко смешивались в средневековых источниках (ср.: [Schück 1914, 19; Успенский 2001, 111, примеч. 87, 114, примеч. 90]).

37 *Legatis igitur tali modo a Sueonibus repulses fertur quidam, nepos an privignus Regis ignoro, prosecutus esse cum laerimis, suppliciter se commendans orationibus eorum. Nomen ei Stinkel [Adam, 156–157; Адам Бременский, 380, кн. III, гл. XV].*

38 *Eodem tempore mortuus est rex Sueonum Emund, post quem levatur in regnum nepos eius Stinkel, de quo supra diximus [Adam, 158; Адам Бременский, 381, кн. III, гл. XVI].*

этот термин более определенным и ограниченным, чем он был на самом деле. В случаях, когда речь идет о межкультурных контактах, о переводе с одного языка на другой, обширность и внутренняя неди-скретность категории *mágr* оказывается чуждой переводчику. Он прибегает к своего рода синекдохе, называя часть вместо целого и указывая какую-то иную, более узко определенную родовую связь, вхо-дящую в категорию *mágr*. Однако речь здесь не обязательно должна идти о переводе с одного языка на другой. Так, например, Снорри в «Младшей Эдде» иногда употребляет термин *mágr* в том широком значении, в каком он часто используется в сагах³⁹, а иногда считает нужным уточнить и ограничить это значение. В частности, цитируя скальдический пример, где Тор назван «*mágr*ом Улля», он предписы-вает своей аудитории называть Тора «отчимом Улля» (*stjúpfaðir Ullar*) [SnE, 80]⁴⁰.

Адам Бременский, в свою очередь, переводит *mágr* как «пасынок», хотя, возможно, речь шла о другом узком воплощении категории *mágr*. Появление же слова *peros* может объясняться двояко. Во-первых, это мог быть дополнительный, поясняющий перевод термина *mágr*. Иными словами, Адам знал, что его значение не исчерпывается словом *privignus* «пасынок», но означает и другие родственные отношения, но не знал точно, какие именно. В таком случае он невольно подме-нил пространную и неопределенную характеристику свойства, содержащуюся в этом слове, столь же пространной и неопределенной характеристикой кровного родства младшего по отношению к старшему, содержащейся в латинском слове *peros*.

Если это так, то Адам проявляет — при незнании каких-то фактических реалий — незаурядное языковое и, так сказать, культурологическое чутье, поскольку хотя слова *peros* и *mágr* в некотором смысле противоположны друг другу по значению, они лежат в одной плоскости и эффектно оттеня-ют друг друга. *Mágr* обозначает свойство между мужчинами в самом широком смысле и пренебрега-ет возрастной, поколенческой иерархией. *Peros* же обозначает кровное родство между мужчинами в самом широком смысле, причем родство с иерархической ориентацией — от младшего к старшему.

Не исключено, впрочем, что конструкция *peros an privignus* появляется в тексте по иной причине. Она могла быть вызвана еще бóльшей неточностью сведений, которыми располагал неизвестный нам скандинавский информант Адама Бременского. Возможно, он знал только, что конунг Эймунд Олавссон и Стейнкель были связаны какими-то родовыми отношениями. Не зная наверняка, он указывает два главных полюса этих родовых связей — кровное родство и свойствó. В таком случае он, видимо, мог употребить два соответствующих этим полюсам слова: *frændi* и *mágr*. Адам же перевел первое из них относительно точно, тогда как для второго выбрал одно из его периферийных значений, по-видимо-му, руководствуясь своими представлениями о путях наследования королевской власти.

В то же время нельзя не отметить, что в случаях, когда речь идет о правящих конунгах, «вторич-ная» конкретизация термина *mágr* служит отражением той перспективы видения истории, которая существовала у составителей текста. В «Саге о Хервёре» подход к династической истории выражен вполне определенно:

«...после смерти конунга Эймунда свеи избрали его <Стейнкеля> в конунги. Тогда род древних конунгов утратил королевскую власть в Свитьод»⁴¹.

39 Ср.: «Государил в Упсале конунг по имени Адильс. Он взял в жены Ирсу, мать Хрольва Жердинки. Конунг Адильс шлет посольство Хрольву, своему родичу, чтобы тот пришел ему на подмогу» (*sá konungr réd fyrir Uppsölum, er Aðils hét. Hann átti Yrsu, móður Hrólfis kraka Aðils konúngr sendi boð Hrólfji kraka, magi sínum, at hann kvæmi til liðveizlu við hann*) [SnE, 108; МЭ, 81].

40 В сагах отчим и пасынок также могут быть названы специальными терминами (*stjúpfaðir* и *stjúpsonr*) и выделены тем самым из категории *mágr*. Ср.: «Олав позвал для разговора своих дядьев, своего отчима Лодина и своих зятьев Торгейма и Хюрнинга» (*Pá kallar Óláfr til tals við sik móðurbæðr sína, Loðinn stjúpfaður sinn, mága sína, Þorgeir ok Hyrning*) [Hkr., I, 361; КЗ, 133] или «Конунг Свейн Вилобородый с Олавом Шведским, своим пасынком, и ярлом Эйриком, своим *mágr*ом, были при гибели конунга Олава Трюггвасона, когда они бились при Свельде» (*Sveinn konungr tjúguskegg var at falli Óláfs konungs Tryg-gvasonar með þeim Óláfi sænska, stjúpsyni sínum, ok Eiriki jarli, magi sínum, (er) þeir börduz við Svöldr*) [Knytl., 33]. Характерным образом, однако, в обоих случаях отчим и пасынок включаются в круг людей, связь с которыми приобретена благодаря браку. Действительно, зятьями указанные персонажи становятся именно благодаря браку с дочерью или сестрой конунга. Дядья по материнской линии – это свойственники его отца, а для самого конунга они, с одной стороны, являются кровными родственниками, с другой же стороны, в жесткой перспективе преемственности по мужской линии остаются в некотором смысле «свойственниками».

41 *...en eftir dauða Eymundar konungs tóku Svíar hann til konungs. Þá gekk konungdómr ór langfeðgaætt í Svíþjóð inna fornu ko-nunga* [Herv., 70].

Иными словами, в тексте отрицается преемственность династии, основанной Стейнкелем, по отношению к династии Эйрика Победоносного и Олава Шётконунга, т.е. династии Инглингов. Именно в тексте этой саги говорится, что Стейнкель был женат на дочери Эймунда или, по версии другой редакции, на дочери его брата, Анунда-Якоба. Таким образом, несмотря на то, что Стейнкель был свойственником Инглингов, а его дети были их потомками по женской линии, сага не признает их продолжателями рода древних конунгов.

Здесь проявляется довольно рано сформировавшееся в скандинавской традиции неприятие наследования власти через женщин. Свойственниками конунга, как правило, становились знатные и могущественные люди. В «Саге о Хервёре» Стейнкель охарактеризован именно таким образом:

«Стейнкель был первым ярлом в Свитьод»⁴².

Дети этих *tágr*ов были связаны с королевским родом кровным родством, но подобная связь давала им крайне незначительные властные преимущества.

Сын дочери или сестры правителя мог в результате политической борьбы прийти к власти, но прав на нее у него было немногим больше, чем у любого знатного и могущественного соотечественника. По праву рождения потомку по женской линии принадлежало лишь то, что досталось ему из отцовского рода. Для королевского рода своей матери он, несмотря на кровное родство, оставался, как и его отец, в некотором смысле «свойственником», а не родичем. Разумеется, он не мог унаследовать власть, если у предшествующего конунга оставались законные сыновья или братья. Характерно, что в этом случае права наследника по женской линии во всем уступают даже правам незаконнорожденного сына [Успенский 2001, 43–55].

Не случайно, если власти добивается человек, связанный с королевским домом лишь родством через женщин, речь всегда идет о начале новой династии, хотя в процессе борьбы за власть такой претендент мог всячески подчеркивать свое царственное родство. Так было, например, в случае датского конунга Свейна Эстридссона, и именно так сага трактует ситуацию вокруг шведского конунга Стейнкеля и его потомков.

Итак, с точки зрения саги *tágr* Стейнкель — муж дочери конунга, и, следовательно, его дети не являются продолжателями династии. К XIV в., когда сага была записана, потомки Стейнкеля сошли с политической арены, и у составителя текста не нашлось никаких причин, чтобы возводить их к легендарным Инглингам. Адам Бременский же, характеризующий Стейнкеля как пасынка или кровного родственника Эймунда, по-видимому, уточняет термин *tágr* таким образом, что род Стейнкеля в большей мере наследует роду Инглингов и уж во всяком случае не противопоставлен ему.

Трудно сказать, было ли такое сближение результатом сознательного «удревнения» династии Стейнкеля. Напомним, что Адам был младшим современником этого конунга, и, вероятно, его скандинавским информантам еще важно было продемонстрировать естественный порядок преемственности королевской власти в Швеции. Такая преемственность в отсутствие очевидных наследников могла соотноситься Адамом с непрямым, но кровным родством (*peros*), или — в латиноязычной традиции — с усыновлением (*privignus*).

В сущности, мы не в состоянии сказать о связи между Стейнкелем и Эймундом ничего иного, кроме того, что они приходились друг другу *tágr*ами, хотя ни в одном из дошедших до нас источников этот термин по отношению к ним не применяется. Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства об этом конунге, несмотря на свою лаконичность, позволяют проследить, как эти отношения трактуются в двух разных перспективах. Адам Бременский, автор «Деяний архиепископов гамбургской церкви», и составитель «Саги о Хервёре» сталкиваются с обширным и недискретным семантическим полем термина *tágr*, они подходят к его дешифровке с разными установками и испытывают при этом разного рода трудности. Адам имеет дело с лингвокультурными различиями

42 *Steinkell var fyrst jarl í Svíþjóð* [Herv., 70].

в родовых обозначениях и понятиях родовой преемственности, а составитель саги — с недолговечностью той области родовой памяти, которая не закреплена в языке.

Таким образом, дело в данном случае не ограничивается одним несопадением скандинавской и западноевропейской систем родства. Речь, на наш взгляд, может идти об особом и в то же время классическом примере воздействия языка на действительность. В самом деле, существование унифицирующего языкового конструкта *tágr*, который может обозначать любую родовую связь между мужчинами, возникающую через женщин, казалось бы, не мешает с помощью описательных средств уточнить и определить характер самой этой связи. На протяжении жизни одного-двух поколений для нескольких мужчин не составляло труда установить, что они являются *tágr*ами, потому что один из них женат на дочери другого, или они состоят в браке с двумя сестрами, или кто-либо приходится другому пасынком. Однако когда действующие лица отделены друг от друга сколько-нибудь значительным расстоянием во времени или пространстве, зачастую от их родства остается в памяти лишь то, что напрямую выражено в языке. По-видимому, в устной традиции сохранилось свидетельство о том, что Стейнкель приходился *tágr*ом Эймунду Олавссону, последнему представителю древней династии шведских королей. Различные источники, подхватывающие это свидетельство, могут различным образом сужать и конкретизировать значение термина, невольно порождая тем самым новые трактовки исторических сюжетов.

* * *

На наш взгляд, весьма интересно, что пресловутая недискретность категории свойствá, позволяющая именовать одним словом и «отчима», и «пасынка», «зятя», «тестя» и «шурина», развивается, по-видимому, в историческую эпоху, и развитие это вполне верифицируемо по письменным источникам. Так, слова *svæga* «свекровь» и *snög* «сноха» еще встречаются в «Старшей Эдде». По-видимому, они были известны людям образованным, но употреблялись лишь в редких, так сказать, «культурных» текстах, таких как переложение Ветхого Завета или агиографические сочинения. В сагах же и у скальдов они отсутствуют.

По-видимому, как только категория свойствá становится недискретной в языке, она становится недискретной и в традиционной исторической памяти. С другой стороны, мощный потенциал именно категории свойствá на скандинавской почве существовал изначально: для нее, как мы убедились, было выделено особое пространство в мифопоэтической традиции. При этом в мифе она воплощается исключительно в именах и в имплицитных свойствах их носителей, что лишний раз подчеркивает языковую природу этой категории.

Для родовой перспективы, разумеется, весьма важен конвенциональный характер отношений между *tágr*ами. Иными словами, добровольный, договорной характер этих отношений отчасти противопоставлен природному, неотъемлемому характеру отношений кровного родства. В то же время множество литературных и, по-видимому, житейских сюжетов строится на балансировании между вольным и невольным вовлечением в отношения *tágr* или на обратимости/необратимости однажды заключенного соглашения. В этом смысле отношения свойствá могут приравниваться к отношению кровного родства.

Не следует забывать и о том, что свойствó — категория отчасти синхронная: в следующем поколении оно преобразуется в кровное родство, и «сын твоего зятя» станет «твоим внуком». При этом в родовом мире такое преобразование всегда оставалось неполным. Истинными кровными родственниками являлись лишь родственники по мужской линии. В частности, наследник располагал максимальной полнотой прав в роду своего отца, а не своей матери: «сын сына» явным образом был предпочтительнее «сына зятя» или «сына дочери».

Категория свойствá, таким образом, всегда остается двойственной. В одних случаях свойствó приравнивается или почти приравнивается к кровному родству; в других же случаях прямо ему противопоставляется. Отношения *tágr* являются одним из главных путей освоения мира, своеобразной внешней экспансии индивидуума, который раздвигает рамки собственного рода, рамки кровного родства, действуя, так сказать, родовыми же средствами.

Семья из трех поколений родичей как основная структурная единица древнескандинавского общества и ее этнографические параллели по древнескандинавским и иным источникам¹

Илья Борисович ГУБАНОВ

к.и.н., старший научный сотрудник отдела
европеистики Музея антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской
академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия

ИНФОРМАЦИЮ о структуре древнескандинавского общества можно почерпнуть преимущественно из трех групп источников: во-первых, из средневековых областных законов — правовых сводов, сохранивших многие традиционные черты, во-вторых, из терминологии рунических надписей (в основном поздних надписей на рунических камнях XI столетия), в-третьих, из памятников богатой и во многом чрезвычайно архаичной древнеисландской литературы — главным образом из родовых саг, которые еще называют «сагами об исландцах».

Если стереотипная сюжетика саг очень много дает исследователю для понимания *отношений* коллективов родичей, например, обычая *кровной мести*, выплаты возмещения за убийство или передачи ребенка на воспитание в чужой родовой коллектив для успокоения кровной вражды, порядка ведения народного собрания — тинга и т.п. [Губанов 2004: 19–36], то статьи областных законов и тексты рунических надписей содержат много ценных сведений об основной структурной единице древнескандинавского общества.¹

Таковой являлась семья из трех поколений родичей, живших под одной крышей и имевших общее хозяйство. Собственно, трехпоколенная структура коллектива из живущих под одной крышей родственников лимитировалась сроком жизни патриарха — главы расширенной семьи.

Соответственно, и ближайшими родичами, которых в первую очередь касался долг кровной мести и которые несли основную ответственность в случае кровнородственной распри, получали

или платили наибольшее возмещение за убийство согласно, например, ст. 218–228 норвежского Гулатинга, были члены трех нисходящих поколений по мужской линии (дед — сыновья — внуки) [Vestergaard 1988: 174–180] (женщинам мстить было нельзя, их главная роль в сагах — побуждать мужчин к мести) [Губанов 2004: 12–18, 25–29]. При этом соблюдался принцип оплаты эквивалентным родичам — убийца платил сыну и отцу убитого, брат убийцы — брату убитого, племянник по отцовской линии убийцы — соответствующему племяннику по отцовской линии убитого [Vestergaard 1988: 184].

По норвежским областным законам, коллектив из трех поколений родичей назывался *ætt*, в законах острова Готланд (Гуталаг — «Закон гутов») — *ett*. По Гуталагу, незаконнорожденный сын лишался прав на наследство, если не мог доказать происхождение от трех поколений через отца и мать.

Единство *ætt* закреплялось фундаментом экономической базы. Во владении обширной семьи из трех поколений родичей находилась недвижимость, хуторское хозяйство (например, по ст. 218–228 норвежских законов Гулатинга), которое первоначально нельзя было продавать или делить — *одаль*

¹ Глава из книги И.Б. Губанова «Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества древней Скандинавии. Исследование, тексты и переводы». Печатается с разрешения автора.

(др.-исл. *opal*). Одадь фиксируется в четвертой статье 12 параграфа норвежских законов Фростатинга и в Гуталаге (первая часть, п. 12, 14, разд. 20). В Фростатинге сказано, что земля считалась одалем, если ею владели три нисходящих поколения родичей. В таком случае в состав *aett* включался правнук патриарха, имевший законное право на хутор и землю одаля [Vestergaard 1988: 177–178; Fsl. XII, 4]. У гутнийцев *ett* напрямую отождествляется в Гуталаге с *apal gutnisk*, что подчеркивает их неразрывную связь — главной ячейки социальной организации и ее собственности и экономической базы [Vestergaard 1988: 177–178; GL I, ch. 20, п. 12b, 14]. В этих же законах сказано, что незаконнорожденный сын (гутн. *Þysun*) мог получить право на наследство, лишь доказав свое происхождение от трех поколений гутнийцев через отца и мать, то есть свою принадлежность к *эмму* [Губанов 2004: 13].

Как правило, расширенные патрилокальные семьи в Скандинавии держали свой одадь, передающийся от отца к сыну, от поколения к поколению, издавна. Даже в общенорвежском своде *Landslov конунга Магнуса Хаконарсона* 1274 г., согласно которому уже достаточно было обладать землей 60 лет, чтобы получить право на одадь, «сохранился термин, указывающий на первоначальный порядок обладания одалем, — *til haugóðals at telia*: право одаля, которое может быть доказано путем перечисления предков, владевших этой землей, вплоть до времени, когда хоронили в курганах, т.е. в языческие времена. Поэтому даже в более позднее время, когда возникла тяжба из-за обладания одалем, ее выигрывал тот, кто мог проследить свою родословную «вплоть до курганов и язычества» (*till haugs ok till heiðni*)» [Гуревич 2009: 332].

Итак, в традиционном древнескандинавском обществе одадь должен был оставаться в собственности этта на протяжении долгих поколений, землю одаля нельзя было продавать. Неделимость одаля прекрасно иллюстрирует пассаж из исландской родовой «Саги о Гисли, сыне Кислого». Один брат получает в наследство от отца одадь, а другой — движимое имущество. А.Я. Гуревич полагал, что безземельные братья поступали в корабельные дружины предприимчивых вождей, немало стимулируя походы викингов за богатством и славой. Как бы то ни было, наследование одаля в «Саге о Гисли» — достаточно типичная ситуация: «*Þorkell mælti: «Fyrir því at ek beiði skiptis*

þá skaltu hafa bólstað ok föðurleift okkar en ek skal hafa lansafé» <...> Sva lauk at Gísli skipti en Þorkell kaus lausafé en Gísli hefr land» — «Торкель сказал: «Так как я предлагаю тебе раздел, то у тебя будет место длинного дома и наше отчее наследство, а я буду иметь движимое имущество». Тем и кончился раздел Гисли, что Торкель выбрал движимое имущество, а Гисли — землю» [Губанов 2004: 16].

Члены *эмма* — главные получатели и платильщики платы за убийство родича — именуется в областных норвежских законах особыми терминами, что подчеркивает монолитность этой организующей социум группы. Члены патрилокальной расширенной семьи из трех поколений называются в Гулатинге и Фростатинге «людьми (платы) колец (род. п., мн. ч.)» — *bauggildismenn* или *baugamenn*. В связи с этим словом возникает масса ассоциаций, связанных с древнегерманскими реалиями. Др.-исл. *baugr*, др.-англ. *beaga* — «кольцо, изогнутая вещь» — представлял собою наручный браслет из драгоценного металла, являвшийся не только материальной, но и сакральной ценностью, выступая мерилем славы и удачи. Военный предводитель — *конунг* — наделял кольцами своих дружинников на пиру, отсюда его эпитет в древнеанглийском эпосе «Беовульф» — *beaga brytta* — «кольцо ломатель (делитель, надельитель)». Вероятно, некогда и вергельд выплачивался патрилокальной расширенной семье, этим «кольцелюдям», в виде ценных браслетов или их частей.

В норвежских законах существовали специальные термины, охватывающие более удаленный круг родичей за пределами патрилокальной расширенной семьи. Важно подчеркнуть, что в отличии от *эмма* и его «людей колец», эти родственники не воспринимались как члены структурной ячейки общества. Доля вергельда выплачивалась ими (или, соответственно, шла им) как отдельными персонами, «с носа», поэтому они и называются в Фростатинге *носоплательщиками* — *nefgildi*. Второе место по размеру вергельда принадлежало *большим носоплательщикам* — *mikla nefgildi*, которыми считались не столь дальние мужские родственники через женщин: отец матери, сын дочери, брат матери, сын сестры, сын брата матери, сын сестры отца, сын сестры матери. Наконец, еще меньшую виру выплачивали и получали малые носоплательщики — *litla nefgildi* — более дальние мужские родичи через женщин: внук — сын дочери дочери, сын дочери сестры,

сын дочери брата матери, сын дочери сестры отца, сын дочери сестры матери, сын дочери сына, сын дочери брата [Vestergaard 1988: 182–184; Fsl VI].

Особенно важно подчеркнуть, что расширенная патрилокальная семья как базовая ячейка древнескандинавского общества поддерживала свое существование на наследственном хозяйстве — «отчине, родине (предков), (благородном)» одале, кормясь с него и составляя с ним нерасторжимое целое, выражавшееся в единстве связанных с этим и одалем понятий и образов. Как писал А.Я. Гуревич:

«Человек и его семейная группа неотделимы от наследственного земельного владения. Как повествует «Сага о Стурлунгах», когда Снорри Стурлусон вознамерился переселиться из своей усадьбы Борг в Рейкьярхольт, одному из домочадцев приснился предок Снорри, великий скальд Эгиль Скаллаgrimsson, выразивший свое неудовольствие тем, что представитель его рода бросает старое семейное достояние; из его слов явствует, что своим поступком Снорри проявляет пренебрежение к земле, на которой он и весь его род преуспевали, господствуя над окружающим населением. Пренебрежение по отношению к владению предков! В высшей степени показательное выражение: отчина, земля рода не мыслится как инертная материя, безразличный объект; люди испокон веков, «со времен языческих курганов», живут на ней, и «сила земли» как бы вливается в них, давая им могущество и преуспевание. Заслуживает всяческого внимания и термин *frændgafdr* («усадьба сородичей»), который был применен тем же Эгилем в поэме «Утрата сыновей»: гибель сородичей воспринимается как невосполнимая брешь в ограде, которой уподоблен круг родственников. *Gafdr*, «двор», — это и есть родственный коллектив! <...>

Но понятие «одадь» имело отношение не только к земле, оно было родственно группе понятий, выражавших в германских языках прирожденные качества, благородство, родовитость, знатность лица (*aðal*, *ædele*, *edel*, *eðel*, *adel*, *edila*). Ссылаясь на длинную и славную родословную, человек одновременно доказывал и свою знатность и свои права на землю (еще раз вспомним об *öðlingar*), так как по сути дела одно было неразрывно связано с другим, и одадь представлял собой не что иное, как родовитость человека, перенесенную на земельное владение и укорененную в нем. *Aðalborinn* («человек благородный») был синонимом *odalborinn*

(«человек, рожденный с правом наследования и владения родовой землей» [Гуревич 2009: 336].

Близкое типологическое сходство с древнескандинавской обнаруживает традиционная структура древнеирландского общества согласно раннесредневековым законам кельтской Ирландии. Основной ячейкой традиционного общества ирландцев была патрилокальная расширенная семья из четырех нисходящих поколений родичей, потомков общего прадеда, которая именовалась *derbfine* и сообща владела землей. Землю эту, аналог древнескандинавского одаля, нельзя было продавать или делить, имение передавалось из поколения в поколение как собственность *derbfine* [Диллон, Чедвик 2002: 124]. Если к этому присовокупить фиксацию в древнеирландских законах вергельда или виры, которая здесь называлась *dire* или *эпук* и у кельтов Ирландии измерялась в соответствии с ценой чести (*lóg n-enech*, *eneclann*) потерпевшего, практику регулярных народных собраний-празднеств (*oenach*), наличие в раннесредневековой Ирландии наделенных и сакральным статусом военных вождей различного ранга (*rí*), самые мелкие из которых возглавляли небольшие территории, именуемые туатами (ср. др.-англ. *þeod*, др.-исл. *þjod* — «народ»), то ясно, что аналогия будет почти полной. Следует отметить, что основной структурной ячейкой древнегреческого гомеровского общества (IX–VIII вв. до н.э.) также была патрилокальная расширенная семья. Там тоже патриарх и его взрослые сыновья жили под одной кровлей, это объединение мужских родичей, их жен и детей называлось *о́йкосом* [Андреев 2004: 234–264]. Подобные факты, на мой взгляд, свидетельствуют вовсе не о заимствованиях и даже не о сохранении архаичной структуры индоевропейского общества (хотя это, конечно, и так). Мне представляется, что исландское и ирландское общества были гораздо ближе к древнеиндоевропейскому, чем, скажем, древнеиндийское. Скорее, речь идет о демонстрации универсалий структур традиционных обществ.

Расширенные за пределы нуклеарных семьи — достаточно распространенный случай в традиционных обществах. Причем, как отмечалось исследователями, не следует придавать слишком уж большое значение традиции счета родства по мужской или женской линии [Попов 2000: 17]. Более сходства наблюдается, когда речь идет

о локальности, то есть совместном проживании на определенной территории, и расширенном характере родового коллектива, состоящего из нескольких поколений родичей и их супругов. Так, в Западной Африке соблюдался матрилинейный счет родства, однако и здесь коллектив прямых потомков женщины из трех нисходящих поколений, называвшийся *яфуну*, непосредственно распоряжался землей, он представлял собою часть более крупного коллектива *абусуа* из 4–5 поколений, имевшего право собственности на землю. Члены *абусуа* проживали совместно, а руководил им, несмотря на матрилинейный счет родства, пожизненно выбранный мужчина — *абусуапанин* (*панин* — «старший»). Он выполнял целый ряд важнейших лидерских функций в этом традиционном обществе: «Он являлся хранителем и распорядителем земель и другой собственности, организатором совместных мероприятий (похорон, праздников), арбитром в спорах между членами *абусуа*, а также представлял интересы своей *абусуа* в совете старейшин деревенской общины, в который входили главы всех ее *абусуа*. Как представитель предков, он совершал ритуалы, связанные с почитанием предков, которые считаются настоящими хозяевами земли и гарантами благосостояния живущих членов *абусуа*. Управлял *абусуапанин*, советуясь со старейшими членами своей *абусуа*, а главной его помощницей была *обаапанин* (как правило, сестра *абусуапанина*), в функции которой входило руководство делами женской части *абусуа* (браки, разводы, роды и т.д.) [Попов 2000: 20].

Дж.П. Мердок в своем классическом труде по формам социальной организации традиционных обществ отмечает, что коллектив родичей древнескандинавского типа, названный им *патрилокальной расширенной семьей*, — чрезвычайно распространенный тип социальной организации в различных традиционных обществах. Теоретическая возможность существования неопределенно долгое время, экономическая база в виде передаваемой по наследству недвижимости и большая степень защиты относительно многочисленного коллектива родственников (и их челяди — *трэлей* древнескандинавского мира) — вот те факторы, которые делали этот тип социальной организации столь жизнеспособным и географически распространенным, как о том писал Дж.П. Мердок:

«Расширенные семьи состоят из трех и более поколений и характеризуются неограниченным периодом существования. В обществах с независимыми нуклеарными или независимыми полигамными семьями брак создает новую семью прокреации и перемещает обоих супругов (если не физически, то всегда социально) из их семей ориентации. Однако в рамках расширенной семьи только один из супругов разрывает связи со своей семьей ориентации. Другой/ другая остается в собственном доме, где к нему/к ней присоединяется его/ее супруг/супруга, и через него/нее его/ее семья прокреации оказывается связанной с его/ее семьей ориентации в единое семейное целое. Поскольку этот процесс обычно повторяется в каждом поколении, соответствующая расширенная семья приобретает постоянное существование во времени. Это постоянство во времени, характеризующее расширенную семью в отличие от других форм семейной организации, объединяет ее в один класс относительно постоянных социальных образований с унилинейными родственными группами и общиной <...> Некоторые факторы, связанные с отношениями собственности, по-видимому, способствуют постоянству существования семьи во времени и таким образом содействуют развитию той или иной формы расширенной семьи. Там, где у людей нет практически никакого имущества или оно легко перемещается, отношения собственности не требуют постоянства существования семьи. Однако там, где главными объектами собственности становятся возделываемая земля, большие постоянные дома, места рыбной ловли, пастбища и иная недвижимость (в особенности если наиболее эффективная единица экономической кооперации превышает по размерам нуклеарную семью), каждая новая семья прокреации будет иметь тенденцию сохранять самые тесные отношения с семьей ориентации того из супругов, кто может рассчитывать на наследование недвижимого имущества. Таким образом, возможно, преобладающие формы собственности и способы наследования имущества могут быть факторами развития в обществе определенных форм расширенной семьи <...> Линтон рассматривает супружескую семью как изначальную семейную форму, связывая развитие кровнородственной семьи с целым рядом имманентных адаптивных преимуществ.

К ним он причисляет постоянство ее существования, возможности, которыми она обладает в плане раннего развития социально адаптивных навыков, большую численность ее членов, а следовательно, более высокий потенциал кооперации, преимущества в отношении ухода за престарелыми, в плане самообороны, ее большую приспособленность в качестве гаранта имущественных прав и социального статуса» [Мердок 2003: 56, 60, 66].

Впрочем, вопрос о влиянии экономических факторов на формирование локальной расширенной семьи сложен и однозначно не решается. Безусловно, хуторская передаваемая по наследству недвижимость в виде древнескандинавского *одаля* была весьма значимым экономическим фактором, обеспечивавшим стабильность *aett* во времени и патриархальный характер древнескандинавского общественного организма. Однако некоторые гораздо более архаичные социальные формы демонстрируют определенное сходство с *aett* (при наличии, разумеется, существенных различий). Так, линидж австралийских *аранда* также состоял из трех нисходящих поколений родичей, управлялся патриархально и включал около 50 человек. Хотя в линидже, в этом архаичном обществе охотников и собирателей, кочующих по территории своих мифологических «первопредков», вероятно, линейное родство еще не осознавалось, его замещало осознание реинкарнации первопредков в ныне живущих членах линиджа. Соответственно, иным у австралийских аборигенов было восприятие времени, как пишет П.Л. Белков:

«Генеалогия является древнейшей категорией линейного времени и, кажется, совершенно чужда мифологическому сознанию. Вероятно, первоначальным импульсом возникновения линейности, т.е. четкого выделения патрилинейных или матрилинейных групп, явился переход к оседлому образу жизни (территориальная устойчивость социальных группирований предполагает разграничение линий наследования). И поскольку реинкарнационное родство аморфно в плане выделения линий происхождения, то в момент перехода к примитивному земледелию или его структурным аналогам общество может «застыть» в любой форме счета происхождения: патрилинейной, матрилинейной или билинейной <...> В известном смысле проблема классификационных систем родства

имеет довольно простое графическое решение. Рассматриваемые системы необходимо представлять не в виде вертикальных линий, а в виде сети локальных тотемических центров, на «линии глаза» — как мифологический путь предков. Как пишет В.В. Бочаров, в форме реинкарнации первобытная интуиция фиксирует цикличность событий. Однако сама реинкарнация в данном случае является категорией не времени, а социального пространства» [Белков 2004: 223, 224].

Как бы то ни было, в древней Скандинавии уже по крайней мере со времен Тацита, вероятно, система расширенной патрилокальной семьи была неразрывно связана с передаваемой по наследству неделимой недвижимостью — *одалем*. Теоретически и неделимый одал, обеспечивающий патрилокальную расширенную семью средствами к существованию, и его владельцы, три поколения родичей, совместно проживающие в длинном доме, эти структурообразующие и в значительной мере самодостаточные экономический и социальный организмы, могли существовать сколь угодно долго в эстафете поколений. Однако внешние факторы, прежде всего экспансия феодальной культуры и общественной иерархии из континентальной Европы, прервали традицию и разрушили традиционное древнегерманское общество.

Необходимо отметить, что при всей универсальности организации родичей древнескандинавское общество демонстрирует и некоторые существенные особенности, определяющие его своеобразие. Главное отличие традиционных обществ индоевропейцев железного века, в том числе и древнескандинавского, от более распространенной по Земному шару модели, когда важные для коллектива решения (в том числе и по урегулированию кровнородственной вражды) принимаются советом старейшин, состоит в следующем: определяющую роль здесь играет народное собрание. Тинг был главным институтом общинной организации древних германцев. Возможно, подобное народоправство, называемое некоторыми «военной демократией», явилось следствием именно освоения общедоступных железных орудий и оружия. Например, важным фактором, вероятно, стало всеобщее вооружение мужского населения достаточно эффективным оружием со времен раннего железного века. Тут можно спроецировать на древность афоризм о том, что

«Бог создал людей, а Кольт (и его револьвер) сделал их равными», — ту же роль защиты суверенитета личности сыграли топор, копье и меч свободных общинников железного века. Заметим в этой связи, что античный протополис времен архаики демонстрирует общественную структуру, сходную с древнеисландской и древнеирландской [Андреев 2004: 331–362; Ольгейрссон 1957].

О сходстве древнеисландского общества и архаического города-государства писали в XIX в. шотландский медиовист Уильям Патон Кер и в наше время американский исландист Джесси Байок. Так, У.П. Кер в своей книге «Темные века» заметил, что «несмотря на свои весьма внушительные размеры, Исландия всегда оставалась во многом похожей на город-государство. Ее не слишком многочисленное население, хотя и было рассеяно, не было раздроблено, и четыре четверти Исландии с такой же страстью интересовались делами друг друга, как разные кварталы Флоренции. В сагах, где нет ничего важнее, чем частные дела частных людей, и где все сколько-нибудь значительные люди хорошо знакомы друг с другом, поездка из Городища [на юго-западе острова] в Островной фьорд [на севере] представляла собой не более чем поход в гости к соседу, когда заодно по дороге заходят еще и к паре других. Разные концы острова, удаленные друг от друга географически, социально находятся на одной улице. Не лежит на Исландии эта тень безличных людских масс и безымянных сил, пролагающих в других странах непреодолимую пропасть между историей и биографией» [Ker 1958: 200–201], (цит. по: [Байок 2012: 338]). Следует обратить внимание на определение Джесси Байока, особенно на его слова о «зачаточной стадии» «города-государства» — это привязывает модель к исторической перспективе, в которой можно рассматривать процесс эволюции индоевропейских обществ железного века от состояния, сходного с древнеисландским, к античному полису. Джесси Байок пишет: «Общество, хотя и рассеянное по просторам огромного острова, не дробилось на регионы, а было едино. Везде действовали одни и те же правовые и законодательные институты. Иначе говоря, можно назвать Исландию эпохи народовластия городом-государством в зачаточной стадии» [Байок 2012: 337].

Как мне представляется, совершенно справедливо высказанная впервые Г. Чайлдом в 1942 г. идея

о «демократизирующем» влиянии технологий железного века на сельское хозяйство, ремесленное производство и военное дело [Childe 1942: 183; Чайлд 1949: 76–77]. Как писал Ю.В. Андреев: «Освоение основных приемов выплавки и обработки железа в течение субмикенского (СМ) и протогеометрического (ПГ) периодов приблизило источники сырья к потребителю и тем самым позволило переориентировать всю греческую металлургию на внутренние ресурсы, сделав излишними систематически практиковавшиеся в микенскую эпоху далекие и дорогостоящие экспедиции за металлом. Резкое удешевление металла сделало его практически общедоступным. В связи с этим должны были сильно расширяться производственные возможности основной хозяйственной ячейки тогдашнего греческого общества, которой была, по всей видимости, патриархальная семья. Благодаря железным орудиям труда, более дешевым и вместе с тем более эффективным в работе, семья начинает постепенно высвобождаться из-под контроля более крупных общественных организмов <...> и превращается в тот автономный оikos, с которым нам еще придется столкнуться на страницах гомеровских поэм» [Андреев 2004: 95, 98].

При этом, конечно, следует помнить, что, вопреки мнению некоторых романтически настроенных публицистов, древняя индоевропейская община железного века при всем своем демократизме вовсе не была сусальным образцом всеобщего лада и согласия, где решения принимались в «соборном» согласии, а собственность на землю была коллективной. Еще в конце XIX столетия выдвинутая Лавеле, Риджуэем и Эсмейном т. наз. «общинная теория», постулирующая наличие в древности коллективной собственности общины на землю как естественной, закономерной и продолжительной общественной стадии, вызвала немедленную резкую критику почти всех крупнейших авторитетов европейской науки, объединившихся под лозунгом «извечности и незыблемости принципа частной собственности» (хотя бы в форме неделимой собственности живущего совместно ограниченного коллектива родителей и их супругов) [Андреев 2004: 214]. На самом деле главной ячейкой индоевропейского общества железного века была патрилокальная расширенная семья, которой и принадлежала неделимая собственность. Общинные сходки, подобные скандинавскому тингу или собранию древних греков

гомеровского времени на агоре, главным образом выполняли функцию урегулирования кровной вражды между патрилокальными расширенными семьями. Зачастую они превращались в ожесточенные схватки между противоборствующими сторонами — семьями убитого и убийцы, их дальними родичами и поддерживающими стороны представителями родовой знати. Часто более слабую сторону перекрикивали или оттесняли, нередко дело доходило до открытого сражения. Тем не менее выступающим на народном собрании следовало хорошо знать традиционные законы кровнородственного общества и говорить в соответствии с определенной процедурой. Очень хорошо противоречивость народоправства традиционных индоевропейских обществ на материале гомеровского общества показал Ю.В. Андреев. Он, в частности, писал:

«Морган недооценивает силу действующих в этом обществе изоляционистских, центробежных тенденций, превращающих каждый гентильный коллектив в самодавящий замкнутый мирок, враждебный всему остальному миру. Отнюдь не братская солидарность и мирное сотрудничество являются основными факторами, направляющими внутреннее развитие варварской общины. Всякому, кто изучал родовой строй, <...> будь то общество исландцев эпохи независимости или кавказских горцев, монголов дочингисхановского периода или шотландских кельтов, хорошо знакомы такие явления, как кровная месть, передающаяся из поколения в поколение, опустошительные межродовые войны из-за земли и пастбищ для скота, наконец, бесконечное соперничество и борьба за власть и престиж между родовыми вождями. Общество греков гомеровского периода едва ли составляет в этом смысле какое-то исключение из общего правила и, конечно, не может претендовать ни на особенное миролюбие, ни на из ряда вон выходящее чувство коллективизма и товарищеской спайки. Узы кровного родства, связывающие гомеровского героя с его семьей и родом, значат для него гораздо больше, чем гражданская солидарность. Даже в душе Гектора, этого стойкого и, казалось бы, бескомпромиссного патриота, жертвующего жизнью ради города и сограждан, голос крови в отдельные моменты все же пересиливает чувство долга перед общиной. Об этом свидетельствует хотя бы его молчание в ключевой сцене собрания на

троянской агоре (Il. VII, 345 sqq.). Подобно всем остальным Приаидам, Гектор не оказывает никакой поддержки Антенору, предлагающему выдать Елену ахейцам, и не пытается урезонить совершенно зарвавшегося Париса, хотя одно его слово, вероятно, могло бы решить исход прений. Вообще род в понимании Гомера противопоставлен общине как враждебная сила, разлагающая ее изнутри, а иногда даже ведущая к гибели. Опираясь на поддержку и сочувствие родичей, человек может решиться на самое тяжелое преступление. Одиссей говорит, обращаясь к пирующим в его доме женихам (Od. XVIII, 139 sq.): «Некогда и я кичился своим богатством среди людей и много совершил незаконного, подстрекаемый силой и властью и полагаясь на отца и братьев моих». Эти слова звучат прямым намеком на то, что за спиной женихов стоят их родители и старшие братья, которые своим попустительством, а может быть, и прямым наущением толкают их на разбойные дела <...>. Тайное становится явным в финальной сцене поэмы. Речь Евпейта, призывающего отомстить за погибших женихов, находит бурный отклик в сердцах собравшихся на площади итакийцев. Механизм кровной мести срабатывает безотказно, и собрание в мгновение ока раскалывается на две враждебные партии (Od. XXIV, 463 sqq.)» [Андреев 2004: 351–352].

В знаменитой исландской «Саге о Ньяле» содержится много ярких описаний собраний древнегерманского тинга. Например, повествуется о том, как вовлеченные в кровную вражду стороны передают решение дела на усмотрение тут же, на тинге, делегированных сторонами третейских судей, которые назначают возмещение — громадный вергельд, и даже сами обязуются уплатить львиную его долю на благо общинного мира. Однако вергельд не устроил потерпевшую сторону, распря возобновилась. У этой истории трагическая развязка — патрилокальная расширенная семья убийц (сыновей Ньяля) и сам патриарх, почтенный Ньяль, с супругой гибнут на своем хуторе, в своем длинном доме, подоженном кровниками во главе с Флоси. Сожжение в доме уже считалось тяжким преступлением. Таким образом, мы видим, что от реальной жизни традиционной общины до образа пасторального «общинного лада» было очень далеко.

История Йоля, Охота Одина и козёл Тора

Анастасия ТИШУНИНА

Статья первоначально опубликована
в паблике «Библиотека викинга»:
https://vk.com/biblioteka_vikinga

История Йоля

Праздник, во многих странах называемый Рождеством, в скандинавских странах носит название в честь дохристианского традиционного праздника Йоля, например, jól по-исландски или jul по-шведски. Исландский политик и историк Снорри Стурлусон, живший в 1179–1241 годах, в своём труде «Круг Земной» описывает, как викинги отмечали этот праздник. По его мнению, языческий Йоль изначально отмечался в середине января, но в X веке дата празднования была передвинута поближе к христианскому Рождеству. В «Саге о Хаконе Добром» об этом сказано так:

«Хакон конунг был хорошим христианином, когда он приехал в Норвегию. Но так как вся страна была тогда языческой, и жертвоприношения — в обычае, а в стране было много влиятельных людей, в поддержке которых, как и в любви всего народа, он очень нуждался, он решил скрывать свое христианство. Однако он соблюдал воскресенья и постился по пятницам. Он сделал законом, что Йоль должен был начинаться в то же время, что и христианское рождество. Каждый должен был тогда варить пиво из меры зерна под страхом денежного взыскания и праздновать, пока хватает пиво. А раньше Йоль начинался в ночь на середину зимы и продолжался три дня».

Существует предположение, что древнескандинавский Йоль отмечался в канун зимнего солнцестояния и, таким образом, был праздником рождения солнца. Можно спорить о том, насколько современные традиции празднования совпадают с древними, но совершенно точно, что и сейчас между ними остаётся много общего. Христианские и языческие традиции смешались воедино, и из этой смеси родилось сегодняшнее традиционное шведское празднование Рождества-Йоля.

Значение Рождества сегодня

Для многих людей этот праздник прочно связан с определёнными традициями, которые не хочется нарушать. Праздник дарит чувство единения с семьёй, приносит радость и свет среди декабрьской тьмы — и так было в течение многих веков, хотя, конечно, форма его со временем изменялась. Современное празднование Рождества в скандинавских странах можно несколькими способами связать с древнескандинавским Йолем.

Дед Мороз — это бог Один?

Отголоски древнескандинавского праздника продолжают жить в сегодняшнем Рождестве. Украшенная игрушками ёлка, застолье со множеством блюд, подарки и томтен (шведский Дед

Мороз) — одни из самых важных элементов праздника. Но и другие символы, такие как рождественский козёл (шв. julbock), рождественская свинья и рождественский носок для подарков, относятся к древнескандинавской эпохе и Йолю.

Традиционный рождественский козёл из соломы

Рождественский козёл в виде декоративной фигуры из соломы или из дерева часто украшает шведские дома и ставится под ёлку. Предполагается, что это образ козлов Тангниостра и Тингриснира, которыми была запряжена колесница бога Тора. Есть также версия, что образ рождественского козла возник из-за традиционного забоя коз перед Рождеством. Если вернуться к «Саге о Хаконе Добром», то там упоминается, что «по древнему обычаю, когда предстоял жертвенный пир, все бонды должны были собраться туда, где стояло капище, и принести припасы, которые нужны во время жертвенного пира. На этот пир все должны были принести также пива. Для пира закалывали всякого рода скот, а также лошадей».

Образ jultomte от шведской художницы Jenny Nyström, конец XIX века

Согласно легендам, бог из рода асов Один в канун каждого Йоля выезжал на охоту на своём восьминогом коне Слейпнире. И дети в домах, над которыми он пронёсся, выставляли для него за порог сапоги, набитые соломой, а тот взамен оставлял им в сапогах подарки. Также рассказывается, что Один со своими свирепыми волками Гери и Фреки гонялся по небу за злыми силами, разгулявшимися в зимней тьме. Вот откуда пошла традиция класть подарки в специальные рождественские носки — они, видимо, со временем заменили сапоги.

Тёмное время года: осень и зима

Охота Одина, также называемая Дикой Охотой, — это легенда из шведского фольклора, которая со временем меняла свой смысл. Она сохранялась в Швеции в качестве живой традиции очень долго, вплоть до XIX века люди рассказывали друг другу о его похождениях тёмными осенними и зимними вечерами. Судя по всему, это был некий природно-мистический миф, с помощью которого средневековые скандинавы объясняли себе суть природных явлений.

Когда деревья шумят и скрипят зимними вечерами, когда тревожно кричат птицы или завывают волки — это Один выезжает на охоту. Представления о том, на кого он охотился, менялись в зависимости от исторической эпохи. В далёкой древности Один изгонял злые силы, бродящие вокруг людей в темноте.

Христианство демонизировало образ Одина

С укреплением христианской веры образ Одина в легендах становится всё более зловещим. Его верные спутники, волки Гери и Фреки, превращаются в адских гончих с пылающими глазами и огненно-красными языками. Появляются рассказы о том, что Один входит в дома христиан и отбирает у них хлеб. А в это время собаки и скотина, услышав его поступь, визжат от ужаса и стараются забиться в угол. Также рассказывалось, что некоторые люди заключают договоры с Одином, поступают к нему в услужение ради золота, отдают ему свои души. По всей видимости, на Скандинавию повлияли представления из других европейских стран, где считалось, что дьявол неустанно охотится за человеческими душами.

Йольские традиции в Скандинавии

«Йоль» было древнескандинавским словом, обозначающим зимний праздник. Согласно исландским сагам, викинги праздновали несколько ночей подряд, распивая напитки в честь богов. Они могли проделывать долгие путешествия, чтобы встретить этот праздник вместе с другими людьми. Некоторые блюда, которые скандинавы сейчас едят во время Йоля, по всей видимости, были популярны ещё в Эпоху викингов.

Разные вариации хлеба *såkaka*

Например, они выпекали для украшения праздничного стола хлеб круглой формы под названием «Såkaka» — эта традиция, вероятно, возникла даже раньше Эпохи викингов. Хлеб принято было декорировать различными узорами, в каждой семье был свой собственный стиль украшения. Считалось, что этот хлеб имеет магическую силу и способен обеспечить богатый урожай в наступающем году. Есть свидетельства того, что иногда этот хлеб не употреблялся в пищу, а сохранялся до весны и затем закапывался в землю перед началом посева. Традиция есть в канун Рождества яблоки и орехи, возможно, также зародилась ещё в Эпоху викингов, потому что запасы этих продуктов легко можно сохранить до зимы. И сегодня важным блюдом на рождественском столе в каждой шведской семье остаётся *julskinka* — свинина. Здесь можно вспомнить о кабане Сэхримнире, которого каждый день забивали и поедали воины в Вальхалле, и каждый день он воскресал заново.

Как и сегодня, люди в Эпоху викингов в канун Йоля собирались вместе с друзьями и родственниками, наслаждались весёлыми беседами, вкусной едой, произносили тосты и дарили друг другу подарки.

Источники:

1. *Royal Posters | Julens historia: Så lever den fornnordiska högtiden Jól (Yule) kvar*
2. *Royal Posters | Odens jakt — en sägen från folktron*
3. *Såkakan och andra magiska juligheter | Institutet för språk och folkminnen*

Валун-великан: путешествие к каменному исполину Новгородской области

Алексей ГЛАЗАЧЕВ

ПРИЗНАЮСЬ честно: я давно питаю слабость к большим камням. За плечами уже несколько десятков посещённых почитаемых камней России — от валунов в средней полосе до суровых каменных исполинов Русского Севера. Конечно, в Карелии и на Кольском полуострове камней намного больше, и громадными валунами там никого не удивишь — ледник щедро рассыпал их по северным землям. Но по меркам Новгородской области камень, к которому я отправился в этот раз, можно смело назвать гигантским.

Находится этот каменный исполин в Волотовском районе Новгородской области. И уже в самом названии района кроется подсказка. Согласно словарю Даля, «волот — (от волоть, волокно? от великий? от волость, мугута, сила?) гигант, великан, могучан, магыть, могут, южн. велетень; богатырь, человек необычайного роста, а иногда и силы. В волотах сказочных, в богатырях, сила соединяется с ростом и дородством; остатки их народ видит в костях допотопных животных, а в сиб. говорят, что целый народ волотов заживо ушёл в землю».

В народных сказаниях и былинах волоты — это древние великаны, что жили на земле в незапамятные времена, двигали горы и швыряли валуны, как мы камешки. Они строили города одним взмахом руки и могли остановить реку, преградив ей путь своим телом.

Не случайно, наверное, именно в Волотовском районе покоится такой огромный камень. Словно сама земля хранит память о тех временах, когда по ней ходили великаны.

Расположен наш герой рядом с деревней, носящей незамысловатое и максимально точное

название — Камень. Найти дорогу несложно: от основной трассы отходит хорошая укатанная грунтовка, по которой летом без проблем проедет любая машина. Мы оставили автомобиль у деревни и отправились к валуну пешком.

Путь занял минут десять, не больше, и это действительно дорога, по которой приятно пройти. Тропа вела через поле, и с каждым шагом открывались всё новые просторы типичного новгородского пейзажа — мягкие холмы, перелески вдаль, высокое небо. И огромное количество цветущей валерианы!

На пути к камню расположен информационный стенд, согласно которому советская археологическая экспедиция, исследовавшая этот валун,

определила его как камень-следовик, и на его поверхности был обнаружен след от огромной человеческой ноги. К сожалению, мне не удалось найти информации об этой экспедиции, но в центре камня действительно есть углубление длиной в человеческий рост со следами костра. Насколько оно похоже на отпечаток следа, мне судить сложно, при определенной доле воображения — да, похоже. Хорошо бы, если кто-то из читателей сделал бы фото камня с квадрокоптера, тогда можно было бы сказать более определенно.

Второй стенд сообщает, что у камня издревле проводились народные гуляния в день летнего солнцестояния и эта традиция жива и по сей день — люди приходят сюда отметить самый длинный день в году, почувствовать связь с предками, прикоснуться к древней силе земли.

Существует местная легенда, что в XIX веке на камне останавливался цыганский табор. Представьте себе эту картину: костры, песни, танцы на древнем валуне под звёздным небом. Возможно, кочевники чувствовали особую энергию этого места и выбирали его для своих стоянок неслучайно.

Рядом с камнем стоит беседка, и нам повезло встретить там местных жителей, две пожилые пары, которые устроили пикник на июльской природе. Они оказались достаточно приветливыми и охотно поделились воспоминаниями. Оказывается, раньше на камне танцевали — да-да, именно на камне! — сразу несколько пар. Валун настолько велик, что его плоская вершина

Тот самый след волота

служила своеобразной танцплощадкой под открытым небом.

Представляю, какое это было зрелище: люди в праздничных нарядах, гармонь, смех и пляски на древнем камне, помнящем ещё ледниковый период... И это было не тысячи лет назад, а буквально вот только что по историческим меркам.

Общий вид на камень

Счастливым автор фото и статьи

Я подумал, что будет красиво и хорошо, если традиция танцев на камне сохранится и продолжится, как такой мостик из прошлого в будущее.

Когда мы наконец увидели валун вживую, мы действительно были просто поражены. Скажу честно, мой восторг в основном состоял из неприличных слов. :) Фотографии не передают его масштаб. Это не просто большой камень — это настоящий каменный остров посреди земли. На камень ведёт лестница, так что забраться на него не проблема, по крайней мере в 2025 году.

Впечатление он производит очень приятное, я бы даже сказал — умиротворяющее. На валуне невероятно приятно находиться. Ручей обтекает его с трех сторон, создавая ощущение полной обособленности от мира. Стоишь на камне

и чувствуешь себя как на средневековом замке или как на острове посреди моря. Вода журчит вокруг, шумит трава на берегах, и кажется, что время здесь течёт иначе.

От камня исходит какая-то приятная, спокойная сила. Не давящая, не тревожащая — а именно умиротворяющая, будто древний валун делится с тобой своим многотысячелетним покоем.

Старожилы рассказывают ещё одну легенду. Говорят, что это не просто камень, а окаменевший великан-волот. В незапамятные времена, когда боги ещё ходили по земле, один из волотов согрешил — то ли гордыней, то ли ослушанием. И был он обращён в камень до тех пор, пока не наступит последний день мира.

Поднимется великан только тогда, когда боги сойдутся с дьяволами в последней битве. Тогда земля содрогнётся, камень треснет, и древний волот встанет во весь свой рост, чтобы занять своё место в битве между светом и тьмой. А пока он спит, храня покой этих земель и напоминая людям о том, что когда-то мир был совсем иным. Так что на Рагнарёк этот камень ещё скажет своё слово. А пока Рагнарёк не наступил, очень рекомендую посетить это место. Оно, с одной стороны, достаточно легкодоступное, а с другой — очень красивое и «нераскрученное». Здесь нет туристической суеты, нет толп посетителей. Только вы, древний камень и тихое течение времени. Если вы любите необычные места, цените историю и умеете слушать тишину — вам сюда. Путешествие на камень удобно объединить с посещением Новгорода, благо Новгород — прекрасный город во всех отношениях: и по еде, и по атмосфере и по достопримечательностям.

И кто знает, может быть, стоя на этом камне, вы тоже почувствуете то, что чувствовали наши предки — связь с землёй, с её древней силой, с теми временами, когда по Руси ходили великаны-волоты...

Фото автора

Ольга ЯСИНСКАЯ
Август, 2025

Соловки ... языческие?

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Интерлюдия 1.

... Отплываем на Соловки. Грузимся на корабль, корабль отчаливает от причала, и всё накрывает молочно-белый туман. Ничего не видно, лишь тихий плеск воды, и кажется, что мы в нём застряли. Час, другой... Вдруг борт ударяется обо что-то. Причал! И мы спускаемся прямо из этого тумана на пристань. Мы прибыли... на Аввалон?

Я вернулась с Соловецких островов относительно недавно. Как и все, я понимала, едуци туда, что столкнусь с историей: а) монашества, подвижничества, паломничества; б) печальной историей Гулага; в) поморской стариной; г) неолитическими древностями. Но я и представить себе не могла, что столкнусь с возрождением язычества.

Ну, может, это громко сказано, но это то, что я обнаружила во время своих организованных и не очень странствий.

Начнем, однако, с начала.

Ехала я на острова в основном подгоняемая двумя желаниями: снова прикоснуться к северной природе, которая питает мою душу, и, конечно, увидеть своими глазами сейды и лабиринты древней земли.

Начну, наверное, с лабиринтов.

Они, безусловно, велики и великолепны. Не знаю, как у кого, а на меня они оказывают совершенно магическое воздействие. Величие, спокойствие, вечность...

Что интересно? Из всего количества лабиринтов, разбросанных по обширному пространству северной Европы, а их более 600, 35 находятся на Соловецких островах. Датируются III — I тысячелетиями до н.э. Заставляет задуматься? Большинство лабиринтов на Большом Заяцком находится ныне в доступности только под надзором, т.е. в составе экскурсионной группы, и их показывают только три из тринадцати, снабдив забавным комментарием: «Вот видите, монахи их не разрушили, а сохранили, только покрестили». Ну, да. Спасибо им за это. С другой стороны, нынешний уровень «дикого» туризма — это действительно угроза.

Лабиринты на удивление разнообразны по своей структуре, ни один не повторяется, что привело меня к мысли, что смысловая нагрузка у них, стало быть, разная. Из гипотез, предложенных экскурсоводом, по большей части можно сделать вывод о том, что человечество начало сходить с ума задолго до ковида. Особенно мне понравились версии садка для рыбы и тренажёра для обучения маленьких детей поддерживать равновесие при ходьбе. Если вы думаете, что да, конечно, наши учёные... Так вот, автор последней концепции — норвежец. А наши учёные, если действительно учёные, — это светлейшие головы. Гипотеза Н.Н. Виноградова, историка и этнографа, отбывавшего срок на Соловках, меня по-настоящему заинтересовала. Собственно, он их и обнаружил, и описал. Так вот, по его мнению, лабиринты соотносятся с миром мёртвых карело-финского эпоса: «Лабиринты и есть не что иное, как Saivo, священные горы, где живут души усопших... Самый вид гребней лабиринтов даёт представление о хребтах каменных гор». И вот это уже кое-что.

Возможно, лабиринты строились шаманами как запечатывающие выход на поверхность некой негативной энергии. Получается тогда, что по какой-то причине именно в этом районе их

было особенно много. Но почему бы и нет? Учитывая близость Похьёлы, тёмного царства, на континенте и того же Кольского полуострова, где из шахты доносятся вопли грешников в аду, ну или просто некие страшные и пугающие звуки.

До сих пор я в этом аспекте совершенно про лабиринты не думала, склоняясь к тому, что они нужны для выхода в измененное состояние сознания. Но, согласитесь, 13 лабиринтов подряд — это же не Хогвартс с обучающим оборудованием? Регулярных стоянок древних людей тут не было, они сюда на лето приплывали рыбы и тюленьего жира заготовить. А работа по созданию лабиринта, меж тем, гигантская и по трудозатратам, да и с точки зрения воспроизведения сложной уникальной конструкции.

Довольно большое количество лабиринтов на богомольном острове Анзер мне посетить не удалось, а вот еще три на самих Соловках я исследовала лично и не спеша.

Два из них были уничтожены во времена Гулага, а потом по чертежам Виноградова восстановлены в 70-е годы археологической экспедицией. Третий расположен несколько в отдалении и, предположительно, остался нетронутым. Он действительно зарос, не так сильно, как на Заяцком, но понятно, что не совсем уж новодел.

Интерлюдия 2.

Маленькая мистическая история. Устав и будучи не уверена, туда ли иду, я в душе воззвала к богам. Над лесом поднялись два ворона и полетели куда-то за мыс. Я, естественно, пошла следом и попала на очаровательную тропинку, на которой меня встретила абсолютно фейская ложбина, а потом... Ну, да, я вышла к мысу с лабиринтом и ахнула от красоты.

Лабиринт расположен на оконечности мыса, возвышается над берегом моря где-то на метр-полтора и создаёт ощущение носа корабля, уплывающего в открытое море. Там очень хорошо, тихо и никого нет.

Кстати, насчёт носа корабля: ощущение именно большого корабля, не поморского карбаса, рассекающего носом волны, почему-то осталось у меня от самих Соловков в целом. Я забыла упомянуть, что предмет моего отдельного интереса после ряда передач по альтернативной истории, была монастырская стена, именно она, не сам монастырь. И да, она явно выпадает из монастырского быта и по виду, и по ощущению, не говоря уж о не поддающемся никакой логике объяснению, зачем она нужна и почему имеет такую странную конфигурацию и ориентацию на местности (строго с севера на юг). Так вот, посмотрите, это ведь корабль? Ну реально?

Сейды... как много в этом слове... Прибыв на Кузова, точнее на Немецкий Кузов, где, собственно,

и находятся сейды, я была поражена сходством острова с островом Кереть, где посчастливилось провести незабываемое время и получить существенную, как стало ясно позже, трансформацию души. Чудесный, заросший понизу лесом, но с лысой макушкой, гордо поименованной нашим экскурсоводом «Белая гора» («Немецкая варака» на самом деле), 140 метров над уровнем океана. Немцы тут ни при чем. Из монастырского фольклора следует, что вообще-то это были шведы, и вот, измыслив нападение на монастырь, они внезапно окаменели. Это они, собственно, там и сидят, каменюки наибольшие. Историй в этом роде на Соловках я наслушалась в изобилии, и сейчас вот улыбаюсь. Монахи — они такие, да, сказочники!

Но, впрочем, лезть на голую скалу в обычных кроссовках оказалось не очень-то легко, а уж спускаться... Тем не менее, это того стоило. Виды оттуда потрясающие, плато сейдов завораживает, а комментарии очень строгого и абсолютно «научного» экскурсовода забавляют.

Говорить о сейдах особо смысла нет, лучше покажу картинки.

Обратите внимание, под самым большим камнем лежит яблоко. Очень трогательно.

Группа пошла дальше, а я задержалась. Надо же было в тишине побыть, прикоснуться к камням. И тут вдруг я вижу около одного из них... что же? А вот что.

На небольшом плоском камне около сейда лежит... подношение? Да еще руна Гебо начерчена? Правда?!

Интерлюдия 3.

И тут мне вот что внезапно подумалось. Почему лабиринты и сейды расположены на разных островах? Ведь, судя по всему, это остатки какой-то единой культуры? И почему сейды на горе, а лабиринты — на плоских голых островах? Вам это ничего не напоминает? А расположение мужских и женских святилищ? И тут же возникла очередная идея, можете назвать её завиральной, и я соглашусь, а всё же? Дерево и камень или источник в его основании, классический символизм, — это разве не про Эйваз и Перт как мужской и женский пути инициации? Так сейды и лабиринты разве не о том же?

А дальше — больше. В оставшиеся два дня, не занятых программой, мы много плавали по озерам на лодочках. Дивная тишь, красота беспредельная и всякое такое. Вот тут и случились мои следующие открытия. Во-первых, в системе озёр, покрывающих всю внутреннюю часть главного острова, обнаружили озёра Средний Перт и Нижний Перт. Вероятно, есть еще где-то

и Верхний Перт, но мне он не попался, а на двух упомянутых я побывала. Потомственная соловчанка, рулившая нашей лодкой на Среднем Перте, на мой вопрос ответила, что Перт по-карельски означает жилище, дом. Я снова задумалась о руне Перт и её неразгаданном значении, но сейчас об этом не будем, чтобы не отвлекаться. А вообще-то, чем не теория?

И вот, на этих озерах, на одном из них, обнаружился камень, который мне показали наши кормчие.

И как вам? На православных-то Соловках? И можно было бы от этого презрительно отмахнуться, мол, новодел. Но! Этот камень, огромный, высотой почти в человеческий рост, лежит сейчас в лесочке недалеко от берега, а под ним-то укрепленная кладка из камней (на фото, если приглядитесь, заметна). Что б он, значит, в воду не съехал (напомню, Соловецкие острова продолжают

подниматься, значит раньше, этот камень был ближе к воде, если не у воды вообще), и кладка эта старая, заросшая, ее почти и не видно, формирует полукруглую террасу, на которой и покоится камень. Местные говорят, что кладка — древняя, ну мы им и поверим в какой-то степени.

Далее находка чисто личная. Пробираясь по очередной лесной дороге, торкнуло меня подойти к камню, видневшемуся в леске неподалеку, между дорогой и озером. Камней там везде разбросано великое множество, но подойти-то тянет

не к каждому. Камень теплый какой-то, размеров знатных, вокруг утопано, не одна я туда захоживаю, значит, а на нём-то в щёлочке и денюжка засунута, еще советская монетка, потерявшая уже свой цвет от непогоды, но никуда не унесённая дождями и прочими осадками.

Она меня почему-то особенно тронула. И я не могла не вставить и свои пять копеек, конечно. Для полноты картины заметить надо, что камень находится недалеко от местного кладбища. Не эзовского, а вполне себе гражданского.

Вот такие неожиданные находки подарили мне Соловки. Глубоких параллелей тут проводить не будем, а всё же, что-то ведь во всем этом есть?

Напоследок не могу удержаться от чистого хулиганства, не судите, пожалуйста, строго.

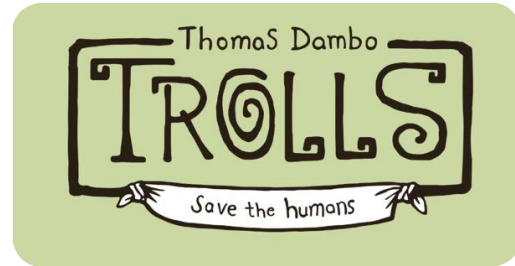
Как вам такой сейд? К тому же становится понятно, откуда взялся старый детский ужастик про гроб на колесиках. ❖

Мария ЮЛИНА
(РАНХИЛЬД)

Тролли Калифорнии

В Норвегии, Дании, Швеции и Исландии троллями никого не удивишь — они там почти как соседи: живут под мостами, выглядывают из тумана и дышат в спину путешественникам. Но в солнечной Калифорнии куда скорее ожидаешь наткнуться на Билла Гейтса в очереди за гамбургерами, чем на троллей в тени вековых секвой. Тем более поразительно было оказаться лицом к лицу с шестью огромными троллями, сотворёнными руками датского мастера Томаса Дамбо, в самом сердце Кремниевой долины.

Родом из датского города Оденсе, художник и дизайнер Томас Дамбо стал одним из самых узнаваемых экологических активистов современности — его деревянные гиганты известны во всём мире. Он создаёт своих троллей из старых паллет, веток и досок, найденных прямо там, где троллям предстоит «жить». На данный момент более ста троллей нашли свой дом в разных уголках планеты, и шесть из них решили заглянуть в гости в Калифорнию.

Итак, давайте знакомиться. Первой посетителей исторической усадьбы Филоли (Filoli Historic House & Garden) встречает:

Ронья Красноглазка (*Ronja Redeye*)

Троль-оратор

Ронья Красноглазка говорит от сердца и владеет словом как никто другой. Хотя она самая маленькая из всей компании, её голос звучит уверенно, а сама она прирождённый лидер. Обладая даром общения, Ронья умеет говорить даже на человеческом языке: именно она перевела алфавит троллей на буквы, понятные людям.

Ронья всегда говорит правду, но при этом её слова полны сострадания. Ведь Ронья знает, что любое слово способно подарить как радость, так и боль. И если что-то и может заставить её глаза вспыхнуть красным, так это грубости и обидные фразы, разрушающие дружбу.

Роза Солнечный Палец (*Rosa Sunfinger*) Троль-садовод

Среди лесных троллей Роза занимает особое место. Она тихая, задумчивая, но полна внутренне-го света. Её волшебные пальцы несут жизнь, заботясь о растениях, как о самых близких друзьях. Лицо Розы — мягкое, спокойное, с неизменной солнечной улыбкой — отражает её характер.

Хотя Роза интроверт по натуре, она не боится говорить, когда это действительно важно. Однако её главным инструментом общения с миром остаются растения. Через них она выражает чувства, делится мыслями и передаёт свои знания.

Роза верит, что через растения можно вернуть радость даже тому, что кажется бесполезным. Её любимое занятие — смотреть как распускаются цветы. И тогда её улыбка становится еще ярче, а солнце будто отвечает ей в ответ.

Софус Лотос (*Sofus Lotus*)

Троль, что слушает мир

Софус Лотос — молчаливый и задумчивый интроверт. Он умеет слышать то, что недоступно обычному уху: малейший шорох, еле уловимый треск, гул ветра, дыхание земли — всё, чем дышит лес.

Для Софуса время не часы и минуты, а свет, меняющий тени вокруг. Он первым почувствовал, что в мире что-то сломалось: природа начала сбиваться с ритма и её дыхание стало неровным.

Но Софус не кричит об этом. Он просто слушает. Чувствует. Сопереживает. Ведь иногда, чтобы понять мир, нужно не говорить, а просто побыть рядом.

**Бассе Забияка
(Basse Buller)**

Троль-художник

Бассе Забияка пишет свои послания краской из глины, оставляя следы где только можно: на камнях, стволах, земле. В душе он настоящий дикарь, непоседливый и упрямый, но стоит ему взяться за кисть — и наступает тишина. В этот момент Бассе находит свой внутренний покой.

Его краски — это глина, листья, камни, ветви, всё, что под рукой. Он исследователь и бунтарь, для которого слово «нельзя» означает лишь «попробуй иначе». Он верит, что границы существуют, чтобы их раздвигать, и делает это с хохотом и грохотом, словно отбивая барабанный ритм в знак протеста.

Присутствие Бассе невозможно не заметить. Когда он рядом, грязь летит во все стороны, смех раздаётся по всему лесу, а на деревьях появляются новые узоры. Так он учит людей видеть мир заново: яркий, дикий, живой.

**Ибби Щебетушка
(Ibbi Pip)**

Троль птичьих домиков

Ибби Щебетушка — ловкая, весёлая и неунывающая. Все звери и птицы зовут её подружкой. Она по-настоящему верит в людей и старается говорить с ними на своём языке, развешивая повсюду разноцветные птичьи домики.

Однажды Ибби увидела, как люди строили скворечники для птиц и подумала: может, именно это пробудит в них сострадание

к живому миру? С тех пор Ибби развешивает маленькие домики повсюду — на деревьях, заборах, лесных тропинках, — веря, что люди, взглянув на них, обязательно задумаются о тех, с кем делят этот мир.

Камма Жестянка (*Kamma Can*)

Троль Сокровищ

Камма Жестянка — настоящий творец. Там, где люди видят обычный мусор, она видит сокровища. За последние годы землю наводнили разноцветные отходы: Камма находит их удивительно прекрасными и никак не может понять, почему люди бросают такую красоту где попало.

Она хочет научить людей не спешить выбрасывать вещи, ведь всё можно превратить во что-то интересное — стоит лишь включить воображение. Камма — настоящий дух созидания: из того, то другие зовут хламом, она создаёт украшения, игрушки, а ещё невероятные ожерелья, которые делает для себя и своей подруги Роньи Красноглазки.

Вот так, под лозунгом «Спасем людей» тролли собрались вместе, как в старой сказке, только теперь сказка — это мы. Они строят, рисуют, слушают, сажают цветы, рассказывают истории, надеясь, что люди всё-таки услышат их послание.

...И получается, что те, кого мы считали вымышленными, верят в нас больше, чем мы сами. ❖

Перевод с английского
и комментарии: Анна БЛЕЙЗ (с)

Книгу можно заказать здесь:
clck.ru/3QtLSZ

«Тролли, альвы и ветты: младшие духи в северном язычестве»

Отрывок из книги Квельдульфа Гундарссена

Природа водяных

В скандинавских поверьях фигурируют различные водяные: некк (*näck*), нёкк (*nøkk*) или фоссегрим (*fossegrim*) — это шведские и норвежские названия обитателей ручьев, озер и водопадов; никкюр (*nykkur*) — исландская водяная лошадь, ездить на которой безопасно до тех пор, пока не назовешь ее по имени или пока она не завидит воду (тогда она прыгнет в водоем и попытается утопить своего наездника)¹; хаффру (*haffrú*, «морская жена») и хавгигюр (*hafgýgur*, «морская тролльша») — исландские русалки; марбендиль (*marbendill*) — исландский обитатель морского дна и так далее.

Всех их можно считать разновидностями ландветтир, пусть и водными. Иногда они тоже проявляют дружелюбие к людям, но по самой своей природе более опасны для человека, чем многие другие духи местности.

Пример исключительно злобных водяных ветте — Грендель и его мать, нарочно выходящие из озера, чтобы вредить людям (для сравнения, тролли, обитающие в горах и на ледовых полях, редко предпринимают подобные попытки).

Все духи местности воплощают силу и саму природу своих обиталищ, и как вода менее близка человеку и более опасна, чем земля и камень, так и водяные духи обычно не столь близки ему и более опасны, нежели те, что обитают в камнях, земле и деревьях.

¹ Возможно, именно такое существо описывается в Книге о занятии земли (глава 31): Аудун Заика видит, как из Стадного Озера выбегает конь, серый в яблоках. Аудун приставляет его к работе, и конь трудится так усердно, что увязает копытами в земле до щеток*, но после заката сбрасывает упряжь, убегает обратно в озеро и больше не возвращается. — Прим. автора.

* Щетки — пучки волос над копытами у лошади.

Эгир, Ран и их дочери

Самые могущественные водяные ветте в скандинавских верованиях — это, разумеется, Эгир (*Ægir*, «море»), именуемый также Гюмиром (*Gymir*, «море», первоначально — «зев, зияющая бездна» и, возможно, «глотатель»; de Vries 1962a, 196) и Хлером (*Hlér*, «море»; происхождение этого имени неясно; de Vries 1962a, 237), и его жена Ран (*Rán*, «грабительница»).

Как ни удивительно (учитывая неоднозначное отношение большинства водяных к человеку), между этими водяными ётунами и богами нет вражды. Эгир не только принимает богов на пирах в своем подводном чертоге (*Перебранка Локи*), но и варит им пиво — после того как Тор добывает ему котел достаточной величины (*Песнь о Хюмире*; образ Эгира-пивовара, скорее всего, возник из-за сходства между пеной морского прибоя и пеной, возникающей от брожения в пивном котле).

Эгир чаще всего олицетворяет более дружелюбные проявления моря, а его жена Ран — темную сторону морской стихии, жадную до

человеческих жизней (Simek 1993, 260). Ран обычно упоминается в связи с утопленниками. Выражение «отдать людей Ран» означало «потопить корабль» (*Песнь о Хельги, сыне Хьёрварда*, строфа 18); как отмечает Орчард, в поэзии скальдов именно на нее постоянно возлагают вину за смерть от утопления (Orchard 1997, 129). Эгиль Скаллаgrimсон в поэме *Утрата сыновей*, написанной после того, как утонул его второй сын, горько сетует на «ограбившую» его Ран, но, вопреки обыновению, винит и Эгира, заявляя: «Когда б я мести / мог меч несть, / то Пивовар / несдобровал бы»² (строфа 8). Но как бы он ни рвался в бой с «братом бури» (Эгиром) и его женой (Ран), силы сразиться с «убийцей кораблей» ему не хватит (Turville-Petre 1976a, 32–33).

Знаменитый атрибут Ран — ее сеть, которой она вылавливает людей, утонувших в море (*Язык поэзии*, глава 41); эта сеть упоминается и в прозаическом прологе к «Речам Регина», где Локи заимствует ее, чтобы поймать карлика Андвари, живущего под водопадом в обличье щуки.

Якоб Гримм упоминает (не указывая источник) проклятие *mæla rân ok regin*, насылающее на человека злых духов (Grimm 1966, 2.496). Имя Ран в этом контексте не кажется неуместным, но можно смело утверждать, что проклятие в целом возникло уже в христианскую эпоху, поскольку в языческих источниках слово *regin* обозначает богов (de Vries 1962a, 436–437); возможно, его следует отнести к тому же типу, что и выражения «стрела асов» и «стрела эльфов» из древнеанглийского заговора «Против прострела» (*Wið færstice*). Кроме того, Гримм сравнивает народные поверья о водяных меньшего калибра (таких, как нёкки), хранящих души утопленников, с аналогичным представлением о Ран (Grimm 1966, 2.496–497).

Золото в скальдической поэзии часто обозначается кеннингами «пламя моря», «пламя Эгирова чертога» и тому подобными (Meissner 1921, 229–237). Поздняя романтическая *Сага о Фридтёве Смелом* содержит сцену (глава 6), в которой герой, предвидя кораблекрушение, делит свое золото между всеми людьми на корабле, чтобы им было с чем прийти в палаты Ран (Finnur Jónsson 1912–1915, 2.295). Та же мысль повторяется и в стихах, следующих за этой сценой:

Пусть на гостях увидят золото, —
это прилично могучим воителям,
если нам нужно будет угощение в палатах Ран³.

За этим может стоять поверье о том, что Ран радушнее принимала тех утопленников, которые приносили ей золото. Настроение, в котором она встречала своих гостей, кое-что да значило; свидетельство тому — всеобщая радость, с которой поначалу приветствовали утопленников, пришедших на свою тризну в *Саге о людях с Песчаного Берега* (главы 54–55); если погибший в море возвращался, чтобы испытать поминальной браги на собственной тризне, это считалось знаком, что Ран приняла его радушно.

Действительно ли в языческие времена было принято брать с собой в плавание хоть немного золота, чтобы заручиться благосклонностью Ран, если та потопит корабль? Кто знает! Но сама многочисленность кеннингов, связывающих золото с Эгиром, Ран и/или морем, заставляет предположить, что к драгоценным металлам морские ветты неравнодушны.

Еще одно прозвание Ран — *úrsvöl Gymis völvu*, «хладнопенная вельва Гюмира» (Скальд Рэв, *Висы о поездке по морю*, строфа 2, XI век; Finnur Jónsson 1912–1915, 1.296). Слово «вельва» — необычный элемент в кеннингах женщин: не считая этого примера, оно встречается лишь однажды в описании смертной женщины и еще раз — в описании великанши (*LP*, 629). Поэтому здесь оно, скорее всего, употреблено намеренно — как указание на то, что Ран, подобно младшим водяным девам, обладает даром предвидения.

Хильда Эллис-Дэвидсон также отмечает рассказ о мудрой женщине Торхильд из *Саги о людях со Светлого Озера*. Гудмунд спрашивает ее, не навлечет ли он на себя беду убийством; чтобы дать ему ответ, Торхильд переодевается в мужское платье, надевает шлем, берет топор и, зайдя в море, рубит топором волны (глава 11).

По словам Эллис-Дэвидсон, «некоторый интерес в этой истории представляет рассказ о совещании с морем [...], обращение к морю за знамением согласуется с другими практиками, описанными в сагах, — такими, как бросание за борт столбов почетной скамьи, чтобы те направили колонистов

² Пер. С. Петрова.

³ Пер. Я. Грота.

к берегу и указали место для поселения, угодное богам» (Ellis-Davidson 1981, 59–60). Этот эпизод подтверждает гипотезу о том, что выражение «хладнопенная вельва» использовано не просто в поэтических целях, но и как буквальное описание Ран, и подсказывает способ, при помощи которого от нее можно получить совет и наставление.

Имена дочерей Ран, приведенные у Снорри, со всей очевидностью связаны с волнами: Химинглёва (*Himinglæva*, «небесный блеск»), Дува (*Dúfa*, «падающая» или «темная»), Блодугхадда (*Blóðughadda*, «кровавоглавая»), Хевринг (*Hefring*, «вздымающаяся»), Унн / Уд (*Unnr / Uðr*, «волна»), Хрённ (*Hrönn*, «волна»), Бюльгья (*Bylgja*, «волна, вал»), Бара (*Bara / Bára*, «волна») или Дрёвн (*Dröfn*, «пенное море») и Кольга (*Kólga*, «холодная волна»). Действительно ли эти имена девяти дочерей моря были в ходу в языческую эпоху, или некоторые из них сконструировал сам Снорри, — вопрос открытый; не исключена также экстраполяция или ошибочная интерпретация скальдических выражений — наподобие той, из-за которой Снорри принял слова *gersimi* и *hnoss*, означающие «сокровища», за имена дочерей Фрейи. Химинглёва, Унн, Дува, Блодугхадда, Кольга и Хевринг упоминаются у Эйнара Звона Весов как личные имена (фрагмент 17)⁴, однако этот скальд жил во второй половине XII века. Другие стихи, которые Снорри цитирует в связи с дочерьми Ран, по всей видимости, содержат лишь поэтические наименования волн, а не собственные имена персонификаций (*Язык поэзии*, глава 33). Но, так или иначе, список имен, приведенный у Снорри, определенно подойдет для обращения к дочерям Эгира и Ран, если в том будет необходимость.

С девятью волнами иногда отождествляются девять великанш — матерей Хеймдалля (de Vries 1970 2.239). Перечень их имен приводится в *Песни о Хюндле*, строфа 37: Гьяльп, Грейп, Эйстла, Эйргьява, Ульврун, Ангейя, Имд, Атла и Ярнсакса. Но, согласно Снорри, Гьяльп и Грейп — это имена дочерей Гейррёда; Имд упоминается в одном из списков великанш и в перебранке из *Первой песни о Хельги убийце Хундинга* (строфа 43); Атла,

что значит «страшная», — очевидное имя великанши; и наконец, Ярнсаксой зовут возлюбленную Тора.

Таким образом, либо девять матерей Хеймдалля не имеют отношения к волнам, либо в этом списке, составленном сравнительно поздно, матерям Хеймдалля (а, возможно, и дочерям Эгира) приписали имена других великанш.

Марбендиль

Марбендили не склонны вредить людям напрямую, но встреча с ними обычно считается дурным знаком, предвещающим смерть от утопления или от зубов акулы (Jón Árnason 1862, 1.126). Выше пояса марбендиль выглядит как маленький человек с огромной головой и большими руками, а от пояса вниз — как тюлень. Морские духи, подобно многим сухопутным ландветтам, наделены даром предвидения, который могут использовать как во благо своим друзьям среди людей (предупреждая о штормах и кораблекрушениях), так и во зло своим обидчикам.

Йоун Ауртнасон употребляет широко известное ироническое выражение *pá hló marbendill* — «Тогда марбендиль засмеялся» — как название народной сказки, в которой рыбак вылавливает в море и приносит домой водяного-марбендила. Тот упорно молчит, но в некоторых случаях смеется, а именно — когда рыбак обнимает свою жену, пинком отгоняет собаку, ругается, споткнувшись о кочку, и жалуется на чересчур тонкие подошвы купленных сапог. Рыбак пытается разговаривать с водяного, и, в конце концов, тот соглашается ответить на его вопросы, поставив условием, чтобы после этого человек отпустил его в море.

Получив ответы на несколько вопросов, относящихся к рыбалке⁵, рыбак спрашивает своего пленника, над чем тот смеялся. «Над глупостью твоей, бонд! — отвечает марбендиль. — Твоя собака любит тебя больше жизни, а твоя жена распутна сверх всякой меры и желает тебе смерти. Под той кочкой, о которую ты споткнулся, зарыт

⁴ Прозаический перевод этого фрагмента: «Химинглёва и Дува яростно вздымают воющее море против доблестного кормильца поморника Гёндуль; рев Унн нарастает. Блодугхадда бьется о просмоленные носы [кораблей], где Хевринг множит морскую пену вокруг красного дерева; рушится Кольга, набухшая соленой водой». («Гёндуль» — имя валькирии; «поморник Гёндуль» — ворон или орел; «кормилец поморника Гёндуль» — воин.)

⁵ «Крючки сделай из железа изжеванного да потоптанного, кузницу же для крючков поставь в таком месте, откуда слышно и морской прибой, и шум реки, и закали крючки в пене усталых лошадей; для лески возьми сухожилия серого быка и ремни из сырой конской шкуры, а для наживки — птичьи потроха и камбалу, на средний же крючок насади человечесье мясо: надо совсем уж дурнем быть, чтобы со всем этим да не наловить рыбы! Крючок же закидывай так, чтобы острием он смотрел от тебя». — Прим. автора.

драгоценный клад... А эти черные сапоги прослужат тебе всю жизнь, потому что не так уж много дней тебе осталось жить, и все эти три дня они тебе верно прослужат!» (Jón Árnason 1862, 126–127)

Водяные девы

Хавфрюен (*havfruen*, «морские жены») и разного рода русалки известны всем германским народам. Морские жены, в отличие от водяных мужского пола, часто (но не всегда!) благосклонны к людям — но самая могущественная из них, Ран, опаснее Эгира, потому что очень жадна до утопленников. Русалки, обитающие в пресных водоемах, более опасны, чем морские, и чаще губят людей. И морские, и пресноводные русалки, подобно марбендилю, наделены даром прорицания; иногда их можно вынудить отвечать на вопросы, а порой они сами дают непрошенные пророчества, как в *Сказе о Тидреке* (глава 364)⁶, где Хёгни встречает трех морских жен, купающихся в Дунае, и они предсказывают, что все, кто переправится через эту реку, умрут. В средневековой балладе «Пророчество русалки» (*Havfrus Spaadom*) морская жена предсказывает будущее троим сыновьям короля и королевы, а заодно обещает, что королева после смерти попадет на небеса (Grundtvig 1856, 89–91).

В норвежской сказке (того же типа, что и сказка про смех марбендила) рыбак задает морской русалке три вопроса, но все они касаются совершенно бытовых дел. Русалка отвечает, что следовало бы спросить, что случится с водой, которая кипит у него на огне: ответ на этот вопрос действительно помог бы ему и его детям (Kvideland

⁶ Отрывок из указанной главы в пер. Т. Ермолаева:

Когда остальные люди отправились спать, Хёгни взял все свое оружие и пошел вниз вдоль реки. Ярко светила луна, и он мог разглядеть дорогу. Вот пришел Хёгни к озеру, которое называется Мёри, и он увидел каких-то людей на озере, и он увидел, что их одежда лежит у воды между ним и рекой. Он взял одежду и спрятал. А эти люди были не кто иные, как те, которых называют морскими женами. Они происходят из моря или озер. А эти морские жены прибыли в это озеро из Рейна, чтобы поразвлечься. Вот морская жена окликнула его, попросила отдать ей ее одежду и вышла из воды.

Теперь Хёгни отвечает:

— Скажи мне сперва, переправимся ли мы через эту реку и обратно? Если ты не скажешь мне того, о чем я тебя спрашиваю, то не получишь свою одежду.

Тогда она молвила:

— Вы все сможете переправиться через эту реку невредимыми, но обратно не вернетесь, и тебя ждут величайшие неприятности.

Теперь Хёгни обнажил свой меч, убил морскую жену и разрубил пополам их обеих вместе с ее дочерью.

& Sehmsdorf 1991, 261). Больше никаких подробностей в сказке не сообщается, но, учитывая, как часто народные сказки предупреждают, что выплескивать кипяток или грязную воду следует с осторожностью, можно предположить, что ответ русалки имел какое-то отношение к альвам или ландветтир, обитающим на подворье у этого рыбака.

Водяные девы нередко вступают в любовные или брачные союзы с людьми. Женщины из «плавникового народа» (племени морских веттов, обитающего близ Оркнейских и Шетлендских островов), выйдя замуж за человека, могут сбрасывать хвосты и оставаться красавицами; если же они берут в мужа себе подобных, то с годами становятся все уродливее (Marwick 1975, 25).

Водяные-мужчины тоже падки на человеческих женщин. В одной из самых популярных средневековых баллад, «Агнете и водяной» (*Agnete og Havmanden*), юная девушка поддается соблазну, уходит в море с водяным и рождает ему детей, но в конце концов возвращается на сушу (Grundtvig 1856, 48–57). Сам Один похваляется, что соблазнял норовистых морских дев:

Милыми были, / когда покорялись,
разумными были, / верность храня;
веревку они / из песка свивали,
землю копали / в глубокой долине;
я всех был хитрей — / с семьей я сестрами
ложе делил, / их любовью владел⁷.

Возможно эти морские девы, копающие землю и свивающие песок, — не кто иные, как дочери Эгира и Ран, хотя обычное число этих сестер-волн — не семь, а девять, как в лаусависе Снэбьёрна, где речь идет о «девяти женах шхер» (Finnur Jónsson 1912–1915, 1.201, ок. 1010–1020 гг.).

Нёкк (некк)

Особенно коварны бывают норвежские нёкки и фоссегримы, равно как и шведские некки. От того же корня, что и *nökk / näck*, происходят названия английских водяных — чудовищного никора (*nicor*) и куда более мелких ниски (*nixie*). В древнеанглийских источниках никоры — грозные исполины, достойные противники самого Беовульфа, но в скандинавском фольклоре нёкки/некки не только вредят,

⁷ Песнь о Харбарде, строфа 18, пер. А. Корсуна.

но иногда и помогают людям. Скандинавский нёкк всегда мужского пола, хотя его немецкие и английские тезки-никсы чаще женского; в Швеции жена пресноводного водяного зовется «сьёра» (*sjorå*, «владычица озера»). Обитают нёкки в реках и озерах, изредка во фьордах, но больше всего любят водопады — как явствует из норвежского названия *fossegrim*, «дух водопада». Раз в году они забирают человеческую жизнь. В немецком и английском фольклоре память о самих водяных сохранилась хуже, но известно множество рек, о которых говорят то же самое. В их числе — сонная английская речушка Кем (и я могу подтвердить: за те три года, что я провел в Кембридже, она взимала свою дань каждый год) и немецкая Зале, забирающая жертвы в Вальпургиеву ночь или в канун Середины Лета (Grimm 1966, 2.494). Гримм сообщает также, что в Дании об утопленниках говорят: «Их засосал нёккен», — из-за того, что у тел, найденных под водой, нос становился красным (Grimm 1966, 2.496–497). Отправляясь на реку или на озеро, желательно захватить небольшое приношение — пищу и питье для нёкка, чтобы ему не взбрело в голову выбрать жертву самому. Или же можно использовать один из обережных заговоров, приведенных ниже.

Нёкк не только забирает людей, но и предсказывает смерть. «Если кому-то суждено вскоре умереть, часто можно услышать, как нёкк кричит глухим голосом: «Переходи!» Иногда его злое щие крики походят на плач или стон, наподобие того, как стонет человек при смерти» (Simpson 1988, 230). Особенно опасным нёкк становится после заката; Симпсон приводит апотропеический заговор, который использовали в Норвегии, когда подходили к воде в темное время суток: «Ник, ник, гвоздь в воде! Божья Мать бросает в воду сталь! Ты тонешь, я плыву!» (Simpson 1988, 230). Возможно, при этом и впрямь бросали в воду стальной гвоздь: многие ветты боятся железа и стали. Приверженцам северного язычества можно порекомендовать вариацию этого заговора: «Тор Веур⁸ бросает в воду сталь» (в память о поединке Тора с величайшим из всех обитателей водных глубин — Змеем Мидгарда). В Дании стальные предметы бросали в источники и ручьи на Йоль, чтобы защититься от злых веттов в это

самое опасное для человека время года (Feilberg 1962, 1.141). Известен также шведский заговор для связывания некка:

Некк, некк, иголку украл,
А твой папаша сталь воровал,
Мамаша твоя была фрилла⁹,
Много дурного творила!
Вот ты и скован, некк!

Р. Квиделанд и Х. Семсдорф дают такой комментарий: «Люди защищались от некка, сковывая его сталью, бросая в воду камень и произнося магическую формулу. В этой формуле название сверхъестественного существа по имени соединяется с магическим воздействием оскорблений и обвинений» (Kvideland & Sehmsdorf 1991, 259). Схожий пример того, как против опасных иномирных созданий используют оскорбления и обвинения, встречается в *Песни о Хельги Убийце Хундинга* (строфы 12–13): тролльшу, угрожающую потопить корабль Хельги, отвлекают перебранкой и задерживают до восхода солнца, под лучами которого она превращается в камень.

В Швеции главными виновниками «альвийской болезни» считались именно некки, которых тоже называли альвами или водяными альвами (Norlind 1911, 93 и далее); на память тотчас приходит «болезнь водяного эльфа» (Griffiths 1996, 193–194) из древнеанглийского заговора¹⁰. Прямая связь между ними представляется весьма

⁹ Фрилла (от др.-сканд. *fríðla* — «любовница, наложница») — в языческой Скандинавии официальная наложница, имевшая некоторые юридические права наряду с законной женой. Этот обычай отчасти сохранялся и после христианизации вплоть до 1734 года, когда закон изменился. Фриллы утратили официальный статус, их дети стали считаться незаконнорожденными, а само слово «фрилла» стало обозначать распутную женщину.

¹⁰ Имеется в виду древнеанглийский заговор «Против болезни водяного эльфа» (Sateron 1993, 154–155):
Коли кто подхватит болезнь водяного эльфа, то ногти у него потемнеют, глаза станут слезиться, а смотреть он будет только себе под ноги. Приготовь ему такое лекарство: колючник, луговик дернистый, нижнюю часть касатика, тисовые ягоды, люпин, колокольчик, побеги алтея, мяту водяную, укроп, лилию, ежовник хлебный, мяту блошиную, шандру, щавель, бузину, золототысячник, горькую полынь, земляничный лист, окопник. Залей это элем, добавь святой воды и трижды пропой этот гальдор [= заговор]:
Я повязал эти раны лучшими из повязок — бойцов [против ран]:
раны да не пекут, не нарываю,
раны да не гноятся, не станут смрадные,
раны да не сместятся, не станут шире,
вглубь не уйдут, — но держат эту целебную (или: святую) воду,
что причинит им боли не больше, чем колос (?) — земле.
Пропой много раз: Да держит тебя земля всей своей силой и мощью!
Вот такой гальдор можно петь над ранами.

⁸ Веур (*Véurr*) — одно из прозваний Тора, означающее «страж святилища».

вероятной в силу тесных связей, существовавших между Швецией и Англией по меньшей мере до VII века; подтверждения тому — погребальные обычаи восточных англов и близкое сходство между предметами материальной культуры из больших упландских захоронений (в Венделе и Вальсгерде) и из некрополя Саттон-Ху.

Впрочем, некк не всегда вредит людям: если принести ему в жертву черного ягненка, он поможет настроить скрипку и научит на ней играть. Если скрипач даст ему напиток крови из пальца, некк обучит его особой мелодии: всякий, кто услышит ее, пустится в пляс и не перестанет танцевать, пока музыка не умолкнет. Большой кусок мяса — тоже хорошее приношение для некка, но тут не следует скупиться, иначе и некк многому не научит.

В Швеции считается, что некк выглядит как серый человечек в треуголке. Норвежский не́кк — смуглый и косматый, с длинными черными волосами и такой же бородой. Волосы и одежда у его немецких сородичей обычно зеленые; иногда говорят, что и зубы у них зеленые (Norlind 1911, 108), как у английской водяницы Дженни Зеленозубки, пожирающей детей.

Сьёра

Сьёра (*sjorå*; этим словом порой называют морских жен, но чаще — тех, что обитают в пресных водах) обычно добрее к рыбакам и лодочникам, чем некк. Ее тоже можно разозлить, но, как правило, она все же помогает с уловом и предупреждает о штормах (Simpson 1972, 205).

Правда, если водоем невелик, сьёра иногда мешает ловить в нем рыбу. В этом случае от нее можно защититься: нужно выложить освященный круг из земли или семян вокруг ее пруда в четверг вечером, оставив лишь один разрыв — в том месте, где будет стоять и забрасывать удочку сам рыбак. Сьёра сделает все, чтобы отвлечь или напугать его, но, потерпев неудачу, спросит рыбака, чего он хочет. Рыбак должен ответить: «Рыбу». «Большую или маленькую?» — спросит она. На это следует ответить: «И большую, и маленькую!» Тогда сьёра спросит, в какой водоем ей уйти; рыбак должен сказать, куда он ее отсылает, и отступить в сторону. Сьёра вылетит из круга и направится туда, куда велено, а рыбак сможет наловить рыбы, сколько пожелает (Lindow 1978, 128–129). Но я бы

не советовал так поступать: сьёра чувствует себя обязанной защищать рыбу и не допускать, чтобы она иссякла, так что прогонять ее ради рекордного улова попросту недостойно.

Дружба с водяными и угодные им дары

Несмотря на все вышесказанное, многие водяные по характеру схожи с ландветтир и могут помогать людям. Судя по всему, самые дружественные из них — обитатели водопадов. Один исландский епископ в 1281 году запретил местным жителям «будить троллей и духов земли под водопадами и в оврагах» (Matthías Viðar Sæmundsson 1992, 46).

Если с водяным обращаться по-хорошему, он, подобно ландветту, может питать к человеку нечто вроде дружеских чувств (по крайней мере, пока тот жив), но под конец все же берет свое. В *Книге о занятии земли* о некоем Торстейне Красноносом говорится, что «он был великий жрец (*blótmaðr mikill*). Он приносил жертвы водопаду и бросал в водопад все, что оставалось [от его трапез]. Он был и очень дальновиден (*framsýnn mjök*)». У этого Торстейна было огромное стадо овец, «потому что по осени он говорил, какие из них прокляты, и приказывал их зарезать», — иными словами, мог отличить, какие из овец переживут зиму, и, таким образом, отбирал самых сильных и благополучных. Но в последнюю осень своей жизни он пришел в овчарню и сказал: «Теперь зарежьте любых овец, каких пожелаете. Я и сам проклят, и все эти овцы тоже». Той ночью он умер, а все овцы попрыгали в водопад.

Ольрик и Эллекильде указывают, что помимо обычных угощений — доли от пищи и питья (как в шведской провинции Блекинге, в селении Асарумкильден, где в 1690 году водяным подносили хлеб, яичные скорлупки и деньги), в источники и ручьи часто бросали простые камешки, монеты, украшения, зелень и цветы, а в бронзовом веке и, возможно, уже в период позднего неолита подношением часто служила керамика.

Тогда же, в бронзовом веке, близ священных источников часто приносили в жертву животных; вероятный пережиток этого обычая — дар некку в виде черного ягненка. В священный источник могли бросить одежду больного человека, чтобы тот исцелился; так же могли

поступать и с волосами больного (этот обычай, похоже, носил не только религиозный, но и магический характер).

В Южной Швеции в святых источниках омывали новорожденных; в Ютландии из таких источников набирали воду для купания детей. К святым источникам приходили женщины, желавшие зачать ребенка; в Эстергётланде женщина с этой целью приносила к источнику красную чашу, набирала воды и пила ее по вечерам семь четвергов подряд. Кроме того, святые источники тесно ассоциировались с вызыванием дождя и, наоборот, солнечной погоды; первое считалось в основном женским колдовством (Olrik & Ellekilde 1926, 372 и далее).

В какой мере эти старинные обычаи были связаны с живым духом источника, а в какой — с самим водоемом как неким центром силы, трудно сказать. Однако многие названия источников указывают на то, что когда-то их почитали как места, непосредственно связанные с богами, и врата, через которые божество может получать жертвы (Olrik & Ellekilde 1926, 388–390). Вспоминается, как Тор повелел своему бывшему почитателю Торгильсу бросить серебро в озеро, посвященное этому богу, чтобы примириться с ним после обращения Торгильса в христианство (*Сага о людях с Болот*, глава 20), и как, по словам Адама Бременского, приносили жертвы источнику или колодцу близ великого хова в Упсале: «Там также находится источник, где язычники совершают жертвоприношения, бросая туда живого человека; если тот не всплывает, то это значит, что желание народа осуществится» (Адам Бременский 2011, схолия 138 к разделам 4.26–27).

Согласно Тациту, в озере на острове богини Нерты (Нертус) топили ее рабов (Tac. Germ., 40) — вероятно, для того, чтобы «показать народу, что ритуал проведен должным образом и производительные силы природы приняли своих прислужников» (Bauschatz 1982, 64).

Клады с оружием врагов, побежденных в больших сражениях (его почти наверняка приносили в дар Одину), обнаружены в болотах Иллераупа, Торсбьёрга, Крагехула, Вимосе и Сёрупа, а в Хьёртшпринге вдобавок была найдена боевая ладья (Kaul 1988, 15 и далее) и останки жертвенных животных (коня, взрослой собаки, щенка, ягненка и теленка), отмечающие границы

священного участка (Kaul 1988, 29 и далее). Обычай жертвоприношений на болотах и озерах возник еще в каменном веке и непрерывно поддерживался много веков (Jensen et al. 1978, 22–23, 36).

Так или иначе, весьма вероятно, что многие подобные водоемы первоначально считались жилищами водяных или неких духов, которые покровительствовали им и уделяли воде толику своей силы (быть может, так же, как Норны — источнику Урд, Мимир — своему источнику, а различные боги и богини — источникам, носящим их имена). Однако с обращением местного населения в христианство эти духи источников, прежде считавшиеся благодетельными, быстро забылись, хотя сами источники по-прежнему воспринимались как места силы; те же, кто не забылся, были переосмыслены как исчадия ада, а все добро, которое они делали людям, — отвергнуто как дьявольские соблазны.

Тюлени и киты

Души людей, погибших в море, иногда смешиваются или отождествляются с морскими ветрами (во многом так же, как курганные альвы — с ландветтами). На Фарерских островах верят, что тюлени — это люди, которые когда-то покончили с собой, бросившись в море, и что в Двенадцатую ночь они могут сбрасывать тюленью шкуру и снова становиться людьми; если при этом шкуру украдут, тюлень навсегда останется человеком (Kvideland & Sehmsdorf 1991, 264). Сказочный мотив жены-тюленихи (тюлениха становится женой человека, похитившего ее шкуру, живет с ним несколько лет, рождает ему детей, но в конце концов находит сундук, в котором спрятана шкура, и возвращается в море) известен по всей Скандинавии и на Британских островах, но представление о том, что тюлени — это преобразившиеся самоубийцы и что обратную метаморфозу они претерпевают в последнюю из йольских ночей, бытует лишь на Фарерах.

Не исключено, что такова изначальная форма поверья, забывшаяся везде, кроме Фарер: ассоциации с Йолем (в отличие от оркнейских ассоциаций с Серединой лета, началом весны или каждой девятой ночью) придают отождествлению с мертвецами особую достоверность. Но, так или иначе, вера в тюлений-оборотней распространена очень широко и на удивление хорошо документирована.

Марвик сообщает: «В 1895 году членам Фольклорного общества продемонстрировали диапозитив, на котором была запечатлена «Боби Аркарт, праправнучка женщины-тюленя» (Marwick 1975, 28).

«Тюленья» версия более популярного сюжета об эльфе, соблазняющем смертную женщину, сохранилась в оркнейской народной балладе *Серый селки с острова Сул-Скерри* (в некоторых вариантах — *Большой селки с острова Сул-Скерри*; Сул-Скерри — один из небольших островков Оркнейского архипелага). Незамужняя женщина рождает сына; к ней приходит селки (как на Оркнеях и по всей Шотландии называют тюленей-оборотней), дает ей денег (как плату за то, что она выносила и выкормила ребенка) и забирает дитя с собой, но на прощание произносит мрачное пророчество: женщина выйдет замуж за охотника, который первым же выстрелом убьет и само селки, и его дитя. Вспоминается также рассказ Марвика о современной ему оркнейской семье, которая вела происхождение от обычной женщины и селки. Марвик указывает, что оборотнями считались только крупные тюлени; по его словам, жители Оркнейских и Шетландских островов иногда убивали тюленей ради шкур и ворвани, но все равно считали, что это дурная примета (Marwick 1975, 27–29).

В *Саге о людях с Песчаного Берега* ходячие мертвецы и прочая «нечисть» прямо ассоциируются с тюленями: в одном случае людям является привидение в виде коровьего хвоста, покрытого тюленьим ворсом (глава 54), в другом покойная Торгунна возвращается из-под земли в обличье тюленя (глава 53)¹¹. В более позднем исландском фольклоре тюлени отождествляются с воинами фараона, утонувшими в Красном море во время

погони за Моисеем (Jón Árnason 1862, 1.632)¹². Очевидно, это поверье возникло уже в христианскую эпоху, но за ним может стоять более древнее представление о тюленях как душах утопленников. В поздней «Пряди о Торстейне Мощь Хуторов», приписывающей подвиги Тора в доме великана Гейррёда вымышленному смертному герою, место раскаленного железного бруска из первоначального мифа занимает пылающая голова тюленя, и здесь перед нами еще одно указание на сверхъестественную природу этого животного (ср. тюлений хвост марбендила).

В одной исландской сказке человек, проклятый женщиной из аульвов, бросается со скалы в море и превращается в кита-убийцу, прозванного Красноголовым (*Rauðhöfði*) из-за характерного красного пятна на голове (Jón Árnason 1862, 83–84). В исландском фольклоре известно много разновидностей сверхъестественных и, как правило, враждебных людям китов (Jón Árnason 1862, 628 и далее)¹³. Возможно, что некоторые из этих потусторонних китов, подобно знаменитому Красноголовому или тюленям, считались преобразенными людьми, в особенности нарвал, название которого можно интерпретировать как «труп-кит» (от *pár*, «труп»; своей серой пятнистой кожей и формой тела это животное напоминает вздувшееся тело утопленника) или «приближающийся кит». Йоун Ауртнасон отмечает, что нарвалы склонны подплывать близко к лодкам, но, как правило, не представляют опасности для людей (Jón Árnason 1862, 631). Это и не удивительно: для китов они не особенно крупные, и, к тому же, у них нет зубов, если не считать имеющегося только у самцов длинного «рога» (Paine 1995, 55).

¹¹ Указанный эпизод в пер. А. Циммерлинга:

...когда зажгли огни для трапезы, и люди пришли ужинать, они увидели, как из кострища высунулась голова тюленя. Ближе всего к месту оказалась одна из работниц, которая и заметила это чудо первой; она схватила лежавший у дверей валец для белья и огрела им тюленя по голове. От удара тюлень подрос выше и устоялся на полог постели Торгунны. Тут подошел работник и принялся лупить тюленя; от каждого удара тот подрастал, пока, наконец, не встал на задние плавники. Тогда работник упал в обморок, а все, кто был при этом, были сильно напуганы. Тут подбежал юный Кьяртан, подхватил большую кувалду и огрел ей тюленя по голове: удар был очень сильным, но тюлень только потряс головой и повел вокруг глазами. Тогда Кьяртан принялся наносить удар за ударом, и тюлень стал опускаться, словно приседая на пятки. Кьяртан бил его до тех пор, пока тюлень весь не ушел вниз; он разбил пол над его головой вдребезги.

¹² «Вот почему кости тюленей так похожи на человеческие», — добавляет Йоун.

¹³ Единственные дошедшие до нас кеннинги кита — «кабан Видблинди» (*Víðblindi ulu Víðblindi*) и «свинья Видблинди» (*Meissner 1921, 116*). Снорри упоминает Видблинди в числе хейти великанов (Списки имен, строфа 10) и поясняет, что так звали великана, удившего китов, как другие ловят рыбу (Язык поэзии, глава 58), но это — явная попытка рационально объяснить кеннинг, исходное значение которого забылось. Если *Víðblindi* действительно означает «тот, кто насыпает слепоту на противника» или «широко ослепляющий» (а не «древесный ослепитель», что едва ли имеет смысл), то это имя схоже, скорее, с прозваниями Одина (такими как Хельблинди, Гуннблинди и тому подобными), что, в свою очередь, снова отсылает к поверьям о превращении мертвецов в морских животных. — Прим. автора.

Киты фигурируют в кеннингах ётунов: «киты темной кости страны Хаки» = «киты утеса» (*Длинною в осень*, строфа 16), «киты лавового поля» (*Песнь о Хюмире*, строфа 36). Возможно, это всего лишь указание на их огромный рост, но быть может, здесь заключен и какой-то более глубокий смысл, потому что в кеннингах ётунов, людей и богов животные упоминаются довольно редко. Кроме того, имя «Хваль» (*Hvalr*, «кит») названо в числе хейти великанов (*Списки имен*, строфа 7).

Драуг

В современном норвежском языке словом *draug* обозначаются и морские ветте, и ходячие утопленники. Нечто среднее между этими двумя категориями мы находим в датской легенде «Водяной из Ниссума»: труп утопленника, выброшенный на берег, хоронят на кладбище при церкви, после чего песок со всех побережий начинает сносить ветром вглубь страны. Становится все хуже и хуже; наконец, местные жители обращаются за помощью к мудрому человеку. Тот объясняет им, что этот утопленник — водяной, а песчаные наносы стали появляться из-за того, что его похоронили на освященной земле. Теперь он лежит там и сосет палец. Нужно срочно откопать его. Если он успеет втянуть себе в рот второй сустав указательного пальца, то уже ничего нельзя будет поделать. Но если вовремя перезахоронить его в песчаных дюнах, наносы прекратятся. Водяного выкопали; оказалось, что он втянул палец в рот уже довольно глубоко, но второй сустав был еще виден. Его перезахоронили в дюнах, и те перестали расти (Simpson, 1988, 240). Эта история — необычайно наглядный пример смешения двух типов: водяного, живущего в море, и живого мертвеца. Мертвец, сосущий палец и тем самым насылающий бедствия на людей, очень похож на чумного упыря из северогерманских легенд — нахцерера (нем. *Nachzehrer*, «пожирающий после (смерти)»: лежа в могиле, тот грызет собственные пальцы на руках и ногах, из-за чего среди людей свирепствует чума. Лишь после того, как его выкапывают и уничтожают, мор прекращается (Barber 1988, 42). Общность между этими двумя типами живых мертвецов подкрепляется и географической близостью областей, в которых бытовали вышеизложенные легенды.

К числу способов защиты от драуга относятся: физическое сопротивление, обращение за помощью к добрым мертвецам и (как и в случае с альвами) использование человеческих экскрементов — предметов, испачканных ими, драуг не касается (Kvideland & Sehmsdorf 1991, 266–269). Я склоняюсь к мысли, что некоторые люди, погибшие в море, становятся морскими ветте — подобно тому, как некоторые обычные покойники не уходят в загробный мир, а остаются в междумирье, превращаясь в альвов. В большинстве своем морские ветте благосклонны к людям, если на них не нападать; злоба драугов или водяных отчасти обусловлена насильственным характером смерти, которую они претерпели, и в еще большей степени — природой самого океана.

Особая опасность, исходящая от ревенантов-утопленников, ясно показана в *Саге о людях с Песчаного Берега*: когда Торродд и его спутники возвращаются из чертога Ран и садятся у огня, чтобы высушить насквозь промокшую одежду, поначалу их встречают с радостью; они и сами не желают зла живым; но само их присутствие среди живых, по всей видимости, вызывает затяжную эпидемию (главы 54–55).

Беременность в эпоху викингов как инструмент формирования власти и политического влияния

Марианн Хем ЭРИКСЕН (Marianne Hem ERIKSEN),

доцент археологии

Перевод с английского и компиляция:

Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Беременные женщины в воинских шлемах и с мечами в руках; ещё не рождённые, но уже обязанные отомстить за своих отцов дети; и суровый мир, где не все дети появлялись на свет свободными или получали право на погребение.

Таковы некоторые из реалий, описанных в первом междисциплинарном исследовании, посвящённом беременности в эпоху викингов, проведённом Кейт Олли (Kate Olley), Брэдом Маршаллом (Brad Marshall) и Эммой Толлефсен (Emma Tollefsen) в рамках проекта Body-Politics.

Несмотря на центральную роль беременности в человеческой истории, археология долгое время обходила эту тему стороной — главным образом потому, что этот процесс редко оставляет какие-либо материальные следы.

Темы, связанные с беременностью и родами, традиционно рассматривались как сугубо «женские вопросы», относящиеся к сфере «естественного» или «личного». Однако авторы исследования утверждают, что вопрос «как начинается жизнь?» вовсе не являлся исключительно личным делом родителей — напротив, он имеет глубокое политическое значение, как сегодня, так и в прошлом.

В указанном исследовании соавторы сопоставляют разнородные свидетельства, чтобы понять, как в эпоху викингов осмыслились беременность и тело беременной женщины. Изучая подобную «политику утробы», можно существенно расширить знания о гендере, теле и сексуальных отношениях как в эпоху викингов, так и позже.

Прежде всего авторы обратились к словам и сюжетам, описывающим беременность в древнескандинавских источниках. Хотя эти тексты были записаны через несколько столетий после эпохи викингов, саги и юридические сборники всё же сохраняют лексику и истории, связанные с рождением детей, которые рассказывали непосредственные потомки викингов.

Авторы обнаружили, что беременность могла описываться словами вроде «наполненный живот» (*bellyful*), «не излившая свет» (*unlight*) и «не целая» (*not whole*).

А выражение «*женщина, идущая не одна*» (a woman walking not alone) даёт нам представление о возможном восприятии ещё не рождённого ребёнка как самостоятельной личности (Таблица 1).

Однако стоит отметить, что несмотря на большое количество литературного материала, количество описаний самой беременности в источниках крайне мало. Если предположение исландского историка Йоханны Фридриксдоттир¹ верно — а именно, что «*сексуально активные и фертильные женщины, скорее всего, были беременны, переживали выкидыши, восстанавливались после родов и/или кормили грудью большую часть своей жизни между пубертатом и менопаузой*», — то эта тема отсутствует в письменных источниках не столько фактически, сколько символически, вероятно, потому, что она воспринималась как обыденная часть жизни женщины, не заслуживающая

¹ Friðriksdóttir, 2020: 120

Terminology	English translation		No. of attestations (ONP)	Earliest manuscript attestation (ONP)
	Literal	Extended		
<i>ala</i>	to nourish?	to give birth to	32	c. 1200
<i>barn</i>	child			
<i>fara/ganga með barni</i>	to go/walk with child	to be pregnant	9	c. 1300
<i>vera/verða með barni</i>	to be/become with child	to be/become pregnant	16	c. 1200–1225
<i>digrast</i>	to fatten, grow stout		5	c. 1275–1300
<i>eigi einsaman</i>	not alone			
<i>fara eigi kona einsaman</i>	to go not a woman alone	to be pregnant	3*	
<i>ei(gi) heil</i>	not whole, not hale	pregnant	12	c. 1300
<i>foeða</i>	to feed	to give birth to	37	c. 1200
<i>getnaðr</i>		pregnancy, fetus	58	c. 1200
<i>höfn</i>	burden?	fetus, pregnancy	15	c. 1200
<i>kviðug</i>	bellyish, bellyful	pregnant	17	c. 1200
<i>kviðug at/með barni</i>	bellyful with child	pregnant with child	4	c. 1300–1400
<i>óhraust</i>	unstrong, unhealthy	pregnant	9	c. 1220
<i>ólétt</i>	unlight	pregnant	28	c. 1200–1225
<i>verða léttari</i>	to become lighter	to give birth	34	c. 1200
<i>sótt</i>	sickness	birth pains, labour	8	c. 1200–1275
<i>sótt elnar</i>	sickness increases (for s.o.)	to go into labour	1	c. 1350–1400
<i>fá sótt</i>	to get sick	to go into labour	4	c. 1300–1325
<i>kenna sér sóttar</i>	to feel oneself sick	to go into labour	6	c. 1300–1325
<i>sótt stendr</i>	sickness troubles s.o.	to go into labour	2	c. 1250–1300
<i>taka sótt</i>	to take sick	to go into labour	5	c. 1300
<i>vanheilsa</i>	health-lack, illness	pregnancy	6	c. 1275
<i>brútna</i>	to swell		6	c. 1270

Таблица 1. Терминология беременности и родов в древнескандинавском языке. Исключены термины, впервые засвидетельствованные в рукописях после ок. 1400 года. Таблица составлена на основе Словаря древнескандинавской прозы (The Dictionary of Old Norse Prose) и не является исчерпывающей.

отдельного упоминания со стороны анонимных (и, скорее всего, мужского пола) составителей саг и средневековых рукописей.

Один из эпизодов, рассмотренных в ходе исследования, подтверждает, что ещё не рождённые дети — по крайней мере, знатного происхождения — могли уже быть вписаны в сложные системы союзов, вражды и обязательств. Речь идёт о напряжённой сцене из Саги о людях из Лососьей долины (Laxdæla saga), в которой беременная Гудрун Освивсдоттир (Guðrún Ósvífrsdóttir), одна из главных героинь, сталкивается лицом к лицу с убийцей своего мужа — Хельги Хардбейнссоном (Helgi Harðbeinsson).

В насмешку Хельги вытирает окровавленное копье о платье Гудрун, касаясь её живота. Он произносит: *«Думаю, под этой накидкой скрывается моя смерть»*. Предсказание Хельги сбывается: ребёнок, которого Гудрун носила под сердцем, вырастет и отомстит за своего отца.

Другой эпизод — из Саги об Эрике Рыжем — сосредоточен скорее на решимости и силе матери. Скрэллиинги нападают на беременную Фрейдис Эйриксдоттир (Freydís Eiríksdóttir), и ей приходится защищаться:

«Но они не обратили никакого внимания на ее слова. Фрейдис хотела присоединиться к ним, но ей было не

Хельги и Гудрун в «Саге о людях из Лососьей долины», изображённые Андреасом Блоком (1898)

догнать их, так как она была беременна. Она пошла за ними в лес, а скрелинги приблизились к ней. Тут она увидела перед собой на земле убитого, это был Торбранд, сын Снорри. В темени его торчал плоский камень, а меч его лежал рядом. Она хватает меч и готовится защищаться. Тут скрелинги подбегают к ней. Тогда она выпростывает одну грудь из-под рубашки и шлепает по ней обнаженным мечом. Скрелинги были так напуганы этим, что бросились к своим лодкам и поплыли прочь».

Перевод М.И. Стеблин-Каменского.

*Фигурка беременной женщины.
Исторический музей Швеции*

Хотя в научной литературе этот эпизод порой воспринимается как второстепенный или малоизвестный, ему, возможно, получится сопоставить пример из археологических находок — фигурку беременной женщины.

Эта подвеска, найденная в женском погребении X века в шведском местечке Аска (Aska), — единственное достоверное изображение беременной женщины эпохи викингов. Это было захоронение взрослой женщины, а также лошади, собак и овцы (или козы). В могиле также находилось множество погребных даров, включая железный жезл и восемь позолоченных серебряных подвесок. Жезл и богатый набор артефактов — одна из причин, по которой захоронение интерпретируется как захоронение вельвы — женщины, практиковавшей магию сейда.

Подвеска представляет собой фигуру в женской одежде, с руками, обнимающими подчёркнуто округлый живот — возможно, это знак связи с ребёнком. Голова фигуры слегка наклонена вперёд — она как будто смотрит вниз на своё тело. Особый

интерес вызывает то, что беременная женщина изображена в боевом шлеме.

Эта фигурка многими исследователями связывается с плодородием и богиней Фрейей. Однако Фрейя — сложное божество, гораздо более тесно связанное с сексуальностью, чем с материнством, и хотя её идентификация здесь вполне возможна, авторы утверждают, что в антропоморфном образе фигуры есть черты, выходящие за рамки этого определения.

В совокупности эти свидетельства показывают, что беременные женщины — по крайней мере в искусстве и литературе — могли сражаться и владеть оружием. Им точно не отводилась роль пассивного наблюдателя. И в сочетании с недавними исследованиями захоронений женщин-викингов как воинов это заставляет нас переосмыслить привычные представления о гендерных ролях в обществе викингов, которое часто воспринимается как гипермаскулинное.

Потеря ребенка и материнская смертность

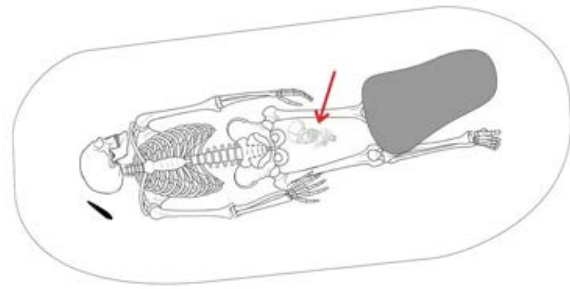
Одно из направлений исследования касалось свидетельств материнской и детской смертности в археологических находках эпохи викингов. Как известно, уровень смертности женщин при родах и их новорожденных младенцев в большинстве доиндустриальных обществ был чрезвычайно высок (для средневековой Скандинавии он оценивается почти в 50 %²). Однако среди тысяч известных захоронений эпохи викингов авторы обнаружили всего 14 возможных случаев, где мать и ребёнок были похоронены вместе. В шести из них новорожденные дети располагались в области таза или между ног женщины, что, согласно интерпретации Сейер и Дикинсон (2013), может указывать на смерть при родах.

Однако, как бы то ни было, 14 случаев на тысячи известных погребений — поразительно малое число. Это позволяет предположить, что в случае трагедии, женщины не всегда хоронились вместе с ребёнком, которого носили, и, возможно, не воспринимались как единое целое, как симбиотическая пара «мать-дитя».

² Högberg et al. 1987

Реконструкция захоронения из Фьелькинге (Швеция): взрослая женщина и новорожденный ребенок между её ног. Обратите внимание: ноги женщины были придавлены крупным валуном

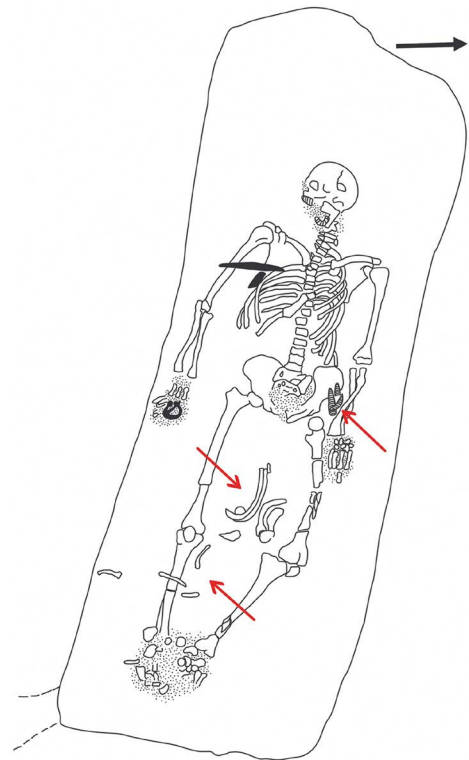
Более того, были обнаружены захоронения новорождённых, помещённых рядом со взрослыми мужчинами или женщинами старшего возраста. Такие случаи могли быть семейными погребениями, но не исключено, что их значение было чем-то иным, выходящим за рамки привычных представлений о материнстве.

Нельзя исключать, что младенцы — и без того редко встречающиеся в погребениях — могли быть захоронены каким-то другим образом (иногда тела умерших новорожденных использовали при строительстве нового дома³) или не были захоронены вовсе. А когда их находят в могилах вместе со взрослыми, также нельзя исключить, что это могло быть жертвоприношение, своего рода погребальный дар.

Это служит острым напоминанием о хрупкости беременности и сакральности родов, что по факту является переходом между жизнью и смертью. В некоторых случаях, как, например, с маленьким сыном Гудрун, вынашивание и рождение были многоступенчатым процессом становления — дорогой к обретению статуса свободной личности.

К сожалению, для женщин, которые находились на нижних ступенях социальной лестницы, всё это выглядело совершенно иначе. Один из правовых текстов сухо сообщает: беременность у женщины-раба при продаже считалась дефектом её тела.

Таким образом, авторы приходят к выводу, что беременность в эпоху викингов была своего рода политическим явлением, и её роль не была однозначной для всех. Она формировала — и формировалась сама — через представления о социальном статусе и родстве. Исследование показывает: беременность была не личным делом женщины, а ключом к тому, как общество викингов осмысляло жизнь, социальную идентичность и власть. При этом парадоксально, что для общества, столь одержимого генеалогией, которое могло перечислять родственные связи до седьмого колена («Женой Кетиля Плосконосого была Ингвильд, дочь Кетиля Барана, человека прославленного. У них было пятеро детей. Одного сына звали Бьёрн с Востока, другого Хельги Бьолан...»⁴ и т.д.), беременность почти не упоминается. Археологические данные показывают, что совместные захоронения матери и ребёнка не были ни универсальной, ни обязательной практикой — даже в обществе, где роды представляли смертельную опасность и уносили жизни многих женщин и детей.

План захоронения мужчины с новорождённым, расположенным между его ног

3 Eriksen, 2017

4 Саги о людях из Лососьей долины

Источники:

Хильда Родерик
ЭЛЛИС-ДЕВИДСОН
Перевод с английского: ESGAL

Дорога в Хель

В этом номере мы продолжаем печать полного перевода книги Хильды Родерик Эллис-Девидсон «Дорога в Хель». Начало можно прочитать в 40–50 номере «Северного ветра».

Глава XXXI

Культ мёртвых

*Башмак — земля, башмак — пережной,
Покой в земле нашедших покой,
Питающих поле. В извечном ритме,
Ритме танца и ритме жизни,
Ритме года и звездного неба,
Ритме удоев и урожаяв.*

Т.С. Элиот «Ист Кокер»¹

Сведения скандинавской литературы о культе мёртвых касаются захоронения в земле, а не кремации. Важно также заметить, что большинство из них основано не на *Сагах об Исландцах* (Íslendinga Sögur), а на *Сагах о Древних временах* (Fornaldar Sögur), королевских сагах в Круге Земном (Heimskringla), *Сагах о Древних людях* (Fornmanna Sögur) и *Книге с Плоского острова* (Flateyjarbók), и поэтической *Эдде*. В целом эти источники связаны больше с Норвегией и Швецией, а не с Исландией, и, разумеется, на материке, а не в относительно новой колонии мы можем ожидать найти доказательства культа предков и культа мёртвых, хотя воспоминания о таком культе могли быть принесены переселенцами в Исландию. В этом вопросе вряд ли можно ожидать, что свидетельства будут полными, ясными и убедительными. Целая пропасть во времени и культуре лежит между практиками, вдохновлёнными верой в близость и силу мёртвых, и практиками христианской религии во времена, когда монахами и учёными записывались королевские саги, так что отображаемые

в литературе языческие концепции посмертной жизни весьма темны; хотя некоторым аспектам этой веры христианские писатели могли бы отчасти симпатизировать. Но для нашего исследования важны и те свидетельства, что можно найти, поскольку они служат показателями пути, каким в языческие времена в Скандинавии развивались представления о продолжении жизни в могильном кургане, и тем самым расширяют наше знание скандинавских взглядов на посмертную жизнь и связь между временами жизни и смерти.

Поклонение мёртвым и могильные курганы

Записанных прямых утверждений о поклонении умершим, естественно, не очень много. Однако они существуют. Отдельная версия *Книги о Взятии земли* (Landnámabók)² сообщает, что человеку по имени Грим (дед известного

¹ По Элиот Т.С. *Полые люди*. СПб.: ООО «Издательский Дом «Кристалл», 2000. (Б-ка мировой лит. Малая серия). ISBN 5-306-0018-5) (прим.перевод.)

² *Hauksbók*, гл. 19.

Торольва Масло и прапрадед одного из первых исландских поселенцев) приносились жертвы «из-за его известности³, и его прозвали Камбаном».

Профессор Чедвик⁴ сравнивает с этим утверждение Адама Бремена о шведах, которые, по его словам, делают из людей богов и поклоняются им (colunt et deos ex hominibus); что оставляет впечатление, словно Адам имел в виду поклонение людям после смерти, поскольку он приводил историю обожествления короля Эрика, рассказанную в *Житии св. Анскара*. Есть также упоминания о семейных культах среди пруссов, которые могут быть того же типа, что и шведские; и действительно, возможно, что курганы предназначены для некоего культа родовых предков. Данное предположение основано на кратком комментарии в *Книге Взятия земли* (Landnámabók), который совсем невелик, однако возбуждает наше любопытство. Также в *Круге Земном* (Heimskringla, IX) есть хорошо известный отрывок из *Саги о Хальвдане Чёрном* (Hálfðanar Saga Svarta), повествующий о погребении короля Хальвдана:

Ни при одном конунге не было таких урожайных годов, как при конунге Хальвдане. Люди так любили его, что когда стало известно, что он умер, и тело его привезли в Хрингарики, где его собирались похоронить, туда приехали знатные люди из Раумарики, Вестфольда и Хейнмёрка и просили, чтобы им дали похоронить его тело в своём фюльке. Они считали, что это обеспечило бы им урожайные годы. Помирились на том, что тело разделено было на четыре части, и голову погребли в кургане у Камня в Хрингарики, а другие части каждый увёз к себе, и они были погребены в курганах, которые все называются «курганами Хальвдана».

Вполне возможно, что появление данного текста в чём-то обязано умозрительным построениям любителей древности и желанию найти объяснение ряду захоронений, носящих имя одного царя; но в любом случае значима прямая связь между телом покойного и плодородием земель; также есть дополнительное замечание, найденное

в записи в *Книге с Плоского острова*: «и многие люди совершали жертвоприношения и верили в них, пока это не было запрещено его родичами»⁵ (Flateyjarbók, 1, 456).

Однако далее в *Книге с Плоского острова* обнаруживается ещё более убедительное свидетельство поклонения мёртвым — в истории Олафа Альва Гейрстада⁶. Этот Олаф, как можно заметить, — брат Хальвдана Чёрного. Королю Олафу был сон, предвещавший страшную чуму и его от неё погибель. Тогда он указал своим людям построить на мысу великий курган, на что каждый влиятельный человек должен был внести половину марки серебра. В этот курган, поведал он им, его самого нужно будет отнести после его смерти:

«...И так я предостерегаю всех вас: никто не должен следовать примеру тех, кто приносит жертвы умершим людям, на кого они уповали, пока те были живы, потому что я не верю, что мёртвые хоть как-то способны помочь».

Он продолжил довольно занудно объяснять последствия подобной порочной практики; но здесь мы явно видим компиляцию христианина, недоумевающего и обеспокоенного наследием непостижимого языческого мышления, ибо далее он сообщает, что те, кто при жизни были безупречными людьми, превращаются в исчадия ада, и в таком состоянии могут помочь (!) или навредить. Затем он продолжает:

«...Я очень боюсь, что голод придет на землю, когда мы будем лежать в кургане. И тогда нам будут приносить жертвы, и мы должны будем превратиться в троллей; и это будет не по нашей вине...».

Опасения конунга оправданы, потому что когда приходил очередной голод, «обращались к идее принести жертвы королю Олафу ради изобилия и называли его альвом Гейрстада».

Несмотря на то, что эту историю мы видим не слишком доброжелательными глазами позднейшего переписчика, я думаю, существование активного культа мёртвых в Скандинавии вне сомнений. Сам факт его сохранения столь нелогичен

3 fyrir þokkasæld. Вугфуссон переводит это как «известность», но слово sæll обычно использовалось для первых святых — «благословенный» — и, видимо, содержит идею благотворности и даже силы награждать хорошей удачей; это качество, возможно, важнейшее из приписываемых телу конунга Хальвдана в цитируемом ниже отрывке.

4 Chadwick, *Origin of English Nation* (Cambridge, 1907), p. 321.

5 Сравн. с традицией героизации в постгомеровской Греции, где считали, что «владение материальными реликвиями героя само по себе защищает их обладателя», даже если это всего «единственный кусочек тела». Rhode. *Psyche* (перевод Hillis. 1925), стр. 115 f. и замечание на стр. 144.

6 Flateyjarbók: Óláfs Saga Helga, II, 5, p. 6 f.

и столь очевидно необъясним, что тем самым убедителен. Мы ещё вернёмся к этому интересному свойству Олафа при обсуждении вопроса эльфов и перерождения.

Две других аллюзии, которые, как представляется, заслуживают упоминания здесь, но более полно обсуждаются в другом месте⁷, это, во-первых, заявление в *Саге о Хервёре* (Hervarar Saga, I), что люди поклонялись конунгу Гудмунду после его смерти и называли своим богом, и, следом, впечатление, оставляемое *Сагой о Барде Снафелласе* (Bárðr Saga Snæfellsás, VI), где после исчезновения Барда, представленного в начале саги обычным поселенцем Исландии, люди посчитали, что он пропал в горах и соответственно «стал их богом, которому приносят обеты» (*heitgúð*). Напомним, что в сагах и *Книге Взятия земли* (Landnámabók) описаны верования, что мёртвый уходит в горы. Истории Гудмунда и Барда поднимают слишком сложные для текущего обсуждения вопросы; однако цитаты из них дополнительно свидетельствуют, что поклонение умершим людям — понятие, хорошо знакомое северному уму. Наконец, интересно отметить, что у Саксона какой-то культ мёртвых, по-видимому, связан с Уппсалой; так, когда жена некоего Хальвдана родила ему детей, тот спросил тамошний оракул и получил ответ, что он «должен примириться с тенью своего брата, если собрался растить детей»⁸. Здесь мы вновь видим, что рождение тесно связано со смертью. Этот Хальвдан — отец знаменитого Харальда Боезуба (*Hilditönn*) — ярый поклонник Одина, он пал в битве прежде конунга Хринга, и Саксон относит исполнение предсказания оракула на счёт Одина.

Установлено, что во многих случаях почитание оказывалось не именно мёртвому человеку, как в примерах выше, обитающему в погребальном кургане. Оказывается, что курган играет важную роль в культах Хальвдана Чёрного и Олафа альва Гейрстада, так что *Книга с Плоского острова* (Flateyjarbók) на самом деле говорит даже, что «люди приносили жертвы и верили в них» — то есть в курганы Хальвдана⁹. Другая история показывает переход от поклонения обитателю кургана к кургану самому по себе, как в случае Фрейра.

В *Саге об Инглингах* (Ynglinga Saga, X) мы читаем, что Фрейр был тайно похоронен в огромном кургане, а шведам сказали, что он жив; и они по-прежнему платили ему денежный налог, опуская золото, серебро и медь в три отверстия в кургане. *Книга с Плоского острова*, как обычно, даёт нам более подробное описание в *Саге об Олафе Трюгвассоне*¹⁰; Олаф, не опасаясь уронить свой авторитет, говорит народу Трандхейма, что Фрейр был королем Швеции, которого похоронили в грандиозном кургане и дали ему в компанию двух деревянных людей, потому как ни один живой человек не согласится разделить с ним жилище. Для его дальнейшего благоденствия шведы проделали в кургане дверь и два окна и опускали туда золото, серебро и медь, и продолжали делать так в течение трёх лет. После того они решили, что тот должен быть мёртв, но продолжали жертвовать ему и почитать как бога. Это могло опираться на отрывок из *Речей Гримнира* (Grímnismál, 5), где Фрейр описан как Владыка Альфхейма¹¹, а Саксон Грамматик последовательно связывает его культ с Уппсалой¹². Интересно отметить, что культ кургана, связанный с Фрейром¹³, и культ огнесожжения, связанный с Одином, совместно сосуществовали в Швеции.

Это не единственный случай, где мы обнаруживаем, что серебро и сокровища обыкновенно связаны с погребальным курганом. В *Сагах о Древних людях* (Fornmanna Sögur) у нас есть эпизод *Саги о святом Олафе* (Saga Ólafs ins Helga, XXXVI) — пропущенный в пересказе Снорри, который не жаловал такие фантастические сказки в своей истории, — в котором описаны практики народа Карлсама. В одной версии мы читаем, как Олаф и его люди

...поднялись вглубь страны и вынесли много сокровищ из жертвенного кургана (blóthaugr). Там прошла жестокая буря, и дёрн оказался содран с кургана, оставив серебро лежать открытым; и они получили оттуда большое богатство.

В другой версии этой саги добавляется:

Он повелел им ворваться в священный курган этого языческого народа; он так назывался

7 H. R. Ellis, «Fostering by Giants in Saga Literature», *Medium Jvum*, June 1945, p. 701.

8 Saxo, VII, 247, p. 296.

9 См. ранее.

10 Flateyjarbók: Óláfás Saga Tryggvasonar, 1, 322, p. 403.

11 Álfheim Frey gófu í árdága tívar at tannféi.

12 III, 74, p. 90.

13 О связи между Фрейром и кабаном см. Chadwick, *Origin of English Nation*, p. 249

потому, что всякий раз, когда приносили великую жертву для урожая или для процветания, всем следовало приехать к этому кургану и жертвовать... и туда приносили много сокровищ и складывали в курган, прежде чем отправляться обратно.

Рассказчик связывает эту практику с поклонением девам моря и священным кабаном, которого, по его словам, приносили в жертву. Основная идея такого обычая явно аналогична той, что в рассказе о Фрейре, который мы только что процитировали, и я думаю, о русалках можно за ненадобностью забыть, а вот кабан действительно тесно связан с Фрейром, так что вряд ли следует относить его и его священное стадо к сказке. Аллюзия на «урожай и процветание» интересна, потому что эхом повторяют сказанное о Хальвдане и самом Фрейре, которых посмертно соотносили как раз с этими благами.

Слово *ár*, которое я перевела как «изобилие» или «урожай», в зависимости от контекста, является опять-таки связанным с поклонением кургану в *Сагах о Древних временах* (Fornaldar Sögur), в *Саге о Кетиле Лососе* (Ketils Saga Hængs, V). Здесь нас сбивает с толку не имеющий отношения к делу эпизод с конунгом по имени Фрамар, о котором говорится: *«поклонялся Ár-haugr; на котором никогда не лежал снег»*. Его сын Бодмод жил вблизи «Курганна изобилия», и в канун Йоля *«Фрамар и все люди земли приносили жертвы для изобилия»*. Говорится также, что Фрамар поклонялся Одину.

Однако вернёмся к серебру, которое возлагали в некоторые из этих курганов: курган Фрейра в Карлсеме и Олафа Гейрстадира, — мы обнаружили упоминание об этой практике также в *Саге об Одде-стреле*, где её приписывают биармийцам, любопытному народу, с которым связывают всякие странности. Одд говорит:

... Курган стоит на берегу реки Вина. Он насыпан из двух вещей: серебра и земли; двойную горсть серебра приносят к нему за каждого человека, который уходит из мира, и, аналогичным образом, за каждого приходящего в мир; и такое же количество земли. Ты очень разозлишь биармийцев, если отправишься к кургану и унесёшь сокровища из него. (Örvar-Odds Saga, IV)

Эта практика биармийцев подтверждается подробным отчетом о путешествии Карли и Торира Собаки в Бьярмаланд, включённым

в *Круг Земной* (Heimskringla) в *Сагу об Олафе Святом* (Saga Óláfs ens Helga, CXXXIII). Место действия вновь находится неподалёку от реки Вина. Торир призывает товарищей рискнуть и устроить экспедицию вглубь страны, далее он говорит:

...Был в этой стране обычай, что если умирал богатый человек, всё его имущество делили между умершим и его наследниками; мёртвому доставалась половина или треть, но иногда ещё меньше; это сокровища относили в леса и иногда зарывали его в курганы; иногда на этих местах потом строили дома.

Они пытаются утащить часть сокровищ и приходят к высокому забору, который окружает курган. «В нём», — объясняет Торир, — *«золото и серебро перемешано вместе»*. Они забирают оттуда много сокровищ, хотя обнаруживается, что те смешались с землёй. Курган стоит совсем рядом с храмом бога биармийцев (Йомалы/Jómali), от чего происходит некоторый конфуз — авантюристов едва не поймали, ведь Карли решился украсть ожерелье бога. Этот рациональный и деловой рассказ Снорри вряд ли можно истолковать иначе, чем доказательство культа мёртвых, длившегося в Бьярмаланде до довольно поздних времён и процветавшего наряду с поклонением богам, хотя Снорри не даёт никаких пояснений, что представляет собой бог Йомала¹⁴.

Однако в *Младшей Эдде* есть связь между подношениями, которые делались погребальному кургану, и конкретным божеством, хотя данный отрывок неясен и вызывает недоумение:

Конунг по имени Хельги — в честь его назван Халогаланд — был отцом Торгерд Невесты Хельги. Им обоим поклонялись, и курган Хельги был насыпан слоями: слой из золота и серебра — это были жертвенные деньги, — и слой из земли и камней. (Язык поэзии, Skáldskaparmál, XLII).

Затем мы узнаём, что самая соблазнительная из богинь, Торгерд Невеста Хельги, получившая столь преданное поклонение от ярла Хакона, ассоциируется с культом мёртвых, и это соответствует тому, что она упоминает *«друга»* Сотти как своего «брата» в *Саге о Хрейдаре* (Hreiðarr Saga, VIII).

Продолжение следует...

¹⁴ Финское слово для «бог». Современный обзор информации о биармийцах — «The Terfuinas and Beormas of Ohthere», A. S. C. Ross (Leeds Monographs vii, 1940).

Эдред ТОРССОН
Перевод с английского:
Дмитрий ДАММЕР

A Book of Troth

Мы заканчиваем печать перевода исследования Эдреда Торссона «Книга Трота». Предыдущие главы можно найти в 29-50 номерах «Северного ветра». Текст печатается с сокращениями.

Глава XXXI

Как стать жрецом

Стоит ли сомневаться в том, что движение за возрождение германской культуры нуждается в опытных людях, способных научить других древнему знанию? Но чтобы стать учителем, нужно знать очень многое. Только после этого человек может заслужить звание жреца или годи/годьи. Он или она должны изучить мудрость предков в совершенстве, прежде чем учить ей других. Знание это должно быть глубоко понятным и прожитым.

Традиционно в разные периоды истории и среди многих германских племен жреческую власть узурпировали конунги, вожди племен или «отцы семейств». В мудрости этих племен мы черпаем англосаксонские или западно-скандинавские традиции, повлиявшие на североамериканскую культуру. Следовательно, этот «стихийный» подход к духовной власти очень ценится нами и является моделью, которую мы желаем восстановить. В любом случае, стоит быть реалистами и помнить, что в древности жрецы воспитывались в контексте германской культуры и мировоззрения, что в корне отлично от нынешней ситуации. То, что тогда люди впитывали естественно и бессознательно, мы должны восстановить осознанным волевым усилием. Этот процесс неизбежно включает систематическое изучение и обучение других.

Эта глава посвящена критериям, которым должен соответствовать желающий стать жрецом клана

Вудхарроу, также они являются примерами для того, кто хочет применить их к своим собственным кланам или организациям либо использовать в качестве критериев личного достижения, ведущего к провозглашению себя годи. Перечисленные ниже критерии являются поэтому идеальным планом обучения жреца.

Стоит отметить, что в некоторых ветвях асатру жреца и жрицу принято именовать годи и годья соответственно. Мы не разделяем этого, поскольку не видим причин использовать экзотические термины в нашем исконном знании.

Когда человека называют жрецом, это означает несколько вещей. Во-первых, что он прошел серьезные испытания и серьезное обучение ума и сердца ценностям и знанию традиции, а во-вторых, соответствует всем заданным критериям, позволяющим ему официально представлять германскую культуру. Когда новичок спрашивает такого человека о знании или культуре германских предков, подлинный жрец должен уметь авторитетно ответить на эти вопросы. Такой авторитет трудно получить, обучаясь самостоятельно и бессистемно.

Здесь мы хотим в общих чертах описать, что значит быть жрецом и что для этого нужно, преследуя две цели: заинтересованные в становлении жрецом смогут узнать, какой объем работы

необходимо проделать. Также это важно для тех, кто, вступив в организацию асатру, обратится к жрецу с вопросами.

Наличие этих объективных критериев станет защитой от угрозы неадекватного мышления в нашем движении.

Требования к жрецам¹

1. Возраст соискателя должен быть не менее 25 лет.

2. Время пребывания соискателя в рядах организации должно составлять не менее пяти лет, предшествующих дате возможного назначения.

3. Соискатель должен вести независимый образ жизни, и в том числе обеспечивать себя финансово.

4. Соискатель должен обладать опытом как минимум двухлетнего проведения обрядов.

5. Соискатель обязан иметь высшее образование по смежной с его практикой тематике — в идеале степень по германистике. Неподходящими дисциплинами считаются химия, инженерное дело и аналогичные направления, либо нужно пройти полный курс обучения в Woodharrow Institute по германистике и рунологии.

6. Соискатель должен предоставить письменную работу по теме, связанной с германской традицией. Сначала тему должен одобрить его учитель, а итоговая работа должна отвечать стандартам, сформулированным учителем.

7. Соискатель должен выдержать письменный экзамен, касающийся исторических и духовных вопросов германской религиозной традиции.

8. Прием в соискатели должен осуществляться только после устного собеседования с учителем.

9. Соискатель должен быть посвящен и назначен жрецом только церемониальным образом.

В случае соответствия соискателя всем критериям, он достоин звания годи.

Первые два критерия нужны для того, чтобы убедиться, что соискатель созрел и как человек, и как активный и знающий участник движения. Третий критерий расширяет первые два, позволяя убедиться, что соискатель независим и преуспел, во всяком случае, в первом уровне выстраивания

успешной жизни. Если соискатели хотят заслужить уважение членов клана и быть примером для них, они должны обрести хотя бы базовый уровень мастерства. Успешное проведение благословений и групповых собраний — четвертый критерий, которому нужно уделить достаточно долгое время, чтобы соискатель получил в этой роли значительный опыт.

Из всех критериев пятый вызывает, пожалуй, наибольшие вопросы, поэтому необходимо объяснить смысл его включения. Во многих крупных университетах западного мира можно найти массу полезной информации об истории и культуре нашего народа. В целях защиты от уничтожения это знание было «секуляризовано», благодаря чему и сохранилось, в том числе не без влияния романтиков XVIII — начала XIX веков. Чтобы ознакомиться с этим знанием, мы можем пользоваться университетским образованием и библиотеками. Христианам, например, чтобы быть допущенными к ведению службы, необходимо закончить как минимум семинарию. Если дело обстоит так, то почему бы кому-то, кто исполняет схожие жреческие функции в асатру, не иметь столь же качественной квалификации.

Критерии с шестого по восьмой должны объективно выявить компетентность соискателя. Старейшина, в первую очередь, — учитель и поэтому должен уметь выражать свои мысли в письменной и устной форме. Последний критерий демонстрирует момент финальной трансформации в публичное признание статуса жреца.

Назначенный на благословение годи призван, прежде всего, проводить божественную силу. В этом смысле он выступает именно в роли жреца, и становится старейшиной для исполнения этой функции необязательно. Сделать это может всякий практик традиции, и ничего, кроме базового опыта, здесь не требуется. Однако, чтобы приобрести глубокое знание истории, культуры, языка и философии германцев, требуется систематическое образование. Жрец традиции Трот в чем-то похож на раввина — учителя культуры народа и хранителя мудрости. По моему глубокому убеждению, такие учителя необходимы для восстановления подлинной германской культуры. Они не станут большинством, да и не должны им быть, но они обязаны стать существенной частью движения, неутомимыми борцами за возрождение традиционных ценностей и источником знаний для всех ветвей движения, а не только одной из них. ♦

¹ Список требований отражает субъективное мнение автора и, по мнению редакции, не должен рассматриваться как единственно возможное руководство к действию — прим. редакции журнала «Северный ветер».

Девять Миров Therion

Андрей GAMMAL

Дата выхода: 8 октября 2001 года

Жанр: Симфоник-метал, хард-рок, хэви-метал

Лейбл: Nuclear Blast

Продюсеры: Christofer Johnsson и Therion

Студия записи: Modern Art Studio, Стокгольм, Швеция

Обложка: Художник Thomas Ewerhard, изображает девять скандинавских рун

Альбом «**Secret of the Runes**» шведской симфоник-метал группы Therion — это музыкальное путешествие по девяти мирам скандинавской мифологии. Он вышел 8 октября 2001 года и стал десятым студийным релизом группы. Каждый трек в альбоме посвящён одному из этих миров, а центральная композиция — заглавная — раскрывает тайну рун, объединяя концепцию альбома.

В записи, помимо основного состава:

- Christofer Johnsson — гитары, клавишные, перкуссия, продюсер, автор музыки и концепции альбома
- Kristian Niemann — гитары
- Johan Niemann — бас-гитара
- Sami Karppinen — ударные, — принял участие Пражский филармонический хор! Поэтому альбом записывался в двух студиях:

Modern Art Studio в Стокгольме и Smecky Music Studio в Праге. Именно там проходила запись оркестровых и хоровых партий. Хор не просто дополняет музыку, а является полноправным участником композиционного процесса: он исполняет оперные партии, создавая атмосферу древнего ритуала и мифологического эпоса.

Хоровые аранжировки подчеркивают симфоническую составляющую альбома, превращая его в масштабное произведение, близкое к опере. Сочетание оперного хора, симфонических аранжировок и металлических риффов усиливает эпичность текстов.

Заглавная песня альбома:

Secret of the Runes

Ключевые образы:

- Hangatyr — одно из имён Одина, бога мудрости и магии. Он открывает герою тайну рун.
- Worldtree (Yggdrasil) — мифическое дерево, соединяющее девять миров. Герой «едет» на нём, жертвуя собой, как Один, чтобы обрести знание.
- Irmin — возможно, отсылка к Irminsul — священному столбу древних германцев, символизирующему ось мира.
- Futhark — древний рунический алфавит. «Я ем плоды футарка» — метафора поглощения знания.
- Eighteen runes — согласно мифу, Один открыл 24 магические руны после самопожертвования.

Песня описывает путь посвящения, где герой повторяет путь Одина, чтобы обрести тайное знание и бессмертие.

Открывает альбом композиция *Ginnungagap*. Гиннунгагап означает первозданную пустоту, существовавшую до сотворения мира. Это пространство между огненным Муспельхеймом и ледяным Нифльхеймом, из столкновения которых возник великан Имир, а позже — весь мир.

Ключевые образы:

- «Fall deep into Void / In the black hole of Nothing» — призыв к погружению в первозданную пустоту, откуда всё начинается.
- «Nail, Flow of Hvergelmir» — отсылка к источнику Хвергельмир, из которого вытекают все реки мира.

- «Spark in the Nothingness / Heat of creation» — символ столкновения льда и огня, породившего жизнь.

***Midgård* — Срединный мир**

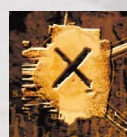
Midgård — обитель человечества в скандинавской космологии. Он расположен между мирами богов (Асгард) и великанов (Йотунхейм), окружён морем и змеем Ёрмунгандом. В песне Therion Мидгард представлен как мир баланса между противоположностями — теплом и холодом, светом и тьмой, жизнью и смертью.

Ключевые образы:

- «Behind the depth, before the height, surrounded by the serpent Jormundgand.» — Мидгард находится между мирами, окружён змеем Ёрмунгандом — символом цикличности и угрозы.
- «Built by the Ymer brow» — Согласно мифу, Мидгард был создан из тела великана Имира (Ymir), а его брови стали границей мира людей.
- «Ash and Elm, the human pair...» — Отсылка к мифу о создании первых людей — Аска и Эмблы, сотворённых из ясеня и вяза.
- «Will someday your balance reach an end and you'll start to fade?» — Вопрос о будущем человечества: сможет ли Мидгард сохранить равновесие или погибнет?
- «May the tree be reborn from the ash...» — Надежда на возрождение после разрушения, возможно, аллюзия на Рагнарёк и обновление мира.
- «Sow upon the field the rune of Jara» — Руна Jara (или Jera) символизирует урожай, цикл времени и возрождение. Посев этой руны — акт надежды и обновления.

***Asgård* — Мир богов**

Ключевые образы: героизм, Рагнарёк, связь с небесами:

- Bifrost Bridge — радужный мост, соединяющий Мидгард и Асгард.
- Heimdall and Valhalla — страж и обитель павших воинов.
- Einherjar — воины, погибшие в бою, готовящиеся к последней битве.
- Midwinter sky — намёк на Рагнарёк, когда мёртвые восстанут.

- Zodiac signs — боги живут в звёздах, их присутствие — вечное.
Композиция *Asgård* — гимн Асгарду, дому богов, и предвестие конца времён. Она соединяет мифологию с космосом, показывая, что древние саги живут в звёздах.

Vanaheim — Мир ванов

Ключевые образы: плодородие, магия, внутреннее пробуждение:

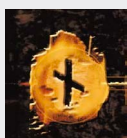

- Freyг и Freja — бог и богиня плодородия, правители Ванахейма.
- Seed of Ing — символ жизни, семя, отсылающее к богу Ингу.
- Fylgia и totem beast — духовные двойники и тотемные животные, проявления души.
- Sejd и Sibyl — магия и пророчество, путь к самопознанию.

Песня описывает Ванахейм как мир гармонии, магии и внутренней силы. Через жертву и связь с природой человек может обрести своё истинное «я» и духовного спутника.

Jotunheim — мир великанов

Ключевые образы: первозданная сила, мудрость, хаос.

Композиция описывает мир за пределами известного, населённый великанами, рожденными до богов. «You may hear the drumming and the heavy steps of the giants» — звук силы и отголосок древности. Великаны — не только разрушители, но и носители древней мудрости.

Muspelheim — мир огня

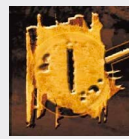
Ключевые образы: разрушение, Рагнарёк, перерождение:

- «From the south comes the forces of chaos and destruction» — наступление огненных сил. Огненный гигант Сурт ведёт армию на богов в финальной битве.
- «The wheel of fate will turn once again» — даже после разрушения возможен новый цикл жизни.

Nifelheim — мир льда

Ключевые образы: холод, смерть, зарождение жизни:

- «The world of ice in the distant north is a very mysterious place» — царство тумана и холода.
- Семя жизни скрыто в льдах, и жар Muspelheim может его пробудить.
- Упоминается дракон Нидхёгг и связь с Helheim — миром мёртвых.

Helheim — царство мёртвых

Ключевые образы: смерть, завершение, перерождение:

- Хель — богиня Смерти.
- «Her name means both 'hole' and 'whole'» — двойственность: конец и начало.
- Хель управляет девятью тёмными мирами, где даже Бальдр находит путь к возрождению.

Ljusalheim — мир светлых альвов

Ключевые образы: красота, иллюзия, магия:

- Эльфы — «beings of enchanting beauty», способные унести тебя в небеса.
- Но их свет — обманчив, и за ним может скрываться падение.
- Мир управляется Фрейром, богом плодородия и света.

Schwarzalbenheim — мир тёмных альвов

Ключевые образы: алхимия, кузнечное мастерство, тайные знания:

- Гномы и тёмные альвы живут под землёй, создавая сокровища богов.
- «They may be able to teach you the secret of alchemy» — намёк на эзотерическое знание.
- Их труд — создание золота из земли, символ трансформации и тайны.

Альбом также включает два бонус-трека — каверы на Crying Days группы Scorpions и Summer Night City группы ABBA. На последний был снят видеоклип.

Secret of the Runes стал одним из самых масштабных проектов Therion, объединив металл, оперу и мифологию. Он выделяется своей цельностью, глубиной и художественным замыслом, оставаясь актуальным и вдохновляющим спустя более двух десятилетий. Рекомендую к прослушиванию не только последователям Северной Традиции, но и простым ценителям музыки.

Волшебные исландские сказки

Тексты первоначально опубликованы
на сайте: <https://norroen.info>

Перевод с исландского: Тимофей ЕРМОЛАЕВ
Редакция перевода и примечания: *Speculatorius*

Рассказ о королевне Кисе

Правили когда-то государством король и королева. У них не было детей, и короля это очень беспокоило.

Однажды он сказал королеве, что собирается развлечься сегодня, а она должна к его возвращению родить ребёнка, или же он убьёт её. Затем он отправился своей дорогой, а королева вышла под стену дворца и стала плакать. Через короткое время к ней подошла женщина и спросила её, что с ней случилось. Она отвечает:

— Причина моего горя в том, что когда мой король отправился из дому, то поставил мне условие: я должна родить ребёнка, когда он вернётся, и я не знаю, что делать.

Незнакомка рассказала, что совсем недалеко оттуда есть озеро; в нём плавают две форели, одна жёлтого, а другая красного цвета, и она должна поймать жёлтую и съесть, но остерегаться, чтобы ей в рот попала красная, поскольку та будет сильно стремиться к этому. Она последовала указаниям женщины. Но когда она съела жёлтую форель, другая выпрыгнула из воды ей в рот и в тот же миг спустилась внутрь. После этого получилось так, что королева забеременела. Прошло время, пока у неё не начались роды. Она родила кошку, а затем — большую и красивую девочку. Тогда приняли спешные меры: кошку поскорее выбросили из окна, а девочке оказали тёплый приём и назвали Ингибьёрг. Она росла там, пока ей не исполнилось десять лет; тогда для неё построили роскошный замок.

Однажды случилось так, что к берегу пристал корабль, которым управляли два королевича; одного звали Сигмюндом, а второго — Аусмюндом. Они попросили у короля места при дворе, что им и было предоставлено. Недолго пробыв там, они повадились посещать Ингибьёрг. Часто к окну Ингибьёрг приходила Киса, болтала с Ингибьёрг и говорила:

— Здравствуй, сестрица!

— Убирайся прочь, мерзкое существо! — отвечала та. — Ты мне не сестра.

И вот в один погожий день король и королева, Ингибьёрг, оба королевича и многие другие отправились в лес, чтобы развлечься. Внезапно опустился такой густой туман, что никто не мог видеть другого. Тогда каждый попытался поскорее вернуться домой, и всем это удалось, кроме Ингибьёрг; она заблудилась раньше, чем можно было ожидать. Она остановилась на какой-то поляне. Тут к ней подошёл

весьма безобразный великан и приказал ей выбирать одно из двух: либо она выйдет за него замуж, либо он отрубит ей обе ноги, и она предпочла последнее. Затем он удалился прочь. Когда прошло немного времени, появилась Киса, таща хвостом маленькую тележку, и сказала:

— Здравствуй, сестрица!

— Привет, сестрица, — говорит Ингибьёрг.

— Предпочтешь ли ты получить от меня помощь или вред? — спрашивает Киса.

— Лучше помощь, — отвечает она.

Тогда Киса взяла королеву и положила в повозку, а затем продолжила путь, пока не оказалась у маленького домика. Киса вытащила сестру из повозки, уложила в кровать, потом принесла ей еды и предложила поспать. Следующим утром Киса рано отправилась в замок. Она встретила там королевичей и долго играла с ними. Наконец она попросила у них бочку с солью и попросила положить её на санки, которые тащила хвостом; затем она побежала и не останавливалась, пока не оказалась у какой-то пещеры. Там она заглянула в окно кухни. Она увидела там трётлей: мужчину, женщину, мальчика и девочку, — которые готовили кашу. Тогда она взяла соль и высыпала всё из бочки. Трётли попробовали кашу из котла, и им понравилось. Они ели, пока котёл не опустел. Тогда мужчина говорит:

— Как там дела у королевны Ингибьёрг?

— С ней что-то случилось? — спрашивает мальчик.

— Ты не знал, что я отрубил ей обе ноги?

— И что ты с ними сделал?

— Я положил их в свой сундук вместе с целебными травами.

— Возможно ли её излечить?

— Как же, — говорит мужчина, — если использовать эти самые травы.

— Где ключ от сундука?

— Он спрятан в башмаке на моей правой ноге.

Затем мужчина говорит:

— Мне хочется пить.

Тогда он сказал мальчику принести ему воды. Прошло много времени. Потом девочка вышла наружу, склонилась над колодецем и сказала:

— Саму себя я ценю больше всего, и никто не может упрекнуть меня в этом.

Тут появилась Киса, столкнула её в колодец, и то же самое она сделала с мальчиком. Прошло ещё довольно много времени; мужчину замучила жажда. Он попросил женщину принести воды. Она пошла и, оказавшись у колодца, наклонилась; Киса сбросила её в колодец. Тогда пошёл сам мужчина и склонился у колодца; тогда позади него появилась Киса и бросила его в колодец, но при этом стащила башмак с его ноги и затем нашла ключ от сундука с ногами. Она взяла ноги и вернулась домой. Она нашла Ингибьёрг и вылечила её. Потом она отправилась вместе с ней во дворец. Случилась тогда радостная встреча. Затем Сигмюнд попросил руки Ингибьёрг, и устроили их свадьбу. Киса попросила Ингибьёрг позволить ей спать в её ногах, и та согласилась; а утром вместо кошки там была королевская дочь. Аусмюнд также попросил её руки и получил согласие. Тогда свадьбы объединили, и они правили до самой смерти.

У друга с девушкой рождается ребёнок

Однажды некая женщина вязала, сидя на стене кладбища, и моток её пряжи скатился в открытую могилу. Обитавший в этой могиле призрак попросил её во что бы то ни стало забрать клубок, поскольку иначе он не сможет находиться в этой могиле. Девушка сделала это, хотя и нерешительно; затем призрак имел с ней сношение и сказал ей, что после их связи она забеременеет и родит мальчика, который будет очень одарённым и любознательным человеком и потому займётся учёбой и станет священником. Но в первое же воскресенье, когда он благословит прихожан, церковь погрузится под землю, если только решительный человек не проткнёт священника насквозь перед алтарём. Затем призрак и девушка расстались, но всё случилось так, как сказал призрак. Женщина родила сына, который учился и стал священником. Но в первое воскресенье, когда он совершал богослужение, какой-то пожилой человек встал со своего места в церкви, приблизился к священнику и проткнул его насквозь, когда тот собирался благословить народ, и таким образом предотвратил ущерб, который иначе произошёл бы, а на алтаре были три капли крови, и это — останки священника: ровно столько в нём было земного происхождения.

Отец пятидесяти детей

Однажды некая женщина обеспокоилась, что её ребёнка заменили подменным. Тогда она отправилась к своей подруге и соседке и попросила у неё совета. Та сказала, что она должна взять жердь длиной в пятнадцать локтей, поставить её одним концом в маленький горшок, затем посадить дитя рядом с этой громадиной, а самой спрятаться и проверить, не произнесёт ли оно что-нибудь, по чему она сможет решить, какого оно рода, и если она услышит, что оно скажет что-нибудь, что убедит её в том, что это подменыш, тогда она должна схватить его и пороть розгой, пока оно не будет при смерти. Вот та сделала, как ей посоветовали, поставила жердь в горшок, посадила рядом ребёнка и стала тайно подслушивать.

Спустя немного времени ребёнок вдруг сказал:

— Я уже так стар, как можно понять по моим усам, отец пятидесяти детей и дед семидесяти внуков, однако я никогда не видал такой длинной жерди в таком котелке.

Затем женщина схватила ребёнка и стала безжалостно его сечь, а когда она выпорола его так, что думала, что он едва живой, появилась женщина с ребёнком, бросила его, а другого схватила и сказала в великом гневе:

— По-разному мы поступаем, твоя мать и я: она моего мужа порет, а я тебя баюкаю.

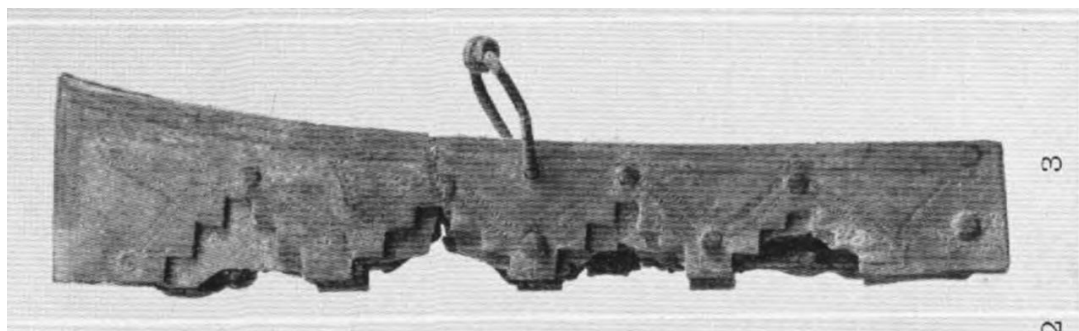

Ножны из захоронения Vj967

Андрей МАЛАХОВ
<https://t.me/archeorecon>

КИР «Крыса в котелке»:
<https://vk.com/ratinthepotclub>

Создание наших ножен мы начали с поисков источников. А их у нас всего было два: Каталог «Birka 1 Tafein» и фотографии на сайте Стокгольмского исторического музея.

Изображение накладки из каталога

В каталоге мы нашли изображение всей накладки на ножны с одной стороны. Но на сайте нас ждали приключения: во-первых, накладка оказалась сломана пополам и представлена как две отдельные находки. Зато там же нашлось фото наконечника ножен и перемычек на них. Правда, вот незадача: помимо клинка, на котором держались наконечник и скобы, в составе этого ножа откуда-то появилось ещё одно лезвие. Если следовать логике современной реконструкции, выходит, что у этого экземпляра было целых два клинка. По факту — либо второй клинок попал в захоронение случайно, либо он (или весь конгломерат) не имеет отношения к искомой накладке. Но мы хотим верить, что случайным был именно «лишнее» лезвие.

Половина накладки из каталога музея

Обратная сторона накладки

Фрагмент лезвия с наконечником и скобами

Дополнительное (конусное) лезвие

Очевидно, что размеры сильно различались (из-за угла съёмки музейных деталей и разного расстояния до линейки). Поэтому пришлось долго всё вымерять по линейке вручную. Вот так в итоге выглядит файл на экране компьютера (там он в размер).

Нож

Признаемся честно: искать материалы по дендроанализу рукояти (которой, к слову, и не сохранилось) было просто лень. Поэтому мы решили пойти по пути наименьшего сопротивления — взяли для рукояти ветку тиса. По статистике, это довольно распространённый материал для рукояток ножей в Скандинавии X века. К тому же тис — это редкий и красивый материал. Клинок, традиционно, трёхслойный пакет с щеками из коричневого железа.

Процесс изготовления максимально простой: в заготовке высверливается отверстие на 0,5–1 мм меньше диаметра хвостовика, после чего клинок аккуратно забивается. Оставшееся отверстие затем закрывается клиньями под диаметр отверстия. Далее рукоять обтёсывается до нужной формы и доводится напильниками и наждачной бумагой. К слову, напильники — инструмент, явно недооценённый в контексте раннего Средневековья. Но об этом мы, пожалуй, когда-нибудь расскажем отдельно.

Заготовка клинка и рукояти + готовый нож

Ножны

Ножны, конечно, оказались задачей посложнее.

Для их основы мы традиционно использовали кожу растительного дубления: во-первых, она ближе к историческому источнику, во-вторых, лучше формируется и поддаётся окрашиванию. Пока кожа принимала нужную форму, мы перешли к работе над основной накладкой. Взяли пластину толщиной 0,8 мм — хотя личный опыт говорит, что чаще всего на ножах использовались более тонкие, 0,5–0,6 мм, пластины. Впрочем, встречаются и исключения.

Сгиб в нашем случае полукруглый, хотя нередко его формуют под прямоугольник. После сгиба пластину полностью отождли, обрезали край «от точки до точки» по размеру и выровняли линию сгиба напильниками.

Нож и заготовка под ножны

После обрезки край загибается, поэтому необходимо выровнять

*Сгиб**Разметка**Обрезка**Опиловка*

В промежутке между опиловкой и разметкой делаются бороздки по краям. Если взглянуть на оригинал, хорошо видно, что они сделаны методом процарапывания — мы поступаем точно так же. Правда, неизвестно, каким инструментом пользовались мастера в древности, поэтому мы,

да простят нас мастера и специалисты, используем переточенный штангенциркуль. Результат выходит именно таким, как нужно.

Что касается разметки выполов — это тоже отдельная тема. Здесь важно уметь различать следы коррозии и сгнившие части от просто непропорциональных или неточных элементов рисунка. К счастью, в этой пластине всё оказалось идеально.

Разметка

После разметки за работу принимается мистер лобзик. Мы предполагаем, что в оригинале вырезы могли выпекаться — но это вопрос, требующий отдельного и более глубокого изучения. Пока же действуем проверенным способом — пилим.

После выпилки идет доводка напильниками и шлифовка.

Выпиливание вырезов

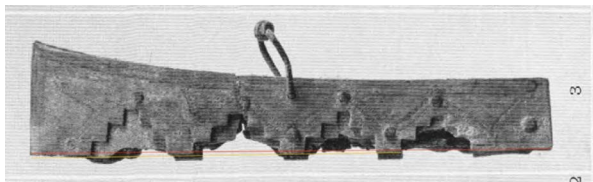
Дальше начинается одна из самых интересных стадий — чеканка узора. Она выполняется при помощи специального штампа. Однако при чеканке металл расширяется, из-за чего пластину немного «ведёт». После чеканки следует отжиг

и правка. Добиться идеально прямой поверхности практически невозможно — да, впрочем, и незачем. В оригинальных находках идеальной прямой линии тоже нет.

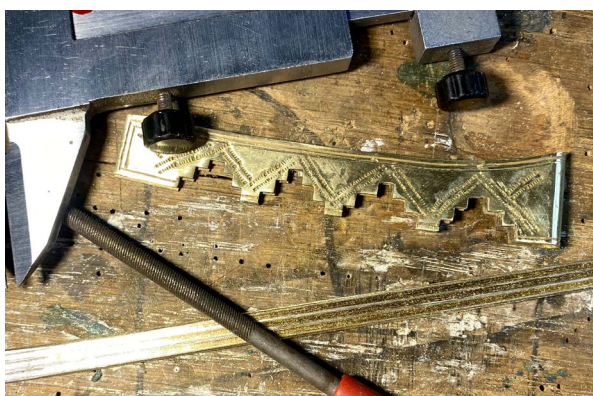
Пластина и ее деформация в процессе чеканки

Искривление оригинала

U-образные скобы

Казалось бы, такая мелочь, но об нее сломали зубы многие мастера. Мой опыт говорит, что чаще всего такие скобы имеют три полукруглые выемки шириной около 1 мм каждая. По всей видимости, мастера X века выполняли их при помощи штампа — и многие наши коллеги поступают так же. Признаемся честно — мы выемки выпиливаем. После разметки и скобления, аналогичного обработке обводной полосы, доводим форму круглым надфилем. В этот раз нам повезло — заготовки уже были под рукой. Много скрамасаксов — много заготовок.

Заготовка под U-образные скобы

Наконечник ножен

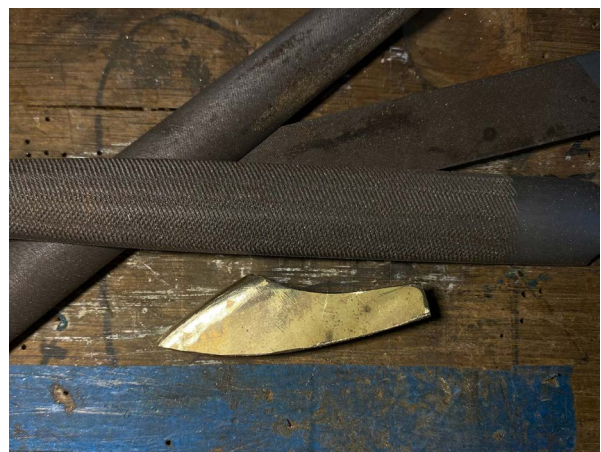
Наконечник ножен — элемент, часто недооценённый. Многие мастера просто сгибают наконечник пополам, хотя существует немало и формованных наконечников с изгибом. В нашем случае всё достаточно просто: после выбора и предварительной обрезки заготовки мы используем пуензеля (обожаю это слово) и выемку в деревянной форме. После формовки — традиционные операции: обрезка, опиловка и точная подгонка.

Инструмент и заготовка

Чеканка изгиба

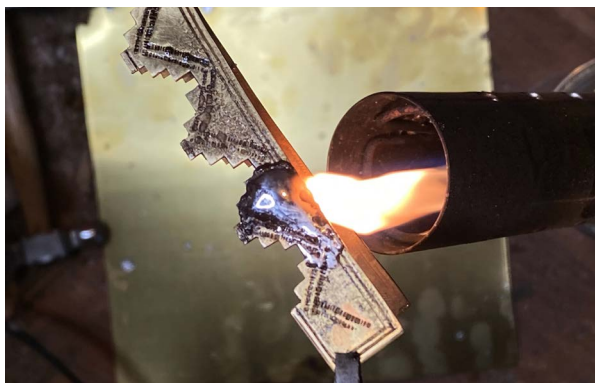

Черновая обработка

Лужение

После финальной шлифовки напильниками и наждачной бумагой, разметки линий и проработки мелких деталей наступает этап лужения. Мы выполняем его с помощью тряпки, олова и горелки — в целом так же, как это делалось в оригинале. Это хорошо заметно по следам на его оловянном покрытии.

Процесс лужения

Результат

Подготовка к сборке

Пока мы занимались железными деталями, ножны постепенно высыхали. Признаемся честно: для формовки мы используем современные пружинные струбины. После высыхания ножны окрашиваются и впервые покрываются воском.

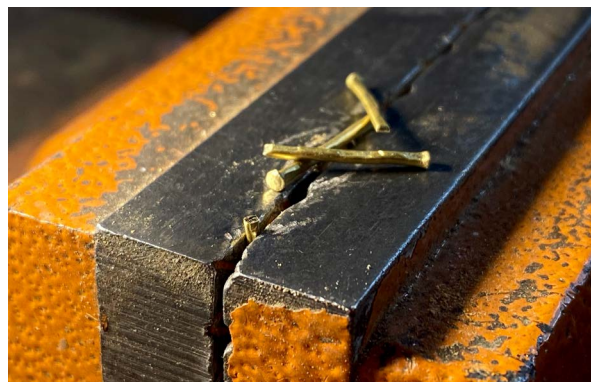

Формовка

Покраска и вощение

Клёпки также изготавливаем самостоятельно. Для этого используем проволоку диаметром 1 мм. Отрезок проволоки зажимается в тисках так, чтобы над поверхностью оставалось не более 1 мм металла. Затем выполняется расклёп малым ювелирным молотком с полукруглым бойком.

Производство клёпок

Готовый результат

Сборка

После лужения все элементы проходят первичную полировку войлоком. Отверстия мы сверлим современной дрелью. Хотя тема способов сверления отверстий в ножнах заслуживает отдельного исследования.

Когда все элементы правильно расположены, подогнаны и зафиксированы, сверлятся отверстия и расклепываются клепки. Процесс прост: клепки расклепываются тем же молотком с полукруглым бойком, что позволяет получить характерные полусферические шляпки.

Установка U-образных скоб и обрезка излишков кожи

Процесс расклепывания

После установки всех элементов выполняется вождение, фактуровка и окончательная полировка металлических деталей.

Итог

В итоге у нас получился вот такой нож. Максимально близкий к оригиналу по всем известным источникам.

Традиционные лакомства для йольского стола

Мария ЮЛИНА
(РАНХИЛЬД)

Печенье «Йольский козел»

В прошлом году редакция «Северного ветра» решила поэкспериментировать с самыми что ни на есть традиционными ореховыми печеньками по рецепту из «Поваренной книги викингов», а также с условно традиционным лакомством по современному рецепту, но из традиционного продукта, скира, упоминаемого в сагах. Эти эксперименты нам настолько понравились, что в этом году мы решили продолжить и приготовили печенье «Йольский козел».

Безусловно, это лакомство тоже относится к разряду «условно традиционных», так как и рецепт, и ингредиенты здесь современные. Зато сам символ отсылает к образу козлов Тангниостра и Тингриснира, которыми была запряжена колесница бога Тора. Особенно такие печеньки популярны в Швеции.

Самое главное в этом рецепте — формочка в виде йольского козла. Моя форма прилетела ко мне из Швеции, но и в наших странах можно найти что-то похожее, правда, чаще всего с доставкой из Китая. Если с формочкой совсем беда, можно воспользоваться схемой и попробовать вырезать фигурку самостоятельно.

Рецепт фигурного печенья и глазури может быть любим, но я поделюсь проверенным

вариантом. Он чуть более сложен в приготовлении, зато, на мой взгляд, заметно превосходит остальные по вкусу.

Итак, для 20 печенек вам понадобится:

Мука — 400 г

Масло — 200 г

Сахар — 150 г

Какао-порошок — 40 г

Растворимый кофе — 2 ч. л.
(развести в 50 мл воды)

Сметана — 1 ст. л.

Соль, ванилин

Королевская глазурь:

Сахарная пудра — 360 г

Белки — 4 ст. л.

Крем тартар — 1/4 ч. л.

1. В большой миске смешиваем все сыпучие ингредиенты: сахар, муку, какао-порошок и соль.

2. Кофе разводим горячей водой и смешиваем с растопленным маслом. К слову, чтобы аромат ванилина раскрылся лучше всего, его стоит добавлять именно в масло.

3. Соединяем сухие и жидкие ингредиенты.

4. Добавляем столовую ложку сметаны и замешиваем тесто. На этом этапе вам будет казаться, что тесто никогда не соберется в комок. Спокойно: отчаяние — обязательный этап работы над фигурным печеньем. Собираем тесто и волю в кулак, формируем шар и отправляем его минут на 15 в холодильник.

5. Видите? Все идеально раскаталось. Правда, у этого теста есть нюансы: раскатывать его нужно медленно и желательнее в одном направлении, время от времени слегка прихлопывая руками.

6. Начинаем вырезать печеньки. С фигурной выпечкой я работаю не первый год, но именно эта форма оказалась крайне капризной: то хвост отвалится, то нога, то борода. Поэтому без плоской лопаточки не обойтись. Кроме того, не стоит раскатывать тесто слишком тонко.

7. Выкладываем печенье на пергамент и отправляем в разогретую до 180 градусов духовку на 15 минут.

8. Пока печенье готовится и остывает, делаем королевскую глазурь. Этому рецепту меня научили на кондитерских курсах, и он не подводит никогда, хотя с замесом тоже придется повозиться. В чаше блендера смешиваем сахарную пудру, пастеризованные (это важно!) белки и крем-тартар. Он нужен для стабилизации и придания красивого глянца, хотя, вероятно, можно обойтись и без него. Поскольку белки используются сырые, их важно брать именно пастеризованные. Они продаются в бутылках или тетрапакетах.

Можно пастеризовать и самостоятельно, но я этого не пробовала.

9. Взбиваем одну минуту на самой маленькой скорости, затем еще пять минут на самой большой. На этом этапе вам снова покажется, что «этот корабль не взлетит» и липкая плотная масса никогда не превратится в глазурь. Сохраняем спокойствие и продолжаем взбивать.

10. В итоге у нас получится «клей», который можно хранить несколько дней в закрытом контейнере в холодильнике. Из него затем делают глазурь разной консистенции: для прорисовки контура или для покрытия всей печенки. Все зависит от количества добавленной воды. Перекалдываем несколько ложек в отдельную миску и добавляем одну столовую ложку воды. Важно: с водой нужно быть очень осторожно. Если масса все еще кажется слишком плотной, можно просто обмакивать ложку в воду и продолжать размешивать.

11. Ну и, собственно, начинается процесс творчества.

12. Даем рисунку подсохнуть несколько часов — и готово! Можно накрывать на стол и звать гостей.

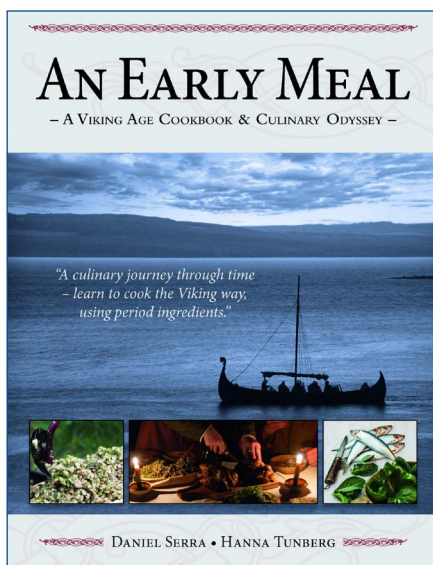

*Светлого, сытого,
вкусного Йоля,
друзья!*

Кулинарное путешествие в прошлое: поваренная книга викингов

Даниел СЕРРА, Ханна ТУНБЕРГ.
Перевод:
Мария ЮЛИНА (РАНХИЛЬД)

Продолжение.
Начало — «Северный ветер»,
30–50 номера.

Хедебю

Репа с маслом

- 1,5 кг репы
- 3 л воды или бульона
- 100 г солёного сливочного масла

Процесс приготовления:

1. Очистите репу и разрежьте ее на четвертинки.
2. Отварите репу в воде или бульоне.
3. Варите до готовности: когда репа станет мягкой, слейте жидкость.
4. Добавьте большой кусок сливочного масла и, используя прочную деревянную ложку, разомните репу в пюре.
5. Это блюдо хорошо подходит как гарнир к отварному мясу или к колбаскам (рецепт ниже). При желании можно добавить сезонные травы, чтобы придать пюре тонкий аромат и насыщенность.

Репа, вероятно, была одним из основных продуктов питания того времени. Её семена были обнаружены в различных местах, а позднейшие источники свидетельствуют, что это был повседневный продукт на столах простых людей. Главное достоинство репы заключалось в том, что она долго сохранялась в прохладном тёмном месте и, судя по всему, оставалась доступной почти круглый год.

Горох в мешочке

600 мл. сушёного жёлтого или серого¹ гороха
1 ст. ложка сушёного или 2 ст. ложки свежего тимьяна
250 г. дикого лука (черемши) или зелёного лука
3 л. бульона (минимум)

Процесс приготовления:

1. Замочите горох в воде на ночь.
2. Крупно нарежьте тимьян и лук.
3. Наполните мешочек или отрез ткани горохом, смешанным с травами, и плотно завяжите или зашейте.
4. Приготовьте насыщенный мясной бульон.
5. Опустите мешочек в кипящий бульон и варите до размягчения гороха — примерно два часа.
6. Откройте мешочек и подавайте, желательнее с тем мясом, на котором варился бульон.

Горох и бобы издавна считались идеальными продуктами для хранения. В сушёном виде они могли сохраняться почти бесконечно, требуя лишь немного воды или бульона, чтобы превратиться во что-то съедобное. Остатки гороха находили как сами по себе, так и в составе хлеба из Бирки.

¹ Серый горох — старинный североευропейский сорт полевого гороха с серо-бурой оболочкой, плотной твёрдой текстурой и лёгким ореховым вкусом, широко использовавшийся в средневековой кухне.

Однако, вероятно, чаще всего горох использовали в похлёбках или как гарнир.

Подобно рецепту «Хлеб в мешочке»², это блюдо было вдохновлено англосаксонскими рецептами, согласно которым некоторые блюда готовились прямо в мешочке, который опускали в котёл с кипящей водой или мясным бульоном. Такой способ позволял блюду впитать вкус и жир мяса, варившегося в котле, что делало гарнир особенно сытным и ароматным.

Вареные колбаски³

200 г. свежей свинины
200 г. свежей говядины
100 г. солёно-копчёной жирной свинины
2 ст. ложки сушёного или 3 ст. ложки свежего тимьяна
125 г. дикого лука (черемши) или зелёного лука
Кишки для фаршировки

Процесс приготовления:

1. Мясо мелко нарежьте острым ножом. (Если вы спешите, можно использовать мясорубку, но она делает массу слишком однородной).
2. Как можно мельче нарежьте лук и травы.
3. Соедините мясо и зелень, вымешивая получившуюся массу, как тесто.
4. Замочите кишки в горячей воде на 10 минут, затем тщательно промойте их в холодной.
5. Натяните кишку на рог⁴.

² Северный Ветер, 45 номер, 2024.

³ Дословный перевод оригинального названия *Kettle Worms* — «Черви из котла».

⁴ Рог для набивки колбас — небольшой обрезанный кусок овечьего или бычьего рога, используемый для наполнения кишок. Его подпиливали так, чтобы узкая часть была достаточно широкой для заполнения кишки фаршем, но при этом позволяла легко насаживать оболочку. Рог не должен быть слишком длинным, чтобы можно было удобно проталкивать фарш пальцем.

6. Равномерно распределяя начинку, наполните кишку мясом. Перекручивайте колбасу примерно каждые 10 см, формируя отдельные колбаски.
7. Если внутри образовались пузырьки воздуха, проткните их иглой.
8. Подвесьте колбаски подсохнуть на 1–2 часа.
9. Когда колбаски подсохли, их можно отварить и сразу же подать к столу. Или, если у вас есть время, можно сначала их подкоптить над открытым огнем.

Такого рода колбаски особенно вкусные в жареном или запечённом виде, хотя в эпоху викингов их вряд ли подавали таким способом.

О видах колбас, если они вообще существовали в Скандинавии времён викингов, известно немного — подобные продукты почти не оставляют следов в археологических находках. Самое раннее известное описание колбас на континенте относится к Древнему Риму, откуда дошли даже отдельные рецепты, приписываемые Апицию.

Поскольку подобные изделия появились в Европе довольно рано, а сам способ — набивать мясо в кишки — выглядит достаточно простым, все это позволяет нам предположить, что подобная практика была известна и в эпоху викингов. Одно из самых ранних литературных упоминаний колбасок встречается в поздней исландской саге о Кормаке: главный герой говорит, что ждет вкусные «черви из котла» («змеи» в русском переводе), которые готовятся к подаче.

«Осенью Нарфи занимался забоем овец. Однажды, когда пришел Кормак в Тунгу, он увидел Стейнгерд на кухне. Нарфи стоял у котла, и, когда блюдо было готово, он взял кровяную колбасу и сказал:

— Не хочешь ли отведать, Кормак?

На что тот ответил:

— Хорошая колбаса не повредит сыну Огмунда.

В тот вечер, перед тем как отправиться домой, Кормак нашел Нарфи и сказал ему такие слова:

— Скорее я убью тебя, чем будешь ты мешать моему приходу сюда.

И с этими словами Кормак ударил его по голове и сказал вису:

Зачем ты играешь

с едой недостойно?

Шутки твои

Не по нраву мне, Нарфи.

И добавил:

На твой вопрос

ответу я — змей

на горе себе

варил ты в котле.

Юноша в грязи

за свои проступки,

одежда его порвана

за злые слова».

Сага о Кормаке.

Перевод Вадима Сеничева.

Вдохновением для этого блюда частично послужил немецкий рецепт XV века. Кроме этого описанный рецепт отчасти является отсылкой к шведской классике — саге о Красном Змее (русское название «Рыжий Орм. Путь викинга»), написанной в начале XX века в стиле исландских саг, где важную роль играет колбаса с тимьяном.

«Но когда подали колбасу, у обоих слезы выступили, и им подумалось, что ни разу не едали они с толком, с тех самых пор как отплыли с Кроком.

— Этот запах всего лучше, — тихо сказал Орм.

— Это тимьян, — хрипло ответил Токе.

Он запихнул колбасы в рот, сколько смог, откусил и принялся жевать, потом снова поспешно обернулся и схватил за шиворот слугу, собравшегося уже идти дальше со своей миской.

— Дай-ка мне теперь же еще колбасы, если это не вопреки воле короля Харальда; ибо я долго терпел лишения в стране андалусцев, где нет пищи для мужчин, и семь Йолой тосковал по этой колбасе и не мог ее отведать.

— То же и я, — сказал Орм.

Слуга засмеялся и сказал, что у конунга Харальда колбасы хватит на всех. Он отмерил обоим еще по немалому куску самой толстой колбасы, и они успокоились и принялись за еду».

Франц Бенгтссон.

«Рыжий Орм. Путь викинга».

*Перевод со шведского
Чевкина Е. М, Чеснокова Т. А.*

Продолжение следует...

Оттар ГВЮДМЮНДССОН
Перевод с исландского
и комментарии: О. МАРКЕЛОВА

Герои и помутнение рассудка

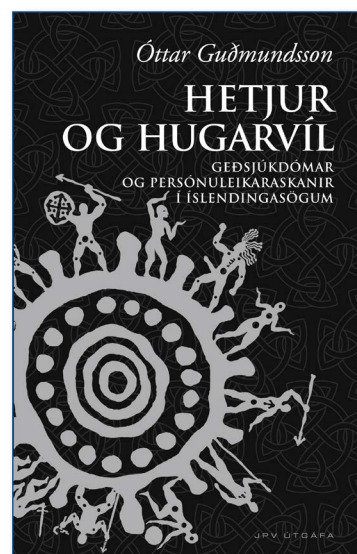
КНИГА Оттара Гвюдмюндссона «Герои и помутнение рассудка» («*Hetjur og hugarvíl*», 2012) — научно-популярная работа на стыке литературоведения и психиатрии. По всей видимости, эта книга не имеет аналогов. Её автор — крупный исландский психиатр, в своих трудах уделяющий много места психологическим аспектам литературных текстов, в частности, написанных в минувшие века. В рассматриваемой книге герои древнеисландских родовых саг анализируются с точки зрения психиатрии и психологии.¹

Сага об Эгиле

Действие саги об Эгиле Скалла-Гримссоне растягивается на 150 лет: она начинается в середине девятого века и завершается в конце десятого. В начале саги место действия — Норвегия, но потом действие переносится оттуда в Исландию, затем в другие страны, после чего снова в Исландию. Главные герои саги — Квельд-Ульв Бьяльвасон и три поколения его потомков. В начале саги упоминаются распри сыновей и родственников Квельд-Ульва с норвежскими властями. Торольв Квельдульвссон гибнет в битве с самим Харальдом Прекрасноволосым, а его брат Скалла-Грим не желает становиться хирдманном конунга, жаждет мести и в конце концов спасается бегством в Исландию.

Эгиль Скалла-Гримссон конфронтирует с потомками Харальда Прекрасноволосого и причиняет им немалый ущерб. Таким образом, содержание саги — в основном конфронтация отдельных гордых бондов и представителей простого народа с норвежскими конунгами. Жизнь и деяния Эгиля в Исландии и за её пределами весьма колоритны; в саге описана личность, владеющая искусством стихосложения и не желающая жить по законам социума, проявляющая себя со многих сторон и обладающая многими диагнозами.

Таким образом, «Сага об Эгиле» — семейная сага, в которой последовательно описывается жизнь многих поколений одной семьи. По своему внешнему виду эти родичи делятся на две группы. С одной стороны — пригожие и светловолосые, с другой — некрасивые, тёмные. Последние считались склонными к оборотничеству и внешностью и нравом напоминали того волка, который заключён в имени их прародителя Квельд-Ульва. В саге есть намёк, что они происходили из рода полутроллей или берсерков. Темпераменты у них были весьма несхожими. Родичи, наделённые светлой внешностью, обладали сердечной теплотой и личным обаянием, а тёмные — упрямые и необыкновенно чувствительны ко всяческим обидам и оскорблениям.

1 Избранные главы. Перевод отрывка «Сага о названных братьях» можно найти в 50-м номере «Северного ветра».

Интервьюируемые и основные персонажи саги

Эгиль Скалла-Гримссон: *Один из любимейших саговых персонажей исландцев — могучий воин и превосходный скальд. Вырос он в Борге на Болотах, но довольно рано отправился в плавания и викингские походы по всем северным краям. В саге рассказывается о его подвигах и убийствах во время этих странствий. Эгиль женился на Асгерд Бьярнардоттир, вдове своего брата Торольва, и воспитал Тордис, её дочь от Торольва. У Эгиля и Асгерд было несколько детей. Часто считается, что быть потомком Эгиля — это очень хорошо, и по сей день я встречаю простых исландцев, которые возводят свой род к Эгилю и убеждены, что такое происхождение как нельзя лучше украшает их.*

Скалла-Грим, сын Квельд-Ульва: *Скалла-Грим или Грим Лысый был младшим сыном Квельд-Ульва Бьяльвасона, с чернявой некрасивой внешностью, очень искусный в работе по дереву и железу. На двадцать пятом году жизни он облысел, за что и получил своё прозвище. Бежав из Норвегии от тирании местных конунгов, он занял землю в Борге на Болотах.*

Бера Ингварсдоттир: *Жена Скалла-Грима, дочь Ингвара, бывшего конунгского хирдмана. У Беры и Скалла-Грима было несколько детей; некоторые из них умерли во младенчестве, а выжили только сыновья Торольв и Эгиль и дочери Сэунн и Торунн.*

Торольв Скалла-Гримссон: *Старший сын Скалла-Грима и Беры, прямая противоположность Эгилю. Торольв был больше всех любим народом, он был искусный умелец и воин. Родители не чаяли в нём души, так как он был похож на своего тёзку — дядю по отцу, — погибшего в Норвегии ещё до того, как семья переселилась в Исландию.*

Херсир Аринбьёрн Ториссон: *Его отец, Торир, был сыном ярла Хроальда при дворе конунга Аудбьёрна, правившего в Фирдир. В детстве он воспитывался у Квельд-Ульва, они со Скалла-Гримом были ровесниками и большими друзьями. Бьёрн Брюньольвссон увёз Тору Кружевную Руку, сестру ярла Торира, с собой в Исландию. Их дочерью была Асгерд, которая впоследствии вышла замуж за Торольва Скалла-Гримссона, а после гибели последнего — за его брата Эгиля. Сына Торира звали Аринбьёрн, он был немного старше Эгиля. Этот Аринбьёрн владел многими искусствами и отличался внушительным сложением. Они с Эгилем сдружились так же крепко, как их отцы.*

Торстейн Эгильссон Белый: *Торстейн — младший сын Эгиля и его жены Асгерд. Он был всех прекраснее, внешность у него была светлая, а волосы белые. Торстейн слыл умным и сильным, хотя и не мог соперничать в этом с собственным отцом, а Эгиль не особенно любил его. Однажды он взял шёлковое одеяние отца с собой на тинг, а вернул грязным. Эгиль сильно рассердился и сложил об этом вису, в которой не пожалел для Торстейна насмешливых и уничижительных слов. От Торстейна пошёл большой славный род под названием Жители Болот (Múratannaþyn).*

ДЕТСТВО ЭГИЛЯ

Эгиль появляется в повествовании лишь спустя некоторое время, после описания похождений его отца и дяди в Норвегии. Рассказчик саги подробно описывает детские проказы Эгиля, изображая своевольного мальчишку, который упорно стоит на своём, совершенно не думая об окружающих.

Рассказ матери, Беры Ингварсдоттир

Психиатр: Расскажите о детских годах вашего сына Эгиля.

Бера: Он рано развился, был очень смышлёным, рано заговорил и говорил складно. При играх с другими детьми и подростками он был весьма необуздан, ведь он был крупнее многих своих сверстников. Уже в детстве он захотел поехать вместе с отцом на пир, но ему отказали. Отец в шутку сказал: мол, как же ты будешь держать себя на людях, когда будут много пить, если с тобой и трезвым нелегко справиться. Тогда Эгиль взял инициативу в свои руки, сам поехал на тот пир в одиночку и стал читать там висы собственного сочинения, ведь он хорошо умел слагать стихи.

Однажды при игре он убил другого подростка, Грима Хеггссона, топором по чисто детскому недомыслию. Отцу Эгиля такой поступок пришёлся не по нраву, а я сказала, что из мальчика выйдет хороший викинг. Но сам Скалла-Грим был не лучше, ведь потом, при игре в мяч, он убил в пылу игры одного из приятелей Эгиля, Торда Гранасона. Затем он схватил Эгиля и собрался поступить с ним так же. Но нянька Эгиля, Торгерд Брак, встала между ними и упрекнула Скалла-Грима за то, что тот набросился на собственного сына. На это Скалла-Грим ещё пуще рассердился и накинулся на Брак, но она убежала. Дело закончилось тем, что она бросилась вплавь через пролив, а Скалла-Грим метнул ей вслед камень, который попал ей между лопаток, и она не выплыла. Потом Эгиль убил одного из Скалла-Гримовых надзирателей за работами, чтоб отомстить за Брак. После этого отец с сыном какое-то время не разговаривали, и в их доме царил атмосфера недоверия.

Психиатр: А каким был Торольв, его брат?

Бера: Он был совсем другим, более покладистым. Торольв в юности отправился в викингский поход и вернулся домой. Когда он снова собрался в отъезд, Эгиль потребовал, чтоб он взял его с собой. Мы не разрешили ему, но он не стал слушать, отвязал корабль при непогоде и юго-западном ветре и сильно повредил его. В итоге Торольв всё равно взял Эгиля с собой, несмотря на эту неприятность.

ДИАГНОЗ

Эгиль Скалла-Гримссон: Оппозиционно-вызывающее расстройство (oppositional defiant disorder), расстройство поведения (conduct disorder).

Расстройство поведения у детей и подростков характеризуется пренебрежительным отношением к потребностям и правам окружающих, неуважением к законам, правилам и обычностям социума. В таких случаях ребёнок врёт, угрожает словесно и физически, затевает конфликты, часто демонстрирует физическую агрессию.

У Эгиля в детстве и отрочестве наличествует серьёзное расстройство поведения; в этом отношении он похож на Греттира Асмундарсона — а в сагах не найти более своенравных детей, чем эти двое. Но если сравнивать их, то Эгиль окажется первым по злобности и бессовестности. Он всегда идёт своим путём, никого не слушая, и проявляет пренебрежительное отношение к человеческой жизни и чужому имуществу. Довольно рано выясняется, что ему сложно играть вместе с другими детьми по причине его крайнего эгоизма. Убийство Грима Хеггссона лишь подтверждает его моральную слепоту, а реакция родителей на поступок сына отражает их высокомерие и неуважение к жизненному счастью других.

Скалла-Грим нравственно столь же слеп, сколько и его сын. При обычных обстоятельствах убийцу Торда Гранасона и Брак привлекли бы к ответственности, — но Скалла-Грим хёвдинг, а значит, ему дозволено то, что простым людям возбраняется. Он всё время творит что ему заблагорассудится, не считаясь с потребностями и волей окружающих. Оправдать эти убийства, сославшись на нравы эпохи, невозможно, ведь подобные поступки осуждались во все времена.

Эгиль воспитан в том духе, будто он выше законов и нравственности и волен поступать, как ему вздумается. Моральный посыл Скалла-Грима сыну весьма недвусмысленен и играет свою роль в становлении Эгиля Скалла-Гримссона как убийцы и бессовестного индивидуума.

Бера Ингварсдоттир: Болезненная созависимость. Зависимое расстройство личности (dependent personality disorder).

Бера — ещё одна мать, при любых обстоятельствах поддерживающая своего сына-буяна, она защищает его от критики и замечаний. Она не замечает глубокой нравственной слепоты Эгиля и поощряет в нём злобность, сказав, когда он убил своего товарища, что из него выйдет хороший викинг.

Рассказ брата, Торольва Скалла-Гримссона

Психиатр: Торольв, расскажите мне о вашем брате.

Торольв Скалла-Гримссон: Я согласился взять моего брата Эгиля с собой в викингский поход, несмотря на его поведение. В нашей поездке я быстро обнаружил, что общаться с Эгилем сложно. Когда я поехал справлять свадьбу со своей невестой, Асгерд Бьярнардоттир, Эгиль сказал, что болен и не сможет составить мне компанию. А затем он отправился с людьми ярла Торира требовать с управителя Барда какие-то долги. Та поездка закончилась очень скверно.

На пиру Эгиль напился, заявил, что Бард хотел его отравить, и убил его. На том пиру присутствовали конунг Эйрик Кровавая секира и королева Гуннхильд, а они очень любили Барда. Во время своего бегства с места злодеяния Эгиль усугубил своё положение тем, что убил ещё нескольких людей конунга. Нашим друзьям пришлось приложить немало усилий, чтоб отвратить от нас братьев, жестокою мсть конунга. А мне становилось не по себе при виде того, как мой брат пьёт. Он при этом всегда напивался, и тогда его недостатки сразу становились всем заметнее. Но он всегда бывал уверен в собственной невинности: послушать его — так в любом случае виной всему был не он, а другие.

ДИАГНОЗ

Эгиль Скалла-Гримссон во взрослом возрасте:

Ментальные и поведенческие расстройства, вызванные употреблением алкоголя (Mental and behavioural disorder due to use of alcohol).

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПСИХИАТРА:

Ни один саговый герой не пьёт так беспардонно, как Эгиль Скалла-Гримссон. Он нередко напивается до безобразия и при этом обычно ведёт себя скверно. Правда, рассказчик саги, как правило, поддакивает Эгилю и по мере своих сил пытается как-то оправдать его хулиганское поведение. Это известный во все времена метод, снимающий с алкоголика ответственность за его поступки. Но это едва ли оправдывает убийства, которые он совершал в пьяном виде. Поведение Эгиля лишний раз подтверждает, что моральная слепота и алкоголь — опасное сочетание, всегда приводящее к чудовищным последствиям. Это знают все врачи, занимавшиеся лечением беспринципных алкоголиков, зачастую подвергающих свою и чужие жизни крайней опасности из-за своей халатности, опрометчивости и склонности к насилию. В современном наркологическом учреждении Эгиля охарактеризовали бы как агрессивного беспринципного алкоголика с громадным отрицанием зависимости.

Рассказ отца, Скалла-Грима Квельдильвссона

Психиатр: Расскажите, каковы были ваши взаимоотношения с сыном.

Скалла-Грим Квельдильвссон: Про нас порой говорили, что мы с ним как волки, чуть ли не оборотни. И у моего отца, Квельд-Ульва, и у меня натура такова, что при определённых обстоятельствах мы впадаем в неистовство, как берсерки. Незадолго до смерти моего отца мы попали в большую битву — и он как будто снова помолодел и сражался как истый викинг. Где бы он ни проходил — в воздухе над ним как будто одновременно сверкало много мечей, и, казалось, оружие его не брало. А после этого он совсем обессилел, лёг на свою постель и умер.

А у меня самого нрав был тяжёлый, нелюдимый, но когда я впадал в ярость, то становился как бы совсем другим человеком, и мне было чрезвычайно трудно сдержаться. Во время одного такого приступа гнева я совершенно потерял над собой контроль и убил Брак, няньку моего сына Эгиля, и одного его товарища по играм.

Но Эгиль своей необузданностью превзошёл всех. Как будто эта волчья натура в нём переселила всё, и он без оглядки убивал людей направо и налево. Это было особенно неудобно, потому что Эгиль был крепче и сильнее всех, и когда он переставал держать себя в руках, то у него вечно

возникали сильные трения с окружающими. А когда он вдобавок ещё стал порой напиваться до безобразия — то уж тут как будто сам Мировой змей вырывался из оков. А ещё Эгиль мог погружаться в самые глубокие бездны уныния. Тогда он не хотел общаться с людьми, ни с кем не разговаривал, а страдал молча.

Рассказ друга

Психиатр: Расскажите мне о вашей дружбе с Эгилом.

Аринбьёрн Ториссон: Мы с Эгилом крепко сдружились, когда он приехал в гости к моему отцу вместе со своим братом Торольвом. Торольв женился на моей родственнице Асгерд, так что наши семьи тесно общались. После их свадьбы Эгиль убил нескольких подданных конунга Эйрика на острове Атлей. Мой отец Торир помирился с конунгом, но Эгилю больше нельзя было оставаться в Норвегии. После этого Эгиль отправился со своим братом Торольвом в викингский поход на восток, в Курляндию. Там его взяли в плен, но ему удалось освободиться. На прощание Эгиль поджёг курляндцам дом и многих сжёг внутри, а других зарубил.

Я к тому времени уже хорошо знал Эгиля и чувствовал, как он силен и искусен в бою, но также — что он кровожаден и лучше всего чувствует себя в пылу битвы. Через некоторое время Торольв Скалла-Гримссон пал в бою в Англии, и когда Эгиль узнал это, то впал в неистовство, как берсерк. Он одержал в той битве победу, обратил врагов в бегство, убивая всех, кого наступал. Братья сражались против Олава, конунга скоттов, на стороне Адальстейна, конунга англов. После боя и похорон Торольва Адальстейн устроил в честь Эгиля большой пир. Большую часть вечера Эгиль был хмур и обрадовался лишь тогда, когда конунг одарил его золотом и разными сокровищами.

Вернувшись из этой поездки в Норвегию, Эгиль женился на своей невестке Асгерд, оставшейся вдовой после Торольва. При этом он вёл себя как маленький мальчик, который стесняется, и прежде чем ему удалось посвататься, он впал в сильное уныние. Тогда я понял, что он всё это время был влюблён в Асгерд и ревновал к собственному брату. После этого он отплыл в Исландию с невестой и огромным количеством монет. Эгиль обожал деньги и усердно копил их. После смерти Бьёрна Рукоятки, отца Асгерд, Эгиль тотчас отправился в Норвегию, чтоб забрать наследство своей жены. Но всё пошло не так, как следовало бы, и закончилось стычками и немалым кровопролитием.

Психиатр: Вы наблюдали у него приступы депрессии?

Аринбьёрн: Да; вернувшись из Норвегии, он какое-то время жил у меня вместе со своими спутниками. Под йоль он впал в сильное уныние из-за денежных дел. После мы вместе отправились в викингский поход во Фрисландию. В том походе Эгиль проявил немалую горячность и убил много народу. Через некоторое время он отправился с поручением в Вермаланд, встретил там бонда Армода и расположился на ночлег в доме его семьи. Закончилось это тем, что Эгиль наблевал Армоду на лицо и выдавил ему глаз в присутствии его жены и дочери. За этим до отъезда Эгиля в Исландию последовали ещё убийства.

Психиатр: Что бы вы хотели сказать напоследок о вашем друге Эгиле?

Аринбьёрн: Эгиль был самым верным другом и всех превосходил во владении оружием и искусстве слагать висы. Но он обладал и массой пороков, а характер у него был крайне неуравновешенным. Он мог веселиться больше всех — но мог быть грустным и подавленным. Но, кажется, кроме денег его ничто по-настоящему не радовало. Но пока мы оба были живы, мы были хорошими друзьями.

ДИАГНОЗ

Квельд-Ульв, Скалла-Грим, Торольв и Эгиль: маниакальный ступор, прерывистое взрывное расстройство (manic stupor, intermittent explosive disorder).

Эгиль Скалла-Гримссон: биполярное аффективное расстройство (Bipolar affective disorder, unspecified).

Биполярные (или маниакально-депрессивные) расстройства были хорошо знакомы средневековым людям. Им были известны древнегреческие теории о темпераментах, якобы определяющихся сочетанием жидкостей в организме. Считалось, что в теле четыре основных «гумора» или жидкости: красная кровь, чёрная желчь, жёлтая желчь и флегма (слизь). Эти «гуморы» соответствовали первоэлементам воздуху, огню, земле и воде. Считалось, что те или иные черты характера обусловлены тем, что какая-либо из этих жидкостей содержится в теле в избыточном количестве. У кого переизбыток крови, тот подобен воздуху: весел, обходителен, обладает светлой внешностью. Тех, у кого слишком много чёрной желчи, называли меланхоликами (melan cholera = чёрная желчь): у них внешность тёмная, и они связаны со стихией земли. У Эгиля внешность была тёмная, и он временами впадал в глубокую печаль или из-за пережитых потрясений, или вовсе без причины. Но к Эгилю обычно всё же возвращается радостное настроение. Издавна известно, что биполярное расстройство передаётся по наследству. Здесь и отец, и сын, и внук при определённых обстоятельствах впадают в маниакальное состояние и полностью теряют контроль над своими эмоциями и действиями. Войдя в раж, они становятся абсолютно беспринципными и без причины убивают людей. Они впадают в неистовство, как берсерки: в бою их охватывает приступ ярости, во время которого они утрачивают всякую связь с реальностью.

Эгиль: антисоциальное расстройство личности (antisocial personality disorder), биполярное расстройство (bipolar affective disorder unspecified).

Эгиль беспринципен даже по меркам своей эпохи. Уже в отроческие годы он начал по малейшему поводу убивать людей и продолжал так всю жизнь. В битвах он убивает всех, кто только подвернётся под руку, и никого не щадит. Правда, Армода он убивать не стал — но на прощание лишил его глаза. Его поступки сложно оправдать одной лишь ссылкой на нравы эпохи. Он отправляется в викингский поход — и там все недостатки и пороки его личности вырываются наружу. В этих походах он не связан этикой своего времени и может вести себя, как ему заблагорассудится. Когда Эгиль врывается в селения, убивая жителей и сжигая дома, у него отсутствует понимание, что для окружающих это беда и горе.

Эгиль явно страдает маниакально-депрессивным расстройством. Его настроение «скачет» то вверх, то вниз, иногда у него описываются приступы депрессии или сильного уныния. Он может вести себя инфантильно или тщеславно, как показывает история его сватовства. Эгиль феноменально скуп, и забавно наблюдать, как он использует свои приступы обиды с целью получения денег и без колебаний позволяет, чтоб его друг Аринбьёрн заплатил чужие долги, чтоб предотвратить новые убийства.

РАССКАЗ СЫНА

Психиатр: Расскажите мне о вашем отце в старости.

Торстейн Эгильссон: У него всегда был сложный характер, и он делал большое различие между своими детьми. Торгерд и Бёдвар были у него гораздо большими любимчиками, чем я. Все говорили, что Бёдвар сильнее всех был похож на него самого и его брата Торольва. Он утонул в Боргарфьорде, и из-за этого печального события Эгиль впал в депрессию и стал нелюдим. Похоронив Бёдвара в кургане, он заперся в своём алькове, и с ним никто не решался заговорить. Он лежал там два дня без еды, питья и какого-либо общения. Моя мать, Асгерд, послала за моей сестрой Торгерд в Хьярдархолт. Она тотчас прискакала верхом, подошла к алькову и потребовала от Эгиля впустить её, потому что она, мол, желает разделить его участь. Услышав это, Эгиль приободрился и открыл ей. Я знал, что Торгерд решила одурачить старика, но не мог смекнуть, что она собирается делать.

Тут она начала жевать водоросли, которые привезла с собой, — и Эгиль последовал её примеру. От соли, содержащейся в водорослях, им обоим захотелось пить, и сама Торгерд попила воды, а Эгилю подала рог с молоком. Он отпил — и понял, что его обманули и его голодовка сорвалась.

Они договорились, что он воздвигнет Бёдвару надгробный камень, — и в качестве такого надгробия он сложил о нём песнь. Я услышал, как Торгерд сказала, что, мол, мне такой песни не сочинить, так что этим должен заняться Эгиль. Свою песнь он назвал «Утрата сыновей», в ней он прославляет Бёдвара и скорбит о его судьбе. Интересно, как он обращается в этой песни к богам: словно они ему равня. Правда, по-моему, в «Утрате сыновей» в основном говорится о самом Эгиле и его чувствах. После смерти нашей матери он переехал из Борга на юг, в Мосфелль. Уже будучи глубоким стариком, он захотел поехать на тинг, привезти туда сундуки с серебром, которое подарил ему Адальстейн конунг англов, и разбросать монеты над тингом, чтоб посмотреть, как собравшиеся будут драться за них. Это намерение не осуществилось, и вместо того отец отвёз эти сундуки с серебром в ущелье над своим хутором и спрятал их там. С ним были двое рабов, которых он, скрыв сундуки, немедленно убил, чтоб никто не мог разболтать о его тайнике. Это и было последним великим деянием Эгиля Скалла-Гримссона и его последним убийством. После этого он сам умер и был похоронен в Мосфелле.

СТАРИК СО СЛОЖНЫМ ХАРАКТЕРОМ

Рассказ Торстейна лишь подтверждает диагнозы моральной слепоты и биполярного расстройства. После гибели Бёдвара Эгиль впадает в депрессию, но, сочинив «Утрату сыновей», постепенно приходит в себя. В этом рассказе содержится забавное противоречие: сам он убил в бессмысленных стычках множество подающих надежды юношей. Он лишал родителей сыновей, жён — мужей, детей — отцов, но всё это как будто не трогало его, и по поводу всех этих смертей он не выражал никаких чувств, — но стоило погибнуть Бёдвару, как он впал в депрессию.

Многие интерпретировали то, что Эгиль заперся в алькове, как попытку самоубийства — а Торгерд в таком случае действительно спасла своего отца, применив хитрость. Однако современные психиатры сочли бы такую «попытку самоубийства» инфантильной и смешной. Эгиль нахален и всегда стремится проявить свою власть и заставить всех вращаться вокруг него. Он — так называемая «королева драмы», и это лежание в алькове — всего лишь спектакль, призванный заставить окружающих обратить на него внимание. Эгиль выставляет себя главным скорбящим, перетягивает всё внимание с самого погибшего на себя и своё горе. Психологи и священники часто наблюдают такое в семьях, где кто-нибудь умер: некоторые эгоцентричные родственники буквально борются между собой за роль предводителя скорбящих и буквально отодвигают покойника на второй план, чтоб самим насладиться всей серьёзностью момента и всеобщим вниманием. После смерти Бёдвара всё внимание смещается прежде всего на переживания Эгиля, и среди всей этой суеты вокруг алькова и требований внимания про самого погибшего забывают. В самой песни говорится прежде всего об Эгиле, а о Бёдваре гораздо меньше. Современные исландцы могут наблюдать такое в некрологах в газете «Моргюнбладид», где автор пишет прежде всего о себе самом, а не об умершем, таким образом превращая свою статью в самовозвеличивание за счёт покойного.

История о сундуках с серебром и убийстве рабов лишней раз показывает, насколько Эгиль эгоцентричен. Он стремится, чтоб всё во что бы то ни стало было именно так, как хочется ему, и прячет сундуки, чтоб они никому не достались. Эгиль желает посмотреть, как люди будут драться на альтинге за серебро, которое он хочет разбросать там, — и неважно, что от этой бессмысленной потехи старика произошёл бы немалый ущерб. Его беспринципность неизменна. Если окинуть взглядом жизненный путь Эгиля Скалла-Гримссона, то перед нами предстанет тщеславный, обидчивый и инфантильный индивидуум, больше всего пекущийся о собственных материальных интересах. Всю свою жизнь он истово служил лишь собственному темпераменту, не считаясь ни с кем, кроме себя самого. Однако он был искусным скальдом и гением.

***

ЭГИЛЬ В СОВРЕМЕННОСТИ

Представить судьбу Эгиля в современном социуме непросто. Очевидно, беспринципность мешала бы ему, но он мог бы «выехать» на своём поэтическом даре и физической силе. Однако Эгиль — сложная личность, не присоединяющаяся ни к каким группам и плохо адаптирующаяся к цивилизованному обществу. Собственно говоря, главное достоинство и недостаток Эгиля — его непредсказуемость. По этой причине предсказать судьбу этого великого скальда в современном обществе трудно. Возможно, он нашёл бы своё место в качестве политика, депутата или лидера аграриев и служил бы целям собственного обогащения в парламенте и вне его. Но он также мог бы посвятить себя поэзии и литературе и получить за это Нобелевскую премию из рук шведского короля.

Но как бы то ни было, Эгиль постоянно был бы у всех на устах — ведь он из тех, кто начинает свой компьютер совсем не теми же программами, что остальные современники. Им быстро заинтересовались бы психиатры, которые стали бы скармливать ему разнообразные лекарства, чтоб обуздать его непокорный нрав. Можно бесконечно спорить, как бы эти лекарства повлияли на характер Эгиля или на его поэтический талант. Эгиль Скалла-Гримссон в любую эпоху был бы максимально непредсказуем и ни на кого не похож — и скользил от одного диагноза к другому. На своё общение с психиатрами он смотрел бы как на поединок, в котором главное — переспорить оппонента.

***

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгое время автором «Саги об Эгиле» считался Снорри Стурлусон. Он находился в серьёзном конфликте с норвежскими властями и был убит лазутчиками норвежского конунга в сентябре 1241 года. В рассказе Снорри об Эгиле герой всегда выходит победителем из стычек с норвежским двором, так что повествование носит отпечаток обид и чаяний самого автора. Некоторые интерпретаторы трактовали «Сагу об Эгиле» как критику представления о героической личности и распрей эпохи Стурлунгов: мол, Снорри изобразил подвиги Эгиля в карикатурном, гротескном виде, подобно тому, как Халльдоур Лакснесс много веков спустя изобразил героев своей «Герпль». Иногда создаётся впечатление, что Снорри хотел создать два параллельных образа: с одной стороны, Эгиль — беспринципный грубиян, с другой, — поэт и ценитель красоты. Таким образом, автор играет с двумя несхожими личностями одного и того же человека.

Но как бы то ни было, исландцы всегда относились к «Саге об Эгиле» очень серьёзно, а заглавного персонажа относили к числу своих народных героев. Эгиля всегда возвеличивали, и никто не расценивал сагу о нём как гротеск или сатиру на негодьяев эпохи Стурлунгов. Большое количество исландцев возводит свой род к Эгилю и гордится этим — и они отнюдь не считают этого богатыря какой-то карикатурой.

Внимательный психиатр заметит, что между детьми Эгиля, Торстейном и Торгерд, существует братски-сестринская ревность, и в особенности — что Торстейн испытывает огорчение. Аринбьёрн болезненно созависим с Эгилем, так же, как и его мать Бера. Собственно говоря, одна из характерных черт личностей типа Эгиля — они собирают вокруг себя людей, которым необходим сильный лидер, и которые могут полноценно жить лишь рядом с предводителем.

Ни к одному персонажу саг об исландцах не подходит столько психиатрических диагнозов, как к Эгилю. В детстве он демонстрировал серьёзные поведенческие проблемы, а во взрослом возрасте подвержен биполярному расстройству, способному низринуть его с высочайших вершин щедрости в глубокие бездны депрессии, так что он начинал угрожать покончить с собой. К тому же он отличается расстройствами личности, эгоцентризмом, моральной слепотой и почти маниакальной страстью к убийствам. Его пьянство становится источником проблем, не улучшает его характер и не делает его сговорчивее. В наши дни Эгиль стал бы объектом интереса для множества психиатров и психологов, которые бы часто просто разводили руками, глядя на нашего героя и его выходы. Отличительная черта Эгиля — непредсказуемость и бесцеремонность. Предвидеть его действия и намерения трудно, он не устаёт удивлять.

Особенности перевода «Саги о Вёльсунгах» на белорусский язык

Евген ПАПАКУЛЬ

Не так давно я закончил перевод очередной саги — на этот раз «Саги о Вёльсунгах». И пока перевод ждёт возможности увидеть свет в виде книги, я хотел бы поделиться с читателями «Северного ветра» некоторыми, надеюсь, интересными моментами из переводческой кухни.

© Иллюстрация Livaj Pinfold

Начнём с того, что единственная рукопись «Саги о Вёльсунгах» датируется приблизительно 1400 годом, но, как и в большинстве текстов подобного рода, события, описанные в произведении, произошли гораздо раньше — в данной саге около V века.

В целом белорусские читатели уже знакомы с историей Вёльсунгов: в 2022 году вышел третий из четырёх эддических том («Песні пра герояў»¹) — стихотворная версия легенды о Сигурде Убийце Фафнира, валькирии Брюнхильд и других

персонажах. И вот теперь пришло время для прозаической версии. В чём же её уникальность?

Во-первых, перед нами связный рассказ, где события в главах не противоречат друг другу (как это было в «Песнях пра герояў»). Вернее, *почти* не противоречат. Начиная с середины текста, порой путаются персонажи, хватает нелогичностей и повторов, а повествование часто прерывается неуместными описаниями. В таких случаях приходилось тщательно нивелировать моменты, которые могут быть непонятными читателям, убирать повторы и исправлять несоответствия, чтобы в результате (которым я, честно говоря, очень доволен) получился во всех отношениях приятный для чтения текст.

¹ Эда. Песні пра герояў / уклад., пер. са старажытнаісл. камент. Яўгена Папакуля. — Мінск: Тэхналогія, 2022. — 380 с. ISBN 978-985-458-331-0.

Во-вторых, текст саги испытал куртуазное влияние. Но это влияние — исключительно внешнее: по сравнению с «Песнями пра герояў» ни содержание, ни герои никаких кардинальных изменений не претерпели. А «куртуазность» проявляется лишь в том, что при описании некоторых персонажей автор добавил, что они «воспитанны», «обходительны» и «умеют вести себя при дворе». И при этом, например, Сигурду, который «воспитанно себя вести ещё в молодости научился», это нисколько не мешало быть настоящим викингом со всеми вытекающими из этого кровавыми последствиями.

Ещё один момент, на который хотелось бы обратить внимание: количество пословиц в саге. Их не менее десяти, и для семи из них удалось подобрать белорусские эквиваленты:

Eigi má við margnum. — Пугай абуха не пераб'еш².

Engi má við sköpum vinna. — Як суджана, то не міне. Як суджана, то не разгуджана. Супраць лёсу не пойдзеш³.

Fár er gamall harður ef hann er í bernsku blautur. — Смелы там знойдзе, дзе баязлівы згубіць⁴.

Má ekki forðast sitt aldurlag. — Ад смерці не адкупішся⁵.

Má engi undan komast að deyja um sinn. — Як ні хадзі, смерці не абойдзеш⁶.

Unir auga meðan á sér. — Хоць як, абы далей ад смерці⁷.

Þar er mér úlfsins von er eg eyrun sá. — Беражлівага каня й звер не з'есць⁸.

Хочу отметить, что это не стопроцентные эквиваленты — они контекстуальны, и в другом контексте переводчикам придётся придумывать что-то другое. В то же время подобрать белорусскоязычные аналоги для некоторых пословиц не удалось. «Когда воин идёт в бой, храброе сердце лучше острого меча» — казалось бы, белорусских пословиц о храбрости хватает, но по контексту было необходимо, чтобы обязательно упоминался меч. Или, например, у белорусов нет пословиц о мести сына за отца, поэтому пришлось придумать свой вариант: «Кожнае ваўчаня аднойчы становіцца воўкам⁹». В любом случае, насколько органично удалось перевести пословицы — оценивать уважаемым читателям.

И ещё одна особенность саги — вездесущность Одина. Он в образе одноглазого незнакомца с длинной бородой появляется в ключевые моменты сюжета: он даёт, а позже ломает пополам меч Сигмунда, который впоследствии станет легендарным мечом Грамом, он помогает Сигурду выбрать коня Грани, он похищает тело Синфьётли, выводит корабли Сигурда во время непогоды и помогает победить Фафнира, он усыпляет Брюнхильд, и он же даёт людям Ёрмунрека совет, как убить Хамдира и Сёрли. Вся сага — своеобразный кукольный театр, где нити судьбы каждого из героев неизбежно тянутся к пальцам Одина. Зачем это богу мудрости — неизвестно. А может, пусть это и остаётся такой же тайной, как и то, что прошептал Один на ухо Бальдру, прежде чем того поглотило пламя.

2 «Плетью обуха не перешибёшь».

3 «Чему быть, того не миновать».

4 Смелый там найдёт, где трус потеряет.

5 От смерти не откупишься.

6 Как ни ходи, смерти не обойдёшь.

7 Как угодно, лишь бы подальше от смерти.

8 «Бережёного бог бережёт».

9 Каждый волчонок однажды становится волком.

Стихотворения из книги
«ТОРСХАВН.
стихи и очерки о Фарерских островах»

Автор: Ольга Маркелова

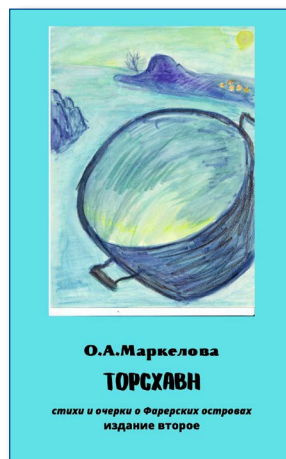
Пасмурный день перед Рагнарёком

А солнце было лишь трещиной
в деревянной двери неба,
В которую совали клочья соломы
и ржавые гвозди.
Солнце было замочной скважиной,
К которой уже давно не подходит
ни один ключ:
Все они рассыпались ржой,
как перетершаяся проволока
лживых обещаний.
Солнце не ведало, где будет его место
на эту ночь;
Да и стоит ли сиять,
раз все приметывы — к войне,
И темные змеи пламени
уже поднимают головы,
В кожу которых въелась железная крошка.
Небеса — дверь, отделяющая мир людей
от царства Муспеля...
Но дверь эта — деревянная.

Норны

*В голом поле в полом октябре
стояли три славные в сером свете.
Алы их очи, строги их лица,
волосы повиты волчьей шерстью.
Они не знают, что значит пощада.
Они не подвергнут бесцельным страданиям.*
(песня)

Полый октябрь — безжизненный свет,
посохом своим перерубит пополам,
алу похлебку разольет по гранитным котлам,
уменьше равномерно шагаты придаст
безмолвным телам.

Лихой октябрь — безжизненный свет!
Лихой октябрь — безжизненный свет!
Розовый безжизненный свет!
Значит, будем рубиться, будем стоять,
мучительно и радостно будем раздирать
сплошную кожу немоты на запечатанных ртах.
Грудь земли вся в крестах ...
Здесь любят лишь тех, кто калачиком
свернулся на своих местах,
В свой череп налив похлебки из гранитного котла,
гранитной похлебки из тролльского котла,
гранитной похлебки из тролльского котла.

О, как всё легко, когда мозг обволокла смола!

Слепой октябрь — безжизненный свет!
Слепой октябрь — безжизненный свет!

Розовый безжизненный свет!
Глухому да незрячему всё нипочем:
сортировка людей, нумерация тел,
смысл жизни — в сортировке людей,
в нумерации тел.

А мы стоим в голом поле в октябре,
в голом поле в полом октябре,
с неба — обломки блеклого света,
стрелы серого света.

Серой шкурой — грядущий век
на наших плечах, на наших плечах.
Грудь земли в инеистых разлапистых крестах.

Но это не награды, скорей, орудья пыток,
дырявой немотой перетянут свиток,
рот залепила немота, залепила немота
как смола,
что капает с креста.

Полый октябрь — равнодушный свет!
Полый октябрь — равнодушный свет!
Розовый безжизненный свет!
Розовый безжизненный свет!

Волосы наши повиты волчьей шерстью,
повиты волчьей шерстью,
в волосах
запуталась луна.

В голом октябре,
В голом октябре
стояли три славные в сером свете,
мы стояли в октябре в сером свете.

Полый октябрь
переломлен пополам,
опрокинуты котлы,
расплескалась баланда по камням
и пропала, паром изойдя ...
Грязь стекает с серых шкур после кровавого дождя.

Образ Фарерских островов

Со свечою в ночь.
Натянулась нить.
Задрожал под лучом горизонтальный снегопад.
Протянулась между скалами снежная нить.

От края и до края –
Великая кривая.
Скалы ведут друг с другом разговор:
нитьями снега, пряжами мрака,
в блёклом небе отпечатывая спин узор.
Чтобы следовать великой кривой,
не нужно знать, нужно только верить,
что золотым пером обернется твоя потеря,
а реку переехав, придешь всё равно домой.
Со свечою в ночь.

21 октября 2002, Торсхавн

Думы мои — сумерки

Серый мех дней
поползёт прочь...
Помоги, Фрейр,
пережить ночь!

18 июня 2003, Торсхавн

Книжку можно скачать
здесь:

Поэма «Гонка богов»

Слушать, добры люди,
Сядьте песню рядом.
Мёда вы налейте
Вору разговора¹.
Скальда песнь простую
Слушать не гнушайтесь.

Стану петь о споре
Асов и асиний,
Кто поет им славу,
Песней будет весел.
Пусть испивший мёда²
Сердцу будет верен.

Всех первее, знамо,
Оду петь о Воде.
Среди прочих в песне
Был Владыка стыхых³.
Детям дерев равный
Ходит Гримнир в мире.

Напоить пристало
Мёдом Гальдрафёдра,
Коль избежать жаждешь
Злой чертог покоя.
Жадного всяк станет
Нидингом звать, видно.

Глаз за мудрость правый
Вотан водам отдал.
Сложит Игг ужасный
Висельникам вису.
Атриди наездник
Не случайно — лучший.

К Ганграду приходит
Свет весь за советом.
Бёльверк, Гиннар, Гизурр –

Так Податель аттов⁴
Звать себя наставил,
Ясный яшень битвы⁵.

Слейпнир восьминогий
Верно службу служит,
В треска стрел язык⁶ он
Лаской жара в масло,
Пламя шума копий,
Тайны глас влетает.

Буду петь я также
Длинно о богине,
Что зовётся Фрейей,
В мир ведёт валькирий,
В свой чертог уносит
Первой братьев рати⁷.

Геф и Херн, и Трунгва,
Баут, называют
Ту, что нет светлее.
Реет стяг Вальфрейи,
Солнце затмевает
В воинов покоях⁸.

Мудростью богатой
Сюр в полёте юркой⁹

Любоваться станут
Муж и дева дружно.
Ярче звёзд блистают
Ванадис таланты.

Скьяльф цветка нежнее,
Ярлов жажды¹⁰ ярче.
Слёз Мардёлль не прячет
В волн наряде полном¹¹.
Колесницу скоро
В высь уносят рыси.

Кровь Квасира¹² в чаши
Льётся в Лъёсальвхейме,
На зубок подарен
Мир на звёздном пире
Брату Дисы ванов.
Рей ты, знамя Фрейра!

Скидбладнира парус
Светит братом ветра¹³.
В бремени Аустри¹⁴
Межей лихо свежей
Он свой путь начертит,
Мужа Ран¹⁵ не ранит.

Средь богов добрейший,
Меч отдав навечно
Ради Златорукой¹⁶,
Славен нежным нравом.
Урожай подарит
Он, добра радетель.

1 Вор разговора — авторский кённинг к слову скальд

2 «Испивший мёда» — имеется в виду мёда поэзии, следовательно, тоже кённинг к слову скальд

3 Авторская интерпретация хейти Draugadróttinn — Владыка немертвых.

4 Авторское переосмысление хейти Отец гальдра

5 Яшень битвы — классический кённинг для слова мужчина/муж из «Языка поэзии»

6 Язык треска стрел — кённинг для слова битва. Пламя шума копий — кённинг для слова "меч". Всё вместе это многосоставный кённинг, означающий: как горячий нож, влетит волшебный конь в битву. Тайны глас — отсылка на руны, вырезанные на зубах Слейпнира.

7 Братья рати — авторский кённинг для слова эйнхерии

8 В данном случае покои воинов — Фолькванг

9 Смысл имён Фрейи не соответствует контексту их употребления, поскольку в данной поэме не ставится задача передать его в полноте. Имена использовались так, чтобы соблюсти ритм и аллитерацию, насколько это возможно в стилизации скальдической поэзии на русском языке

10 Жажда ярлов — авторский кённинг к слову золото

11 Наряд, полный волн, — авторский кённинг к слову море

12 Кровь Квасира — классический кённинг поэзии из «Языка поэзии»

13 Брат ветра — классический кённинг огня из «Языка поэзии»

14 Бремя Аустри — классический кённинг неба из «Языка поэзии»

15 Муж Ран — классический кённинг моря из «Языка поэзии»

16 Авторское хейти Герд

Видрира наследник¹⁷
В вое ветра взмоет,
Шлем земли и солнца¹⁸
Волей он расколет.
Хлорриди — защитник,
Друг и братьям плуга¹⁹.

Змея на рыбалке
Ловит хитрый словом²⁰,
Мьёлльнира носитель,
Йотунов забота²¹.
Дочь свою за карла
Не отдал когда-то.

Тангриснира кости
С Тангриостром остры.
Он козлов запряг, хоть
Знает, что хромают.
Колесницу тянут
Торову проворно.

Госпожою асов
Ласки глас подарен
Той, что Гна зовётся,
Вестнице прелестной.
Хофварпнира поступь
Неги ночи²² легче.

Так промолвил Один:
Многих восьминогий
Слейпнир рунозубый
Позади, задира,
Походя оставит.
Нет коня приметней!

Так сказала Фрейя:
Мало похваляться!
Обгони-ка прежде
В выси моих рысей!

Страх мышей²³ стрелою
Мысли рвётся быстро.

Тор в насмешку грянул:
Горе тем, кто спорит!
Не заметить глазом
Как козлы увозят.
Всех पहले буду!
Спор решу я скоро.

Будет вам браниться! —
Фрейр сказал добрейший.
Волчьей сыти²⁴, верно,
Конь морей²⁵ скорее.
Вас быстрее света
Чую, прокачу я.

Гна тогда сказала:
Ветром за рассветом
Я всегда поспею.
Ворона проворней
Хофварпнир к болота
Терему²⁶ стремится.

Игг сказал весомо:
Рог налить в дорогу
Стоит лишь тому нам,
Кто, ловкач, прискачет,
Первым кто узреет
Асгарда красоты.

Согласилась Фрейя:
То достойней боя.
Спор решать подобный
Сталью не пристало.
Урагана Гёндиль²⁷,
Знамо, уж не нужно.

Тут кивнул в поддержку
Тор рыжебородый:

Пусть раскрытой будет
Длань соревнования.
Мы, хоть не согласны,
Не враги друг другу.

Фрейр добавил жарко:
Будет это мудро!
Гонку мы устроим,
Видит победитель
Бифрёст многоцветный
Верно самый первый.

Гна сказала смело:
Труд то безрассудный.
Но, коль все не против,
Честно с вами вместе
Выпью мёд раздора,
Чтоб побед изведать.
Гна сказала дальше:
Кос сплести вопроса
Мне придётся всё же.
Годен ли угодий
Мужа Ран воитель²⁸
В гонке нашей звонкой?

Один так ответил:
Слово мечешь ловко.
Мёртвое с живым ты
Как сравнить прикажешь?
Спорить Фрейр не может,
Будет он средь судий.

Пусть с ним вместе станут
Суд вершить премудрый
Тюр и Хеймдалль белый.
Асов и асиний
Тюр всегда опора.
Хеймдалля слух лучший,

Он заметит сразу
Первого примерно.
Тюр же справедливый,
Пасть не даст он чести.
Пусть совместно с Фрейром
Труд разделят судный.

17 *Наследник Видрира — классический кённинг Тора из «Языка поэзии»*

18 *Шлем земли и солнца — классический кённинг из «Языка поэзии»*

19 *Братья плуга — авторский кённинг земледельцев*

20 *Хитрый словом — авторский кённинг Тора с отсылкой на «Речи Альвиса»*

21 *Йотунов забота — авторский кённинг Тора*

22 *Нега ночи — авторский кённинг слова сон*

23 *Страх мышей — авторский кённинг слова кошка*

24 *Волчья сыть — авторский кённинг коня с отсылкой на русские народные сказки*

25 *Классический кённинг слова корабль из «Языка поэзии»*

26 *Терем болота — авторский кённинг Фенсалира*

27 *Классический кённинг слова битва из «Языка поэзии»*

28 *Воитель угодий мужа Ран — авторский кённинг слова корабль*

Рыб долины радость²⁹
Светлый ловит ветер.
Слейпнир быстроногий
Битвы птицей³⁰ мчится.
Бьют из-под копыта
Чистой силы искры.

Гна на Хофварпнире
Следом лёд глаз Сунны³¹
Вспышкой рассекает.
Этот конь исконно
Вестницу приносит
Раны Мани³² раньше.

Вопреки браваде
Третьей едет Фрейя.
Отстают немного
Рыси, хоть и быстры.
Нет кнута на кошку,
К труду не принудить.

Тор четвертым едет.
Молотом тяжелым
Машет беспрестанно.
Вес везти немалый
Двум козлам непросто:
Туги от натуги.

Гна и Один вместе
Край земли³³ поймают
Но уж виден Бифрест,
Асгарда парады.
Хеймдаль замирает:
Не уверен в первом.

Но Небесный странник³⁴,
Неумолчный молний
Сын³⁵, разящий словом,
Передал всю удаль

Слейпнира родитель³⁶ –
Конь летит как ветер.

Лишь одну секунду
Слейпнир Иггу выиграл.
С Гной разрыв их малый
Глаз не видит сразу.
Стали совещаться:
Мёд кому победный?

Раз решить непросто,
Молвил Тюр толково,
За советом стоит
К вёсен прошлых сёстрам,
Тех, что есть и будут³⁷,
Равно обратиться.

Пыл бесстрастно гонки
Урд прозреет бурной.
Нас её подсказка
На ответ направит.
Хоть быть может горько
Тору от повтора³⁸.

Нужен глаз надежный —
Согласились боги.
Один слов заветных
Строки пел умело.
Отозвались норны,
Правдою и славой.

Первым Игг явился,
Гна догнать сумела,
Хоть второй осталась.
Третью нам узреть бы!
Пламя Дисы ванов³⁹
Бьёт из глаз алмазных.

Одному осталась
Горечь схватки⁴⁰ Тору.

В споре быть последним
Свыкнуться не выйдет.
Все, однако ж, судьи
Слово норн уловят.

Фрейр сказал беспечно:
Велико ли дело!
Всё одно, кто выиграл:
Каждый равно важен.
Вестница Премудрой
Хорошо боролась.

Хеймдаль согласился:
Шли на волос близко
Гна с Равновысоким,
Далеко летели.
Не сбывшись, однако,
Тора с Фрейей речи.

Тюр заметил следом:
Мир закрепим пиром!
Не пристало мелочь
Распрей делать асам.
Благо, нет здесь Локи,
Пусть хоть раз пропустит.

С тем и порешили.
Справили на славу
Вис прекрасных самых
Пир достойный точно.
Только Тюр ошибся:
Был там Локи ловкий.

Песню эту долго
Пел он людям смелым.
Слушали не скальда —
Проходимца оды.
Всю сказал я правду,
Верьте иль не верьте.

29 Рыб долины отрада, в данном случае, радость — классический кённинг слова лето их «Языка поэзии»

30 Птица битвы — авторский кённинг слова стрела

31 Лёд глаз Сунны — авторский кённинг слова небо

32 Рана Мани — авторский кённинг слова рассвет

33 Авторский кённинг слова горизонт

34 Одно из современных хейти Локи

35 Сын молний — отсылка к Фарбаути

36 Слейпнира родитель передал всю удаль — так будет яснее, но правило аллитераций в четной строке требовало перестановки строк

37 Сёстры вёсен прошлых, нынешних и будущих — авторский кённинг норн

38 Отсылка на повторы в онлайн-трансляциях современных спортивных состязаний

39 Пламя Дисы ванов — авторский кённинг словосочетания гнев Фрейи

40 Горечь схватки — авторский кённинг слова поражение

Источники:

1. <https://norroen.info/src/snorra/3ru.html#31>
2. https://vk.com/@public_ecumene-146-imen-odina
3. <https://northern.thesaurusdeorum.com/8-imen-freji/>

Сага
о людях из Хельхейма

Артём Эл

*И вот она видит:
время настало —
суша из моря
восстала зеленая,
воды текут,
орлан по-над ними
летает и рыбу
высматривает.*

«Старшая Эдда. Прорицание Вельвы»
Перевод В. Г. Тихомирова

I

О том, что было после гибели богов, расскажет эта сага. К берегу вновь рожденного Мидгарда причалили корабли. Правил ими человек по имени Бранд, прозванный Соленой Кожей, что плавал еще в древние времена. Убил Бранд многих в доблестных сечах, но не был призван к пиру в чертогах Вальгаллы. Сплелась его судьба иначе, предначертан умереть в лихорадке. Был Бранд обречен на забвение в Хельхейм.

Сошли на берег все те, кто на кораблях Бранда сопровождал, всего их было три дюжины. Увидели они новый Мидгард, нетронутый ни богами, ни людьми, зеленый и добрый край, где не было для прибывших места. Тогда Бранд сказал:

— Старый дом сгорел в ночи Рагнарёка, не было чести нам сразиться бок о бок с богами. Теперь нет богов, но есть мы, что память о былом принесем.

С Брандом был человек по имени Йон Липа, сын Магнуса, сына Одда. Это был худой человек и боям предпочитал стены дома и вести всему учет. Он пал, когда свершалась месть отцу его, Магнусу. Йона пронзили случайно стрелой, когда тот стоял в стороне.

Другой человек, которого звали Стюр Медведь, тоже приплыл с Брандом. Он был неумного нрава и раньше ходил в берсерках. Был Стюр настолько свирепый, что убить его смогли только исподтишка, когда он крепко спал. И говорил Стюр Бранду:

— Идти надо дальше. Кто ведает, не одни мы пришли Мидгард заселить.

Йон Липа, что сидел на корточках и трогал землю, говорил:

— Хорошие земли легли перед нами. Вначале кров возведем, а после уж в глубины Мидгарда пойдем.

Отвечал им Бранд:

— Хватит нам и на то, чтобы осесть, и на то, чтобы вперед заглянуть. Ты, Йон, возьми себе людей с одного корабля. Распорядись так, чтоб было у нас к чему вернуться. Ты, Стюр, бери людей с двух других кораблей и пойдем с ними дальше.

На том они и разошлись. Йон взял людей и отправил шестерых из них к лесу, что рядом был, там очень плотно стояли деревья. Бранд и Стюр ушли искать и сами не зная что.

II

Теперь речь пойдет о двух людях, женщине и мужчине. Имена их Лив и Ливтрасир, пережили они зиму великанов, укрывшись в роцце Ходдмимир. Теперь же вышли в новый Мидгард, дабы заселить его новыми людьми. С ними и повстречались Бранд и Стюр.

Окружив женщину и мужчину, стали люди старого мира потешаться над наготой Лив и Ливтрасира. А больше всех говорил Стюр, насмехаясь:

— Дева, ты что же с бедняком связалась, что на нем даже одежды не сыскать? Идем ко мне, и будешь одета да согрета.

Молчали Лив и Ливтрасир, не было им что ответить. А Стюр продолжал:

— А ты, муж, что же молчишь? Твою деву и тебя я поношу, как только смею!

Бранд стоял в стороне и смотрел, думая о людях тех, мужчине и женщине, что молчали, крепко прижавшись друг к другу. Стюр продолжал:

— Срослись как два кривых ствола. Ты, Бранд, молчишь, а значит, дева мне достанется, а мужа ее незачем щадить, только лишний рот наживать.

Достал Стюр свою секиру и пошел на Лив и Ливтрасира. Тогда Бранд говорил:

— Стюр, побереги себя. Кровью упиться ты успеешь. Ты сказал им, что у тебя на уме, теперь дай и мне с ними поговорить.

Отступил Стюр, нахмурился, но помнил, кому обязан свободой от Хель. А Бранд к людям нагим подошел и с плеча своего отдал плащ. И затем говорил:

— Как у всего на свете есть имя, так и у вас они должны быть. Говорите.

Отвечать стала дева, принявшая плащ и укрывшая им себя и Ливтрасира:

— Мое имя Лив, муж сей сам себя назовет, коли посчитает нужным.

— Я Ливтрасир, — кратко отвечал муж.

— Имена ваши сказали мне, что не просто так повстречались мы. За что боги даровали вам честь остаться в живых? — говорил им Бранд.

— Новый мир, где должно быть новым людям, — отвечал Ливтрасир.

— Новый мир на костях старых людей, ты сказать хотел, — говорил Бранд.

— Я сказал, как хотел.

Злость обуяла Стюра, и схватился он за секиру, наглецу указать на его место. Говорил берсерк:

— Твои речи не под стать твоему положению. Новые люди будут, когда овладеем мы твоею Лив.

— Стюр, не лезь в речи, что тебе не по разуму, — говорил Бранд и положил руку на рукоять меча. — Убьешь того, кто пышет жизнью, и жизнь угаснет.

Стюр снова отступил, сказав:

— Ты, Бранд, хоть и помог нам, не мни себя большим, чем ты есть.

Отвечал ему Бранд:

— А ты, Стюр не мни себя умнее, чем ты есть. Заруби этих двух и погуби всех нас. Но придется тебе тогда вначале со мной посчитаться.

Спрятав секиру, недовольный Стюр вышел из круга. А Бранд говорил новым людям:

— Идете вы с нами. Волей или неволей, решайте сами. Боги и чудовища старого мира решили судьбу прежних людей и сплели судьбу новых. Не знали они, что вторгнутся те, кто недостойн пиров Вальгаллы, вершить участь свою и Мидгарда возрожденного.

— Мы волей пойдём, Бранд, а там — кто знает, как будет, — отвечала Лив.

Так они все пошли обратно к ладьям, где Йон возводил стены нового дома.

III

Далее рассказывается о Йоне, что послал людей за лесом и к которому они вернулись. Спрашивал тогда Йон:

— Ни с чем пришли вы. Не иначе, случилось что?

— Правда твоя, Йон. Не берут топоры наши деревья те. Затягиваются рубцы на них, будто на плоти живой.

Удивился Йон и пошел с ними в то место. Лес стоял безмолвный, и даже шелеста листвы не было слышно. Люди, что с Йоном были, принялись рубить деревья при нем. Но те так и остались невредимы, заживляя раны. Увидел Йон тогда: шли двое меж деревьев. Оба закутаны в плащи, один в зеленый, другой в серый. На головах — широкополые шляпы, лиц не видать. Говорил им Йон тогда:

— Назовите себя, те, что вышли к нам из этого колдовского леса, друзья вы или враги?

Двое дошли до людей и скинули с себя шляпы и накидки. Один был молодой, нес при себе лук и колчан стрел. Другой был хорошо сложен и красив, в железных доспехах, подпоясанный широким мечом. На ногах его были башмаки, один из них был в засохшей крови.

Говорил тогда тот, что молодой:

— Беглецы из Хельхейма, занозы старого мира. Не место вам тут, вернитесь, где должно вам быть. Это мы говорим, Вали и Видар, сыны Одина, сына Бора, сына Бури.

Понял тогда Йон, кто перед ним. И были они хозяевами этого леса, стражами нового Мидгарда. Говорил тогда Йон:

— Велик новый Мидгард, и мы ему поможем жить вместе с вами, наследники Всеотца.

— Мидгард не вам предназначен. Мертвая плоть не народит новой и должна отпасть. Хочешь знать, кому новый Мидгард назначен? Возвращайся к своим кораблям, а про лес этот мыслить забудь.

Послушался Йон и поспешил с людьми обратно. Не увидел он больше сыновей Одина, обернувшись на миг.

IV

Вернулись к кораблям и Бранд со Стюром, а потом и Йон со своими людьми. Увидели, как усеян берег телами их спутников. А посреди стояли двое воинов, один держал в руке молот. То были Магни и Модри, сыны Тора, сына Одина, сына Бора, сына Бури. Стражи Мидгарда возрожденного.

— Верните Лив и Ливтрасира. Сможете тогда уплыть в Хельхейм, где вам и место, — говорил Магни.

— Мы не тронем новых людей, — отвечал Бранд. — Но в сей день увидят они столько от старого мира, что память о нем пребудет с детьми их и детьми детей их. Нет уже чертогов Вальгаллы, но есть наша честь, и велит она — умереть с оружием в руках!

Не осталось людей старого мира после той битвы. Вернулись тогда из Хельхейма Бальдр с Хёдом, мир неся в Мидгард. Но память о воинах старых дней несут в себе потомки Лив и Ливтрасира по сей день.

Александр АНДРЕЕВ

Заклинание

Рыжей жостью жаровни
кроткой кровью вина
треском гибели кровли
чернокнижием сна
песней пепла дороги
тьмой изнанки души
призову тебя Локи
строчку гроз напиши

Строчку мёда закатов
над горящей землёй
где исход одинаков
пой ли песню не пой
поле злаков залито
золотым кипятком
в сердце рана открыта
тихий холод знаком

Тишью шёпота сосен
мягкой хвоей шагов
колыханьем колосьев
снизойди
Я готов
чёрный морок развеять
треск небес усмирить
кротким кронам поверить
рыжим лисом прожить

Йольский кот ▲

Художник:
Алина ПЕТРОВА (СИГРИД) ©

АРТ

